

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ФАКУЛЬТЕТ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

**Материалы III Ежегодной научно-практической
конференции памяти М.Ю. Кондратьева**

10 – 11 мая 2018 г.

Москва, МГППУ

УДК 316.6
ББК 88.5
С69

Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы III Ежегодной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева (10–11 мая 2018 г.). – М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2018. – 296 с.

Сборник содержит результаты актуальных практико-ориентированных исследований, представленных на III Ежегодной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики». Его авторы – студенты, преподаватели, аспиранты, психологи-практики и другие специалисты, работающие в различных российских организациях. Тематика сборника охватывает вопросы развития организационной психологии, социальной психологии образования, практической этнопсихологии, психологического тренинга и консультирования в социальной сфере, психологии дорожного трафика, а также другие актуальные проблемы.

Сборник представляет интерес для тех, кто разрабатывает психологические и психолого-педагогические средства повышения эффективности социального взаимодействия в различных сферах современного общества.

ISBN 978-5-94051-173-1

© ФГБОУ ВО МГППУ, 2018.

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ	10
I. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ	11
<i>Азарёнок Н.В.</i> К вопросу потребительской социализации белорусской молодежи	11
<i>Болтова А.Ю., Александрова Е.А.</i> Особенности социальных представлений об образе лидера (на примере современной России)	13
<i>Бровман Г.В., Бовина И.Б.</i> Когнитивные и аффективные аспекты влияния большинства и меньшинства в студенческой среде.....	15
<i>Быстров А.Д.</i> Социально-психологические аспекты политической вовлеченности молодежи (на примере школьников)	17
<i>Головина Т.С., Кожухарь Г.С.</i> Психологические роли и межличностные отношения студентов колледжа.....	19
<i>Дорофеева Н.В.</i> Взаимосвязь локуса контроля личности и удовлетворенности браком в супружеской паре.....	22
<i>Дружкина О.Д., Кожухарь Г.С.</i> К вопросу о социально- психологической адаптации супругов в молодой семье	24
<i>Дементьева Е.В., Хухлаева О.В.</i> Современные подходы к исследованию психологической удовлетворенности своей внешностью.....	27
<i>Жоржолиани Е.В.</i> Исследование взаимосвязи чувства патриотизма подростка с системой детско-родительских отношений	31
<i>Зангиева Т.Ю.</i> К вопросу о привязанности подростков к родителям	33

<i>Клочкова С.В., Хухлаева О.В.</i> Общение подростков в социальных сетях в этнокультурном аспекте	35
<i>Колядко М.М., Хухлаева О.В.</i> К вопросу о значении интернет-коммуникаций для людей с наличием социальных фобий	38
<i>Кочетков Н.В.</i> Гейм-аддикция как социально-психологический феномен	40
<i>Кочетова Т.В.</i> Актуальные вопросы исследования кросс-культурных различий в проявлениях зависти как социально-психологического феномена.....	42
<i>Липеева В.Ю. Кожухарь Г.С.</i> Установки, ролевые ожидания и притязания в браке в представлениях молодежи	44
<i>Малинов В.В., Хухлаев О.Е.</i> Исследование идентичности сторонников трансгуманизма на тревожность по поводу смерти	47
<i>Маринова Т.Ю., Федяева А.Ю.</i> Влияние психических процессов на восприятие рекламы	50
<i>Мелёхин А.И.</i> Практическая значимость оценки социального познания в пожилом и старческом возрасте	52
<i>Моисеев Р.Л., Цапина С.Ю.</i> Социально-психологические аспекты отношения к стойкому нарушению здоровья у взрослых и детей.....	55
<i>Муллахметов А.В.</i> Особенности информационной культуры разностатусных школьников	57
<i>Муравьева М.П.</i> К вопросу о взаимосвязи эмоциональной сферы личности и удовлетворённости жизнью	59
<i>Никифорова Е.Ф., Хухлаева О.В.</i> Особенности самопрезентации посредством селфи.....	62
<i>Носков А.Ю.</i> Социально-психологические аспекты любви ..	65
<i>Папахян К.А., Тимофеева О.В.</i> Феномен манипуляции в психологии	67

<i>Пенькова В.Н., Палагина А.А.</i> Символическая репрезентация выборов в сознании молодежи	69
<i>Попова Л.В., Левин В.И.</i> Удовлетворенность жизнью как предмет исследования в зарубежной и отечественной литературе	73
<i>Саченко Л.А.</i> О психологических проблемах материнства женщины – педагога дошкольного образования	76
<i>Свирищева Д.Ф.</i> О восприятии подростком внутрисемейных отношений в полных и неполных семьях	78
<i>Серокурова С.В.</i> К вопросу об изучении референтности как феномена психологической реальности	81
<i>Сидоренко О.А., Реутова А.С.</i> К вопросу о роли психологической помощи детям с инвалидностью в системе образования.....	83
<i>Сковородникова А.Ю.</i> Кинокомедии как инструмент социального влияния	85
<i>Танакова О.О.</i> Исследование взаимосвязи особенностей ценностной сферы и паттернов поведения среди представительниц феминистического движения	87
<i>Хливненко В.В., Гадилия А.М.</i> Стремление к власти и локус контроля предпринимателей.....	90
<i>Шапоренко О.Н., Хаймовская Н.А.</i> Социально-психологические особенности будущих матерей	92
<i>Шульга Т.И.</i> Актуальные проблемы социальной психологии образования.....	96
<i>Щедрова И.А.</i> Влияние опыта семейной депривации на социальные представления о материнстве, отцовстве и родительстве	99
II. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ПСИХОЛОГИИ	101

<i>Арбузова Н.С., Харченко М.А.</i> Снижение рисков в решении о найме работников.....	101
<i>Ивановская Э.Г.</i> К вопросу об адаптации персонала.....	103
<i>Коробейникова Е.В., Сергеева Е.А.</i> Нематериальные инструменты мотивирования персонала в условиях конкретной организационной культуры предприятия ресторанный бизнеса	106
<i>Погодина А.В.</i> К вопросу о готовности к предпринимательской деятельности современного студенчества: региональные исследования	108
<i>Сергеева М.М.</i> Корпоративная культура как фактор мотивации персонала организации	111
III. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ ...	114
<i>Акимочкин А.В., Орлов В.А.</i> Особенности оценки личностных и профессиональных качеств преподавателей студентами колледжа в процессе педагогического общения.....	114
<i>Артамонов Р.Ю.</i> Исследование социально-психологических особенностей профессиональных предпочтений у старшеклассников.....	116
<i>Бабанин П.А.</i> Особенности межличностных отношений в студенческой группе	119
<i>Бахарев А.В., Крушельницкая О.Б.</i> Влияние СМИ на ценностные ориентации подростков	121
<i>Ботова С.А., Федорова Е.П.</i> О некоторых возможностях дополнительного образования как средства социальной адаптации первоклассников	124
<i>Браславский А.Д., Крушельницкая О.Б.</i> Особенности психологических защит у детей с сенсорными нарушениями	126
<i>Варенова О.А., Расходчикова М.Н.</i> К вопросу об особенностях статусной позиции и мотивации подростков	129

<i>Горячева Н.В.</i> Позитивная социализация обучающихся с помощью проектной деятельности	131
<i>Даниленко О.В.</i> Динамика самооценки младших школьников	135
<i>Желябина М.В., Кадушкина Е.М.</i> К вопросу о социально-психологической адаптации пятиклассников	139
<i>Забегина К.В., Маринова Т.Ю.</i> Интернет-зависимость в студенческой среде.....	141
<i>Иванова Ю.Э.</i> Взаимосвязь уровня субъективного отчуждения и субъектной позиции разностатусных учащихся.....	144
<i>Козлинская М.В., Хухлаев О.Е.</i> Социальные представления об инклюзивном образовании	146
<i>Косинец М.А., Хаймовская Н.А.</i> Взаимосвязь особенностей профессионального самоопределения и социальной мотивации подростков.....	149
<i>Кутыга С.М., Орлов В.А.</i> Тип семейного воспитания и представления школьников о своей будущей семье.....	151
<i>Лысов М.И., Пащенко А.К.</i> Взаимосвязь рефлексии и отношения к соблюдению норм поведения у лиц, занимающихся йогой	155
<i>Лычкова О.В., Маринова Т.Ю.</i> К вопросу о влиянии методики «гимнастика мозга (brain gym)» на уровень тревожности у школьников 4-х классов.....	158
<i>Маковская А.В., Барина О.В.</i> Эмоциональная направленность как фактор социализации детей дошкольного возраста....	161
<i>Марченко Е.С.</i> Социально-психологические установки личности у подростков, совершавших рискованные действия	163
<i>Моргунова Л.Н.</i> К вопросу о взаимосвязи мотивации к обучению и рефлексии у разностатусных учащихся (на примере студентов колледжа)	165

<i>Мосолова В.Ю., Сачкова М.Е. Проблема психологических противоречий и конфликтов в ученических группах</i>	168
<i>Никитин П.С., Шульга Т.И. Особенности доверия у студентов первого курса.....</i>	170
<i>Павлов Э.Е. Отношения референтности как фактор развития социальных навыков у студентов с ОВЗ</i>	174
<i>Патракеева О.В. Расходчикова М.Н. Социально-психологические особенности мотивации первокурсников</i>	176
<i>Попович Ю.А. Бифобия как социально-психологический феномен в контексте образовательного учреждения</i>	178
<i>Рунов И.А., Мешкова Н.В. К вопросу о влиянии стиля воспитания в семье на одаренность детей</i>	180
<i>Сафонова С.А., Сачкова М.Е. Проблема адекватности восприятия межличностных отношений в школьном возрасте.....</i>	182
<i>Стриго А.А. Красило Т. А. Взаимосвязь особенностей детско-родительских отношений с уровнем креативности детей дошкольного возраста</i>	184
<i>Федорова М.Д. Расходчикова М.Н. Исследование самооценки и статусной позиции школьников в творческой сфере.....</i>	186
<i>Харитонов А.Б., Орлов В.А. Взаимосвязь социального интеллекта и психологического благополучия у школьников с ограниченными возможностями передвижения</i>	188
<i>Шарабарин Д.В., Крушельницкая О.Б. Психологические особенности представлений студентов о патриотизме.....</i>	190
<i>Ян Ибо, Леганькова О.В. Актуальность исследования межличностных отношений современных китайских студентов</i>	194
IV. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТРЕНИНГ И КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ	197

<i>Дмитриева И.В., Хаймовская Н.А.</i> Роль групповой психологической работы в развитии интимно-личностного взаимодействия и открытости семейной системы	197
<i>Допишинская А.А., Баринова О.В.</i> Особенности применения коучинга в работе психолога с многодетными матерями .	199
<i>Калякина Д.Ш., Погодина А.В.</i> Исследование роли эмпатии в эмоциональном выгорании психологов-консультантов....	201
<i>Силаева К.А.</i> Зависимость удовлетворенности браком от совместного или раздельного проживания с родителями .	205
<i>Соколовская Н.Е.</i> Психологические факторы успешности решения профессиональных и жизненных проблем у женщин в период зрелости.....	207
<i>Сухоручкина А.В., Хухлаев О.Е.</i> Модерация и фасилитация: зарубежный опыт	209
<i>Шевчук С.А., Пащенко А.К.</i> Эффективность тренинговых техник в работе с самопрезентацией подростков	212
<i>Щадина А.Н.</i> Актуальные задачи социально-психологического тренинга для старших подростков	215
<i>Юнаева Г.М.</i> Эффективность групповых методов работы в профессиональном самоопределении подростков.....	218
V. ПРАКТИЧЕСКАЯ ЭТНОПСИХОЛОГИЯ	222
<i>Батищев А.С.</i> Связь ценностных ориентаций личности и ее отношения ко сну	222
<i>Вертоградская Т.И., Александрова Е.А.</i> Особенности ценностных ориентаций у православных и буддистов	223
<i>Волкова Д.А. Александрова Е.А.</i> Этнические стереотипы о русских в американском кинематографе.....	226
<i>Забелин С.В., Лейбман И.Я.</i> К вопросу об этнокультурной и религиозной специфике формирования ожиданий у клиентов	228

<i>Забелина Е.Н., Павлова О.С.</i> Осведомленность психолога о специфике работы с клиентами иной этнической и религиозной идентичности	230
<i>Зоткина О.Л., Кузнецов И.М.</i> Особенности автостереотипов у лиц без определенного места жительства	233
<i>Карасёва А.К., Павлова О.С.</i> Ценностные ориентации и детско-родительские отношения в семьях разного вероисповедания	235
<i>Колесник М.А. Александрова Е.А.</i> Социально-психологические аспекты изучения новой религиозности и феномена базового шаманизма в России	238
<i>Лейбман И.Я., Сундуков З.В.</i> Взаимосвязь особенностей формирования знаний о сексуальной культуре и профиля культурных ценностей	241
<i>Обухов А.С., Ткаченко Н.В.</i> Визуальные методы исследования обрядов: фиксация видимых социокультурных смыслов этнических культур.....	244
<i>Ташаева Б.С.</i> Этническая идентичность и самооценка подростков	247
<i>Усубян.Ш.А., Хухлаев О.Е.</i> Социальные представления о Европе и Европейских ценностях у российских студентах обучающихся на разных направлениях	249
<i>Шахбазова Е.Ю., Хухлаева О.В.</i> Исследование взаимосвязи ценностно-смысловой сферы личности и её включённости в русскую народную культуру	252
<i>Шорохова В.А.</i> Теоретические подходы к исследованию понятия «идентичность»	255
VI. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ДОРОЖНОГО ТРАФИКА.....	259
<i>Болотова Д.А., Голуенко Е.Б., Кондратьев Ю.М., Мальцев В.В.</i> Роль психологии дорожного движения в профилактике дорожно-транспортных происшествий	259

<i>Великанов Л.В.</i> Изучение специфики фрустрационных реакций водителей в ситуациях дорожного движения.....	261
<i>Ершова О.А., Погодина А.В.</i> К вопросу о психологическом и физиологическом состоянии беременной женщины за рулем	263
<i>Ефремов С.Б., Кочетова Т.В.</i> К вопросу исследования стилистических и стратегических особенностей управления транспортным средством	265
<i>Ковыльникова Е.А.</i> Автомобильный бренд как элемент социальной идентичности личности.....	267
<i>Кочетова Т.В., Поликарпова М.С.</i> Сравнительный анализ социальных представлений водителей об агрессивном и неагрессивном вождении	269
<i>Лобанова Ю.И.</i> О работе над моделью стиля вождения.....	271
<i>Мальцев В.В.</i> О социально-психологических проблемах при подготовке начинающих водителей.....	274
<i>Николаева О.В., Погодина А.В.</i> К вопросу об особенностях восприятия дорожно-транспортной среды подростками с разной степенью склонности к риску	276
<i>Чуланова А.М., Литвинова Е.Ю.</i> Психологическая готовность к вождению автомобиля у кандидатов в водители.....	279
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	282

Предисловие

Научно-практическая конференция памяти первого декана факультета социальной психологии МГППУ Михаила Юрьевича Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики» проводится уже третий год. Она была создана с целью консолидации ученых, работающих в русле научных идей профессора М.Ю. Кондратьева, действующей на факультете социальной психологии МГППУ научной школы академика РАО А.В. Петровского и в целом – развития отечественной социальной психологии. Начинаясь конференция со студенческого форума, который быстро приобрел популярность и вышел за пределы одного университета.

Значительные трансформации в современном обществе предоставляют исследователям большое поле для исследовательских изысканий. Все больше успех человека зависит от его коммуникативной компетентности, от социально-психологической структуры и направленности различных групп. Характер межличностного и межгруппового общения может вызывать войны, а может объединять людей в решении общественно значимых проблем. Поэтому растет интерес к поиску новых средств социально-психологического анализа и решения практических проблем бизнеса, образования, семейных отношений и других сфер деятельности человека.

Нынешняя конференция объединила не только студентов, аспирантов, других молодых ученых, но и специалистов различных направлений, чьи исследования и практическая профессиональная деятельность связаны с современной социальной психологией. Знакомство с современными отечественными и зарубежными средствами организации и проведения научно-исследовательской работы, выявление перспективных направлений исследования социально-психологических проблем, обмен опытом научно-исследовательской и научно-практической деятельности – эти и другие задачи решаются участниками нынешней конференции.

В докладах участников конференции отражены результаты новейших социально-психологических исследований, большинство из которых имеют прикладной характер.

Основные направления работы конференции – «Актуальные проблемы современной социальной психологии», «Современное состояние и тенденции развития организационной психологии», «Социальная психология образования», «Психологический тренинг и консультирование в социальной сфере», «Практическая этнопсихология», «Социальная психология дорожного трафика».

I. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

К вопросу потребительской социализации белорусской молодежи

*Азарёнок Н.В.
Институт психологии БГПУ,
Минск, Республика Беларусь
azarionoknv@mail.ru*

От знания социальных норм и ценностей, требований общества, а также от социального опыта индивида зависит его успешное функционирование в обществе. Такое знание приобретает в процессе социализации. Понятие экономической социализации рассматривается авторами как процесс превращения человека в полноправного члена экономического сообщества, как процесс приобретения необходимых знаний, понятий и представлений об основных экономических явлениях общества (усвоение экономического опыта, знаний, ролей и, как следствие, формирование экономического сознания, мышления, соответствующего экономического поведения и т.п.). А.В. Овруцкий отмечает, что потребительская социализация есть одна из главных частей экономической социализации и описывает её как процесс социализации потребностей и социализации конкретных способов их удовлетворения. Исследователь полагает, что, в отличие от иных видов социализации, потребительская происходит практически постоянно [2].

Согласно И.В. Алешиной, потребительская социализация – «процесс приобретения молодыми людьми умений, знаний и отношений, затрагивающих их функционирование на рынке в качестве потребителей. Потребительская социализация происходит как передача культурных ценностей от одного поколения к другому (чаще – от родителей к детям) и предполагает формирование устойчивых, социально-одобряемых потребительских предпочтений» [1, с. 144].

Анализ представлений современной молодежи о пяти основных потребительских понятиях – «потребитель», «покупатель», «потребительское поведение», «продавец» и «реклама», являющихся результатом усвоения воспроизводства и создания уникального потребительского опыта, позволил заключить, что молодые люди

обладают разным уровнем знаний в данной области и, как следствие, потребительской социализацией.

Категориальный анализ представлений современной молодежи об указанных феноменах современного рынка позволил сделать следующие выводы. Молодые люди давали как точную (правильную) формулировку понятий, так и абсолютно неверную. Например, молодежь в большинстве своём не видит существенных различий в определениях понятий «потребитель» и «покупатель», наделяя их схожими функциями. При этом научная трактовка данных понятий позволяет заключить, что роли потребителя и покупателя могут совпадать, а могут принципиально отличаться. Потребитель – конечный пользователь продуктом или услугой, а покупатель – это тот, кто непосредственно совершает покупку и может ограничиться только функцией приобретения без использования.

Более точное определение было дано понятию «реклама». Молодежь придерживается представлений, что основная цель рекламы – это создание осведомлённости и предоставление информации, чтобы покупатель выбрал именно рекламируемый продукт.

Выделились три наиболее часто употребляемых категории в отношении культурных принципов покупателя, а именно – рациональность и компетентность поведения, уважительное отношение к продавцу/покупателю и личные качества покупателя. В последнюю очередь молодёжь прибегает к описанию культурного поведения покупателя через его уважительное отношение к приобретаемому им товару, а также через этические требования (не уходить не заплатив, не воровать, соблюдать правила поведения в обществе).

В основе представлений о культурных принципах поведения продавца лежат такие критерии, как профессионально-личностные качества продавца, профессиональная компетентность и профессиональная этика продавца. Реже молодые люди в описании культурного поведения продавца используют дескрипторы категории «этика рыночных отношений», что говорит о том, что молодёжь обращает незначительное внимание на такие моменты, как уважительное отношение к конкурентам, не распространение ложной информации о конкурентах, коррупция и др.

Стоит отметить, что в описании представлений о культурных принципах поведения и продавца, и покупателя отсутствует такая необходимая в современных рыночных условиях компетенция, как знание своих прав и обязанностей, знание Закона Республики Беларусь «О защите прав потребителей». Такое недопонимание

культурных принципов функционирования в рыночных условиях может свидетельствовать о низкой осведомленности в данной области.

В ходе исследования были выявлены также 5 основных феноменов, затрагивающих функционирование на рынке в качестве потребителей, другими словами такое функционирование можно назвать потребительской активностью. Этими феноменами стали: товар, цена, деньги, магазин, продавец.

Обозначались 2 основных предпочитаемых молодежью способа формирования навыков совершения покупки: собственный опыт в качестве самостоятельного покупателя и совместно организованный шопинг родителей и детей. Данные способы современные исследователи относят к агентам и института потребительской социализации. К категориям с низкой частотой выбора отнесены инструктирование детей о том, как следует себя вести в местах торговли, а также общение со сверстниками по этому вопросу.

Литература

1. *Алёшина И.В.* Поведение потребителей: учебник. М., 2006.
2. *Овруцкий А.В.* Социальное содержание категории потребление // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 4 (258).

Особенности социальных представлений об образе лидера (на примере современной России)

*Болтова А.Ю., Александрова Е.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
psystudy@bk.ru, kaf_etmops@mgppu.ru*

Социальные представления являются неким способом интерпретации и осмысления повседневной реальности определённой группой. Начало изучения социальных представлений было положено учёными Г. Ле Боном и Ж.Г. де Тардом в их работе о психологии масс/толп. Значительный вклад в изучение внесли такие исследователи, как Э. Дюркгейм, Л.С. Выготский, С. Московичи, Г.М. Андреева и др.

Нами было проведено исследование на выборке из 90 людей, которые были разделены на две группы по критерию возраста: одни респонденты относились к представителям поколения X, другие – к представителям поколения Y. В первую группу респондентов вошли

представители поколения X в возрасте от 34 до 54 лет, ее численность составила 46 человек. Вторая группа сформирована из представителей поколения Y в возрасте от 18 до 32 лет, в количестве 44 человек. В рамках настоящего исследования были использованы следующие методические средства: методика Куна-Макпартленда «Кто я?», прототипический анализ П. Вержеса изучения социальных представлений, семантический дифференциал Ч. Осгуда.

Определения, которые давались респондентами в ответах к первой методике, имеют разную направленность по времени. У представителей поколения X в значительной степени преобладала направленность определений в настоящее (91%), в то время как направленность в будущее отсутствовала вовсе. Также превалирует направленность в настоящее время у представителей поколения Y – 83%, но, в отличие от другой группы, имеется тенденция направленности определений в будущее – 16%. Полученные результаты объясняются возрастом респондентов. Максимальный возраст представителей поколения Y – 32 года, большинство респондентов – студенты вузов, только начинающие свой профессиональный и жизненный путь. Также представители поколения Y склонны оценивать себя более объективно, по сравнению с представителями старшего поколения.

Полученные и проанализированные результаты прототипического анализа Вержеса по представителям поколения X отличаются равномерностью распределения ассоциаций по структурам социального представления. В ядре содержатся такие слова, как «главный», «уверенный», «целестремлённый», «сильный».

Результаты, полученные при анализе ответов представителей поколения Y, сильно отличаются от результатов первой группы респондентов. Во-первых, большая часть ассоциаций представителей поколения Y сосредоточилась во второй периферической системе. Во-вторых, различия касаются и ассоциаций в ядре – в данном случае это «главный» и «друг».

Зону ядра образуют стереотипы и прототипы, ассоциирующиеся с объектом – в данном случае с образом лидера. Остальные области образуют периферическую систему. Эта часть обозначается также как потенциальная зона изменения, поскольку является источником потенциального изменения и трансформации представления [1; 2].

Результаты третьей методики – семантического дифференциала Ч. Осгуда таковы. Отметим, что по всем трём факторам представители поколения Y оценивают образ самого себя чуть более положительно, по сравнению с представителями поколения X. И намного более позитивно оценивается респондентами этой группы образ лидера. В

ходе исследования нами также было рассчитано расстояние между понятиями у двух разных групп выборки. Расстояние между понятиями «лидер» и «я сам» у представителей поколения X равен 0,38. В то же время, расстояние между понятиями «лидер» и «я сам» у представителей поколения У равен 0,82. Очевидно, что представители младшего поколения менее склонны соотносить себя с лидером. Тем не менее, во второй периферической системе социального представления у респондентов поколения У имеется ассоциация «я», а у представителей поколения X ни в одном элементе социального представления нет ассоциаций, схожих с «я». Также во время проведения первой методики «Кто я?» респонденты второй группы нередко писали про самих себя «лидер» и пр. Также образ лидера, составленный респондентами – представителями поколения X, практически полностью совпадает с образом самого себя, составленного респондентами из поколения У. Представление о самом себе у второй группы респондентов чуть более позитивное, нежели у более старшего поколения. И значительно более позитивно оценён образ лидера представителями поколения У, по сравнению с представителями поколения X. Представления об образе лидера подверглись изменению со временем, и лидер представителями двух разных поколений воспринимается по-разному. В то же время, повторим, представители поколения У склонны к формированию в некоторой степени незрелых понятий.

Литература

1. *Бовина И. Б.* Стратегии исследования социальных представлений// Социологический журнал. № 3. 2011.
2. *Донцов А.И., Емельянова Т.П.* Концепция социальных представлений в современной социальной психологии / А.И.Донцов, Т.П. Емельянова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987.

Когнитивные и аффективные аспекты влияния большинства и меньшинства в студенческой среде

*Бровман Г.В., Бовина И.Б.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
Gregoire1984@mail.ru*

Поведение большинства традиционно считается мощным фактором, оказывающим влияние на поведение индивидов. Вместе с тем, изучение этого вопроса в теоретическом и практическом планах

изолированно. Влияние меньшинства зачастую весьма парадоксально и нелогично и показывает сложность, противоречивость групповой жизнедеятельности. Знание закономерностей действия этого феномена позволяет прогнозировать развитие групповых процессов.

Большинству свойственна тенденция оказывать более заметное аффективное влияние, однако, по мнению некоторых исследователей (Дж. Тернер, Г. Мюни), большинство может оказать и аффективное, и когнитивное влияние [3]. Хотя в большинстве случаев когнитивное влияние меньшинства более очевидно, чем его прямое аффективное влияние, существуют случаи, когда меньшинство способно оказать аффективное влияние, равное по силе аффективному влиянию большинства [2]. Процессы влияния большинства и меньшинства отличаются главным образом формой выражения.

Одной из социальных проблем, являющейся отчасти следствием процессов социального влияния в современных развитых странах, в том числе и в России, является система ювенальной юстиции (далее – СЮЮ) и отношение к ней со стороны общества [4].

В предложенном исследовании были проведены эксперименты с двумя группами из 20 студентов, мужчин и женщин 18-35 лет, имеющих детей. Первой экспериментальной группе испытуемых предлагалось письменное сообщение с описанием мнения актуального большинства в России относительно СЮЮ. Второй экспериментальной группе предлагалось аналогичное сообщение, только мнение большинства относительно СЮЮ в нем не совпадало с реальным положением дел. Постэкспериментальный опросник состоял из двух частей: с помощью первой части выявлялось аффективное влияние экспериментального сообщения на респондентов (семантический дифференциал Ч. Осгуда) [1], а с помощью второй части выявлялось когнитивное влияние экспериментального сообщения на респондентов.

Если говорить об аффективном аспекте влияния, то под влиянием мнения большинства респонденты склонны относиться к СЮЮ скорее отрицательно, в то время как меньшинство склоняет респондентов нейтрально относиться к СЮЮ.

Что касается когнитивных представлений респондентов о СЮЮ в целом и ее наличию и исполнению в России, то под влиянием большинства представление респондентов о СЮЮ оказалось скорее отрицательным, в то время как под влиянием меньшинства – стало нейтральным. Также было выявлено, что когнитивный аспект влияния большинства в студенческой среде на мнение о СЮЮ присутствует и сопоставим (0,37 и 0,28), с когнитивным аспектом влияния меньшинства.

Полученные в ходе эксперимента значения аффективных аспектов влияния большинства характеризовались значением 0,77, в то время как значение когнитивного аспекта влияния большинства составило 0,37, что показывает, с одной стороны присутствие когнитивного аспекта влияния большинства в студенческой среде, а с другой – преобладание аффективного компонента во влиянии большинства в студенческой среде.

Выявленные в настоящей работе показатели аффективного влияния меньшинства 0,025 и когнитивного влияния меньшинства 0,28 показывают, с одной стороны, присутствие аффективного компонента во влиянии меньшинства, а с другой – разницу во вкладе когнитивного и аффективного аспектов приблизительно на порядок.

Данная работа открывают перспективу углубленным исследованиям социального влияния на представления о СЮЮ в студенческой среде с использованием контрольных групп, более широкого спектра методов и методик и более репрезентативных выборок, включающих людей, более тесно контактировавших с СЮЮ. Остаются открытыми вопросы, связанные с публичным, отложенным и внутригрупповым социальным влиянием в студенческой среде.

Литература

1. Глухов В.П. Основы психолингвистики: учеб. пособие для студентов педвузов, М.: АСТ: Астрель, 2005.
2. Aebischer V, Hewstone M., Henderson M. Minority influence and musical preference: Innovation by conversion not coercion, European Journal of Social Psychology, Jan. 1984.
3. Mugny G. Negotiations, image of the other and the process of minority influence, European Journal of Social Psychology, April 1975.
4. <https://wek.ru/otnoshenie-rossijskogo-obshhestva-k-yuvenalnoj-yusticii> .

Социально-психологические аспекты политической вовлеченности молодежи (на примере школьников)

*Быстров А.Д.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
bystrandr@gmail.com*

Вопрос о причинах вовлечения индивидов в коллективные действия (в частности, в политику) остается местом теоретических

дебатов социальных психологов и социологов. Поиск переменных, которые влияют на разные формы политической активности, все чаще оказывается в фокусе психологических исследований.

Прошлый год в России ознаменовался рядом политических событий и протестов под эгидой митингов против коррупции. Например, антикоррупционные протесты в России 26 марта, 12 июня и 7 октября 2017 года. Основной посыл протестов был связан с привлечением внимания власти к уровню коррупции, экономическому благосостоянию и проблемам здравоохранения в стране. Наиболее значительным изменением оказались изменения в дискурсе о социодемографическом составе участников митингов: политическая активность и вовлеченность молодежи и школьников старших классов, которые, наряду с другими участниками акций, занимали львиную долю в распределении по возрастному признаку участников митингов. Такую позицию занимали ряд СМИ, которые транслировали идею об ориентации оппозиционного движения на школьников и использовании их для политических целей [1].

Тем не менее, этот тезис был подвергнут сомнению лидерами оппозиционного движения. Например, в своем блоге оппозиционный политик А. Навальный писал, что доля школьников, принявших участие в митинге 26 марта составила около 7%, а группа, которая включила в себя наибольшее количество людей – участники митинга от 21 до 30 лет [2].

В рамках исследования мы бы хотели сфокусировать внимание на молодежи (конкретно – школьники 10 и 11 классов), которая неожиданно оказалась в поле дискуссий конкурентных политических сил в российских реалиях.

В исследовании участвовали респонденты ($N = 69$), проживающие на территории Российской Федерации. Выборка включила 38% – женщин и 62% – мужчин. Средний возраст респондента составил 17,4 года ($SD = 1,44$ года) в возрасте от 14 до 18 лет. Из респондентов 20 сообщили об обучении в вузе (29%), остальные 51 участника исследования указали, что учатся в школе в данный момент (71%).

Проведенное нами эмпирическое исследование показало, что не существует взаимосвязи между политической активностью и верой в то, что респондент может оказывать эффективное влияние на политику: мы тестировали различия групп с разной политической активностью по переменной экстернальной политической эффективности и не нашли статистически значимых различий.

Таким образом, мы получили, что политическая активность индивидов не взаимосвязана с верой в то, что респондент может оказывать влияние на политическую жизнь страны. Иными словами,

мы можем наблюдать высокую политическую активность индивида в отсутствии веры в то, что это имеет потенциальное влияние на политическую реальность (как ровным счетом и наоборот).

Описанная нами закономерность могла бы объясняться несколькими способами. Во-первых, мы могли бы интерпретировать это при помощи анализа функции политической активности школьников в их текущей ситуации. Несмотря на отсутствие веры в успех действий, политическая активность возникает, что ставит вопрос о роли этой активности в жизни подростка. Мы можем анализировать поведение школьников в текущем возрастном периоде, используя теоретический аппарат советской психологической школы. Ведущей деятельностью в подростковом возрасте является общение со сверстниками, и политическая активность может выступать как возможность для неформального общения с участниками референтной группы вне образовательного учреждения. Иными словами, политическая активность школьников не имеет собственно политических целей, а формируется под давлением потребности в «значимом другом». В силу острой политизированности общества, именно политика может выступать в качестве доступной площадки для осуществления подобной деятельности.

Литература

1. Не Навальный, а Нэвэльный. За что школьники так любят Алексея Навального [электронный ресурс] // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/articles/2017/06/14/nava/> (дата обращения: 10.04.2018).
2. Бородатые школьники: кто ходил на митинги 26 марта [электронный ресурс] // URL: <https://2018.navalny.com/post/31/> (дата обращения: 10.04.2018).

Психологические роли и межличностные отношения студентов колледжа

*Головина Т.С., Кожухарь Г.С.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
gts88@bk.ru*

Межличностное взаимодействие играет большую роль в организации жизнедеятельности людей, его качество влияет на совместную деятельность в коллективах, на уровень самореализации

их членов. Молодые люди часто сталкиваются с трудностями в общении в процессе профессионального становления. Этот факт во многом определяется характером социальной ситуации развития в юности (поиском своего места в социуме, началом практической деятельности в профессиональной самореализации, процессом самоопределения, учебной и профессиональной активностью и др.) и особенностями взаимоотношений с окружающими людьми (потребностью в доверительном и неформальном общении со взрослыми, установлением взаимоотношений с противоположным полом и др.). Несмотря на большое количество исследований, посвященных проблемам общения у студентов, еще недостаточно изучены конкретные взаимосвязи между психологическими ролями, которые наиболее часто используют студенты, и их межличностными отношениями.

В данной части исследования мы предположили, что различные психологические роли (эго-состояния) у студентов колледжа будут взаимосвязаны с разными типами межличностных отношений.

Выборка состояла из 84 человек, студентов колледжа, отделение «Архитектура и Дизайн». Возраст 15-18 лет. Юношей – 37 человек и девушек – 47 человек.

Были использованы два метода психодиагностики: тест «Личная эограмма» М.С. Барановской и методика диагностики межличностных отношений Т. Лири.

Для выявления взаимосвязей исследуемых переменных был использован корреляционный анализ по критерию Спирмена.

Вся выборка была разделена на подгруппы по критерию доминирования психологической роли в структуре личности. В результате в группу с преобладанием Критического Родителя попали всего два человека, поэтому в ней взаимосвязи не исследовались. В подгруппе с доминированием Заботливого Родителя попали наибольшее количество студентов – 29 человек. Меньше всего было выявлено студентов с высоким уровнем Взрослого – только 7 человек. Соответственно, в подгруппу с выраженным Естественным Ребенком вошло 16 студентов и в подгруппу с Адаптированным Ребенком – 12 человек. Остальные студенты колледжа имели в структуре личности от двух до 4 одинаково выраженных ролей, поэтому они не были включены в данный анализ.

У студентов колледжа, в структуре личностного профиля которых доминировала психологическая роль Взрослого, были выявлены значимые корреляционные взаимосвязи: прямая между позицией Взрослого и дружелюбием как интегральным показателем межличностных отношений ($r = 0,777$ при $p \leq 0,05$) и обратные связи

между ролью Взрослого и проявлением эгоистичности во взаимоотношениях с другими людьми ($r = -0,770$ при $p \leq 0,05$), а также с агрессивностью ($r = -0,852$ при $p \leq 0,05$). Девушки данной подгруппы продемонстрировали связь половой принадлежности с проявлением дружелюбия ($r = 0,791$ при $p \leq 0,05$).

В случае доминирования роли Заботливого родителя у студентов, были обнаружены взаимосвязи между эго-состоянием Естественного Ребенка и проявлением авторитаризма в отношениях с другими людьми ($r = 0,445$ при $p \leq 0,05$). Интересно, что в этой группе принадлежность к женскому полу была напрямую связана с проявлением агрессии ($r = 0,529$ при $p \leq 0,01$).

В группе студентов, у которых вершину иерархии ролей в структуре личности занимал Естественный Ребенок, были выявлены прямые связи между Заботливым Родителем и авторитарностью ($r = 0,507$ при $p \leq 0,05$), а также с доминированием как интегральным показателем отношений ($r = 0,648$ при $p \leq 0,01$). Обратная взаимосвязь оказалась между Заботливым Родителем и зависимостью в отношениях ($r = -0,563$ при $p \leq 0,05$). Роль Взрослого прямым образом связана с проявлением зависимости во взаимоотношениях с другими людьми ($r = 0,533$ при $p \leq 0,05$), в то время как позиция Естественного Ребенка обратным образом коррелировала с агрессивностью ($r = -0,543$ при $p \leq 0,05$).

Для студентов с преобладанием в личностном профиле Адаптированного Ребенка (всего 12 человек) была выявлена только одна значимая положительная корреляционная взаимосвязь: между позицией Взрослого и подчинением в межличностных отношениях ($r = 0,764$ при $p \leq 0,01$).

Таким образом, подводя итоги проделанному анализу, мы можем заключить, что у данных испытуемых психологические роли оказались связаны с разными типами отношений, причем характер взаимосвязей свидетельствует о некоторых деформациях проявления психологических ролей и их выражении в неадекватных типах межличностных отношений. Данный факт свидетельствует о необходимости практической работы со студентами колледжа, направленной на оказание помощи в дифференциации ролевых позиций и укреплении позиции Взрослого в процессе взаимодействия с другими людьми.

Взаимосвязь локуса контроля личности и удовлетворенности браком в супружеской паре

*Дорофеева Н.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
ninelca18@yandex.ru*

В данной работе мы изучали то, каким образом проявляется взаимосвязь локуса контроля личности с удовлетворенностью браком в супружеских парах. Отдельно мы сосредоточились на вопросе раскрытия проявления у личности качеств, описывающих основные категории локуса контроля [1].

В исследовании приняли участие 30 супружеских пар, с продолжительностью брака от 10 до 25 лет.

Женщины, участвовавшие в исследовании, располагаются в возрастном диапазоне от 30 до 50 лет, мужчины от 29 до 53 лет.

При обработке экспериментальных данных, полученных в ходе исследования по тесту удовлетворенности браком (В.В. Столин, Т.Л. Романова и Г.П. Бутенко) [3], все участники были подразделены на 4 категории: абсолютно неблагополучный брак, неблагополучный брак; благополучный брак; абсолютно благополучный брак.

В итоге на основании теста удовлетворенности браком все участники исследования были объединены из четырех категорий в две группы: не удовлетворенные браком (20 человек) и удовлетворенные браком (40 человек), которые далее сравниваются между собой.

При анализе удовлетворенности браком (опросник «Уровень удовлетворенности браком» (Ю.Е. Алешина) можно сделать вывод, что эмоциональный комфорт среди супружеских пар имеет самый низкий показатель (4,3 бала), чуть выше - отношение к браку - 4,6 балла, самый высокий показатель - согласие по основным вопросам (8,2 балла).

Средний балл удовлетворенности браком среди испытуемых составил 28,2 балла при максимальном 41 балле. Средний показатель среди мужчин выше – 28,5 балла, по сравнению с женщинами – 27,9 балла. Это говорит о том, что супружеские пары, прожившие достаточно большое время в браке, в своем большинстве не сильно удовлетворены в браке по разным причинам (конфликты, согласие по основным вопросам).

Далее нами изучены особенности локуса-контроля в исследуемой группе с помощью опросника «Уровень субъективного контроля» Дж.Роттера [2].

Как показывает анализ, общие значения интернальности несколько выше у женщин. Хотя среди женщин только у 21% отмечается высокий уровень общей интернальности (у мужчин - 24%), в то же время низкая общая интернальность у женщин встречается реже (21%, у мужчин - 34%), поэтому средний балл общей интернальности у женщин чуть выше - 5,1 (у мужчин - 4,9).

В отношении остальных шкал можно отметить, что мужчины более склонны принимать на себя ответственность за происходящее. Сферы, в которых мужчины менее склонны признавать значимость собственных действий, поведения в динамике ситуации - сфера неудач (ср. балл 4,3) и сфера производственных отношений (ср. балл 4,3). Для женщин более свойственно проявлять интернальность в тех же сферах, что и для мужчин. Сферой, в которой женщины наименее склонны признавать значимость собственных действий является сфера семейных отношений (ср. балл 4,2).

Обработка результатов исследования проведена методами математической статистики (корреляционный анализ Спирмена).

Для семей, высоко оценивающих собственную удовлетворенность браком, характерна связь семейного благополучия с общей интернальностью, интернальностью в сфере неудач, семейных отношений и межличностных отношений ($R = 0,429$, $p < 0,05$).

Для супружеских пар, низко оценивающих собственное семейное благополучие, было отмечено отрицательная взаимосвязь высокой интернальности в сфере достижений и межличностных отношений и положительная взаимосвязь интернальности в сфере семейных отношений на семейное благополучие ($R = 0,407$, $p < 0,05$).

С интернальностью в области достижений мужчин связана удовлетворенность браком и мужчин ($R = 0,458$; $p < 0,05$) и женщин ($R = 0,418$; $p < 0,05$). Чем более склонен мужчина принимать на себя ответственность за позитивные события, тем выше его удовлетворенность браком, так как он способен контролировать ситуацию в семье. Вместе с тем интернальность в области достижений мужчины связывается с удовлетворенностью браком у женщины: чем более мужчина склонен управлять своей жизнью в области достижений, тем более удовлетворена браком его жена ($R = 0,461$, $p < 0,05$).

Важно отметить, что удовлетворенность браком женщины обратно взаимосвязана с ее интернальностью в области семейных отношений. Женщины, представляющие собственные действия в сфере межличностных отношений как значимые, более удовлетворены браком ($R = 0,422$, $p < 0,05$). Это говорит о том, что для женщины, чтобы почувствовать удовлетворенность браком, важно иметь влияния на

прочие сферы жизни. Итогом проведенного исследования являются следующие выводы.

1. С возрастанием ответственности за достижения у мужчин растет удовлетворенность браком обоих супругов. Такой результат соответствует более общим выводам о том, что удовлетворенность браком у женщин взаимосвязана со степенью интернальности мужей: чем выше показатели интернальности мужчины, тем больше удовлетворенность браком у его жены.

2. Женская удовлетворенность браком тем выше, чем выше ответственность женщин общая, в межличностных и производственных отношениях. Но с возрастанием ответственности женщины за семейные отношения снижается ее удовлетворенность браком.

3. При этом мужская удовлетворенность браком снижается с ростом их ответственности за свое здоровье.

4. Удовлетворенность браком у супругов выше при условии высоких показателей интернальности локуса контроля их партнеров.

Проведенный корреляционный анализ подтвердил выдвинутую нами гипотезу, состоящую из предположения, что существует взаимосвязь между удовлетворенностью браком и локусом контроля у супругов.

Литература

1. *Алешина, Ю.Е., Гозман, Л.Я., Дубовская, Е.М.* Социально-психологические методы исследования супружеских отношений: Спецпрактикум по социальной психологии. М.: Изд-во Московского ун-та. 1987.
2. *Основы психологии.* Практикум. /Ред.- сост. Л.Д. Столяренко. Ростов-на-Дону, 1999.
3. *Столин, В.В., Романова, Т.А., Бутенко, Г.П.* Опросник удовлетворенности браком. Вестник Московского университета. Серия 14. Психология, 2, 54-60. 1984.

К вопросу о социально-психологической адаптации супругов в молодой семье

*Дружкина О.Д., Кожухарь Г.С.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
druzhkinaod@gmail.com*

Одной из актуальных проблем современного общества является нестабильность такого социального института, как семья.

Статистика разводов показывает неутешительные цифры: распадается каждый второй брак и 40% разводов приходится на молодые семьи. Это закономерно, ведь на первые годы супружеской жизни приходится самый интенсивный период адаптации.

Паршина В.В. относит к молодым семьям те, где супругам не более 35 лет и стаж брака составляет от 1 до 3 лет, а также семьи с ребенком [4]. Особенность молодой семьи в том, что она закладывает фундамент для последующего развития семьи и перехода ее на новый этап.

Анализ работ, посвященных исследованию молодых семей в современной литературе, показывает, что семья сохраняет положение уникального социального института [6]. С одной стороны, это инструмент воспитания будущих поколений, а с другой – непереносимое условие для благополучного развития личности каждого из супругов.

Адаптация в молодых семьях и ее успешность – это краеугольный камень построения института семьи. Неспроста исследователи уделяют данному вопросу столь пристальное внимание. На этом этапе происходит выработка семейного уклада, распределение функций между супругами, налаживание связей с расширенной семьей. На фоне решения таких важных задач происходит также изменение материального и экономического состояния семьи, что часто только осложняет ситуацию. При этом необходимо понимать, что неразрешенные проблемы на этапе первичной адаптации «переходят» на следующий этап, осложняя взаимоотношения супругов в семье.

В широком смысле адаптацией считается процесс и результат установления определенных взаимоотношений между личностью и средой [2]. При этом особенностью именно социально-психологической адаптации является приспособление человека к существующим в обществе требованиям и критериям оценки, согласование ролей.

Нельзя не отметить многообразие факторов, влияющих на адаптацию в браке. Исследования показывают, что особенности добрачного взаимодействия будущих супругов (место знакомства, продолжительность периода ухаживания и др.), а также личностные особенности супругов (эмоциональная, интимная зрелость личности, уровень коммуникативных способностей) влияют на последующее протекание адаптации супругов.

Важным аспектом адаптации молодых супругов является согласование их ролевых ожиданий и притязаний в новой семье, формирование структуры семьи. Такие факторы, как ролевая адекватность молодоженов, схожесть представлений о себе и идеальном браке, наличие навыков бесконфликтного поведения у

супругов, а также качество межличностных отношений положительно влияют на эффективность первичной адаптации.

В последние десятилетия в психологии проведены многочисленные исследования, позволяющие подтвердить влияние на процесс адаптации таких качеств межличностного отношения, как доверие, любовь, уважение, искренность и ряд других. При этом участники проводимых исследований отмечают крайне отрицательное отношение к возможным изменам в семье, но допускают возможность сохранения семьи после измены. Любовь также называют важным качеством, однако недостаточным для дальнейшего благополучного развития брака [1].

Таким образом, проблема адаптации супругов в молодой семье носит комплексный характер и включает обширный ряд социально-психологических факторов. Интерес исследователей к феномену адаптации молодых супругов усиливается, затрагивая все более широкий круг аспектов данной темы. Вместе с тем, многое из проблематики адаптации супругов к семейной жизни еще нуждается в более глубоком изучении, в том числе вопрос подготовленности супругов к созданию семьи.

Литература

1. *Айвазова Д.Г.* Идеально-нормативный образ супружества и удовлетворенность брачно-семейными отношениями // Актуальные проблемы психологического знания. 2017. №2 (43).
3. *Акименко А.К.* Понятие адаптации, ее критериях и механизмах адаптационного процесса // Адаптация личности в современном мире: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов. 2011.
4. *Евграфова Ю.А.* Социально-психологические факторы адаптации супругов в молодых супружеских парах // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. 2014. Том 1. № 2 (18).
5. *Паршина В.В.* Аспект семейной адаптации в жизнедеятельности молодой семьи // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 2-2.
6. *Рыбак Е.В., Слепцова Н.Г., Федулова А.Б., Цихончик Н.В.* Молодая семья в современном обществе: методическое пособие для специалистов по работе с семьей и молодежью / под общей ред. Е.В. Рыбак. Архангельск. 2016.
7. *Халикова С.С., Снегирева Д.А.* Социальная адаптация супругов в первый год совместной жизни: социологический

Современные подходы к исследованию психологической удовлетворенности своей внешностью

*Дементьева Е.В., Хухлаева О.В.
dementyeva.ev94@gmail.com, huhlaevaolga@mail.ru
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва*

Интерес к внешнему виду человека существует с очень далеких времен, упоминания о внешности встречаются начиная с древних мифов и легенд [9, с.20-23]. Постигание смысла и функций внешности, вопросы, касающиеся формирования представлений о красоте и уродстве, по сей день занимают умы философов, художников, социологов, культурологов, психологов и представителей других областей познания. Результатом многовекового внимания к вопросу внешности стал значительный объем философских, культурологических, социологических и психологических работ, посвященных отношению к телу и внешности. Представление о теле, его функциях, смысле и значении прошло долгий путь, приобретая иной смысл с каждым новым этапом в развитии общества и культуры.

В наше время внешность является значимым социальным атрибутом современного человека, в связи с чем, к ней предъявляют все большие требования. Доступность способов достижения привлекательного тела, таких как: огромный выбор разнообразной одежды в магазинах, возможность заниматься спортом без особых затрат, развитая сеть салонов красоты и косметологии, большое количество литературы, посвященной теме красоты – все это обязывает современного человека ухаживать за своим внешним видом и телом.

Несмотря на то, что внешний облик человека, который изначально задан генетически, является максимально индивидуализирующим признаком, люди прикладывают немалые усилия, стремясь быть похожими на другого. Исследователи придерживаются мнения, что определенный эталон физической привлекательности формируется под влиянием культуры каждого конкретного общества [3; 4]. Уровень удовлетворенности телом, в свою очередь, также социально детерминирован и находится в зависимости от культуры и субкультуры, к которой принадлежит человек [10]. Информация,

поступающая из средств массовой информации и социальных сетей, подсказывает нам образы, к которым стоит стремиться. Зачастую эти образы, иллюстрирующие успешность, достаток, благополучие в личной жизни и успех у противоположного пола привязывают именно к образу молодого человека, обладающего безупречным телом и внешними данными. В связи с большой распространённостью, подобные образы часто воспринимаются как предписания для достижения успеха в современном социуме. В реальности, чтобы соответствовать наиболее распространённым сейчас образам внешности «красивого, счастливого и успешного» человека, необходимо ежедневно заниматься несколько часов в спортивном зале, соблюдать строгий режим питания, регулярно пользоваться различными услугами, предоставляемыми индустрией красоты и прочее.

Стоит также отметить, что желание соответствовать образу привлекательного человека подогревается широкой распространённостью стереотипов, связанных с внешностью. Согласно исследованиям (Olson I.R., Marshuetz Ch., 2005; Felson R.B., Bohrnstedt G.W, 1979; Myers J., 1992; Eagly, 1991; и др.), подобное явление действительно имеет место быть. Результаты исследований свидетельствуют о том, что более привлекательные люди воспринимаются как более общительные, обладающие социальными навыками, отличающиеся более здоровой психикой, более сексуальные и влиятельные, умные и прочее. Однако необходимо отметить, что результаты схожих исследований обнаруживают противоречия в связи с тем, что стереотипы, связанные с внешностью, оказываются наиболее сильными в момент первого знакомства с индивидом, по мере знакомства и поступления новой информации о индивиде влияние стереотипов ослабевает [9]. Тем не менее, учитывая динамику современного мира, в котором этап начального знакомства иногда становится единственным шансом, чтобы произвести необходимое впечатление, внешний вид объективно представляется весомым фактором, о котором стоит беспокоиться и переживать.

Обеспокоенность внешностью порой переходит границу, за которой повседневная жизнь перестает доставлять удовольствие. Стремление соответствовать определенному образу, терзания по поводу несоответствия ему, постоянные попытки изменить себя, похудеть, обрести тело, с помощью которого ты сможешь добиться счастливой жизни – результатом такой повышенной обеспокоенности внешним видом становится неудовлетворенность собственным телом и внешностью. Распространённость этого явления приобрела настолько большие масштабы, что исследователями был предложен

термин «нормативная неудовлетворенность телом», возведя данные переживания в ранг «нормальных», то есть нормативно приемлемых для современного человека [11]. Наиболее восприимчивыми к стандартам, транслируемым рекламой, являются женщины [1; 9]. Отмечается, что отношение к частям и пропорциям своего тела связано с установками женщины к себе, принятием себя, переживанием самоидентичности. При этом недовольство параметрами собственного тела может скрываться не в реальных диспропорциях или дефектах внешности, а в когнитивных структурах и представлениях о собственной внешности [6].

Многочисленные зарубежные, а также некоторые отечественные исследования фиксируют тесную связь негативного восприятия своей внешности с рядом психических и физических проблем, включая нарушения пищевого поведения [1; 5; 8; 13] ожирение [14], дисморфофобическое расстройство [15] низкую самооценку, депрессию и суицидальную готовность. Неудовлетворённость собственным телом связывают с возникновением потенциально опасных для здоровья форм поведения, таких как наращивание мышц с помощью стероидов среди юношей, злоупотребление физической нагрузкой, диетами, лекарственными средствами среди девушек [2].

Психологи, психотерапевты и другие профессионалы, работающие с людьми, неудовлетворенными своей внешностью, отмечают необходимость работы с проблемами, связанными с иными аспектами жизни клиента для разрешения проблем, связанных с негативным отношением к внешнему виду. «Врачами клиник пластической хирургии замечено, что значительная часть их пациентов хронически недовольны своим телом. Они приходят изменить нос с надеждой стать счастливее, но скоро убеждаются, что этого не происходит и тогда решаются изменить еще что-то... они относятся к своему телу отстраненно, смотря на него как на картинку, которую потом представляет другим» [7].

Хочется отметить, что несмотря на существование множества свидетельств, указывающих на наличие взаимосвязи отношения к внешности и удовлетворенности жизнью, на сегодняшний день в отечественной психологии исследования, посвященные этой тематике, малочисленны, а тема остается малоизученной.

Литература

1. *Арина Г.А., Мартынов С.Е.* Средства массовой информации как фактор возникновения озабоченности собственной

- внешностью в юношеском возрасте // Культурно-историческая психология. 2009. №4. С. 105-114.
2. *Баранская Л. Т., Тамаурова, С.С.* Образ тела как предиктор нарушения адаптации молодежи в социальной среде // Молодое поколение XXI века: Актуальные проблемы социально-психологического здоровья. М.: «ИГРА», 2009. С. 331-335.
 3. *Болохова М.В.* Роль эталона физической привлекательности в оценке собственной внешности // Гендерная психология. Практикум. 2-е изд. / Под ред. И.С. Клёчиной. – СПб., 2009.
 4. *Быховская И.М.* Телесность как социокультурный феномен Текст. / И.М. Быховская // Культурология XX века. Словарь. СПб. 1997.
 5. *Горчакова Н.М.* Образ тела при нервной анорексии // Портал психологических изданий PsyJournals.ru. 2011. - 8 с.
 6. *Карабина Ю.С.* Эталон физической привлекательности как социокультурный фактор образа телесного я у женщин // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социо-кинетика. 2010. №4.
 7. *Леви Т.С.* Отношение к телу в структуре самоотношений // Знание. Понимание. Умение. 2008. №3.
 8. *Николаева Н.О., Кукина А.А.* Неудовлетворенность своим телом как фактор риска нарушений пищевого поведения // Коррекция и профилактика нарушений поведения у детей с ограниченными возможностями здоровья. 2011.
 9. *Рамси Н., Харкорд Д.* Психология внешности / Пер. с англ. СПб., 2009.
 10. *Тарханова П.М., Холмогорова А.Б.* Социальные и психологические факторы физического перфекционизма и неудовлетворенности своим телом // Психологическая наука и образование. 2011. № 5. С. 52–60.
 11. *Фаустова А.Г., Яковлева Н.В.* Проблемы дефиниции и измерения нормативной неудовлетворенности телом в клинической психологии // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2017. №3 (18).
 12. *Delinsky SS, Thomas JJ, Germain SA, Ellison Craigen K, Weigel TJ, Levendusky PG, Becker AE.* Int J Eat Disord. 2011.
 13. *Cash T.F.* Body Image: Past, Present and Future // Body Image. 2004. Vol. 1: Pp. 1-5.
 14. *Grogan S.* Body Image: Understanding Body Dissatisfaction in Men, Women and Children// Routledge, 2016.

15. *Phillips KA, Kaye WH. The relationship of body dysmorphic disorder and eating disorders to obsessive-compulsive disorder. CNS Spectr. 2007 May;12(5):347-58.*

Исследование взаимосвязи чувства патриотизма подростка с системой детско-родительских отношений

*Жоржюлиани Е.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
evgeniya88@rambler.ru*

Целью нашего исследования стало выявление взаимосвязи между чувством патриотизма подростка и системой детско-родительских отношений в его семье.

В настоящее время в нашей стране все более остро встает проблема развития патриотических чувств ее граждан. Вызовы, которые диктует обстановка на арене международных отношений, и процессы, происходящие во внутреннем поле развития нашего общества, выводят данный вопрос на одну из первых позиций в жизни современной России. Проблемы в области идентичности всего общества, связанные с переходным периодом, который проходит наша страна, выливаются в проблемы поиска идентичности современной молодежи, и в частности, - в вопросы отношения к своей Родине. Поэтому крайне важным становится изучение процесса формирования чувства патриотизма и факторов, с ним связанных, что и определяет актуальность нашего исследования.

Под патриотическими чувствами понимается чувство ответственности перед обществом, преданность своему Отечеству, чувство глубокой духовной привязанности к семье и дому, к Родине и родной природе [1].

Семья для ребенка является первым социальным институтом, в котором закладывается база его дальнейших взаимоотношений с окружающим миром. По мнению В.А. Дубановой, главное в семье при воспитании патриотических чувств у подрастающего поколения в процессе детско-родительских отношений - достижение душевого единения, нравственной связи родителей с ребенком [2].

В семье формируется гражданская позиция, культура национального и патриотического чувства. Истинный гражданин и сын своей родины воспитывается в семье, где впервые испытывает чувство солидарности и совестливости, где взаимная любовь превращает долг в радость, где развивается способность к доверию и

сотрудничеству. В семье ребенок учится любить, а чувство любви позволяет, забывая о себе, служить близким. В духовно-здоровой семье душа человека с раннего детства обуздывается, смягчается, приучается относиться к ближним с почтительным и любовным вниманием [3].

Принимающие, позитивные детско-родительские взаимоотношения формируют у ребенка любовь и привязанность к родному дому и семье, заботу о близких людях и аккуратное отношение к окружающей среде, а также формируют чувство национальной гордости - гордости за достижения своей страны и ее героическое прошлое [4].

Основной гипотезой нашего исследования являлось предположение о наличии взаимосвязи между уровнем сформированности чувства патриотизма подростка и типом детско-родительских отношений в его семье.

В ходе эмпирического исследования, было установлено, что уровень сформированности чувства патриотизма у подростков, измеренный нами при помощи методик «Карта патриотического развития подростков» и «Патриотизм у подростков» (автор - Е. С. Евдокимова), имеет положительную значимую ($p < 0,01$) корреляционную связь по критерию Спирмена со следующими шкалами методики «Отношения с родителями с точки зрения юношества» (авторы - О. А. Карабанова, П. В. Троянская): «принятие», «эмпатия», «сотрудничество», «принятие решений», «поощрение автономности», «требовательность», «мониторинг», «контроль» и «поощрение». Нами были также получены и отрицательные значимые ($p < 0,01$) корреляционные связи чувства патриотизма со шкалами, отражающими следующие формы детско-родительского взаимодействия: «эмоциональная дистанция», «конфликтность», «авторитарность» и «наказание». Это говорит о том, что более высокий уровень патриотизма наблюдается в семьях, где установлены доверительные, близкие, понимающие, направленные на установление сотрудничества, взаимоотношения между детьми и родителями. Более низкий уровень развития чувства патриотизма наблюдается в семьях, где наоборот, наблюдается эмоциональная дистанция и конфликтность, а в системе воспитания присутствует авторитарность и наказание.

Таким образом, основная гипотеза нашего исследования была подтверждена – между уровнем чувства патриотизма и особенностями детско-родительских отношений подростков существует взаимосвязь.

Литература

1. *Беспятова Н.К., Яковлев Д.Е.* Военно-патриотическое воспитание детей и подростков как средство социализации: методика / Н. К. Беспятова. М.: Айрис-пресс, 2016.
2. *Дубанова В.А.* Теоретические подходы к изучению детско-родительских отношений [Текст] / В.А. Дубанова [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-podhody-k-izucheniyu-detsko-roditelskih-otnosheniy> (дата обращения: 23.04.2018).
3. *Ильин И.А.* Путь духовного обновления / И.А. Ильин [Электронный ресурс] - Режим доступа: http://legitimist.ru/lib/philosophy/i_ilin_put_duhovnogo_obnovleniya.pdf (дата обращения 26.04.2018)
4. *Sanina A.* Patriotic Education in Contemporary Russia: Sociological Studies in the Making of the Post-Soviet Citizen / Под общей редакцией: А. Umland. - ibidem Verlag; Columbia University Press, 2017.

К вопросу о привязанности подростков к родителям

Зангиева Т.Ю.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
79253554063@yandex.ru

В современной психологии рассматривается термин «привязанность» как понятие, обозначающее чувство близости, в основе которого лежит глубокая симпатия, преданность кому-либо. При этом особое внимание уделяется привязанности между матерью и ребенком как феномену, играющему большую роль в формировании эффективного материнского поведения, адаптации ребенка к окружающей действительности, способствующему развитию личности ребенка (М. Эйнсворт, Е.О. Смирнова, Дж. Боулби и др.) [1; 2; 3; 4].

Необходимым условием психического здоровья детей в младенческом и раннем возрасте является наличие теплых, близких, устойчивых и продолжительных отношений с близким взрослым. Таким человеком чаще всего является мать, однако, это может быть любой другой постоянно заботящийся о ребенке человек («близкий взрослый»), который будет предоставлять ребенку ощущение безопасности, теплоты и комфорта.

Отношения привязанности являются следствием взаимодействия генетических и средовых факторов. Исследования показывают, что приобретенный в процессе взросления/социализации опыт сказывается на паттернах привязанности, т.е. отношения, паттерны обработки информации и собственные защитные стратегии взрослого человека имеют гораздо более сложный характер, чем это проявляется у младенца [6, с.145-177]. Подростковый возраст и юность являются окончательным этапом, когда физическое и психическое созревание оказывает влияние на привязанности [там же]. В это время, с 15 до 25 лет, обретенные ранее паттерны отношений соединяются с новыми психическими и физическими умениями, в результате чего формируются взрослые паттерны самозащиты и продолжения рода. Эти новые способности включают абстрактное мышление, сексуальное возбуждение и репродуктивное поведение.

В современных теориях привязанности выделяются первичные и вторичные объекты привязанности. Возникновение первичной привязанности у большинства людей происходит в младенческом возрасте к матери. В случае обеспечения ребенку первичным объектом привязанности безопасности, надежности и уверенности в собственной защищенности, без труда налаживаются вторичные привязанности с прочими людьми: с учителями, сверстниками и т.д.

Основываясь на концепции привязанности Боулби–Эйнсворт и проанализировав литературу по проблеме методов изучения привязанности подростков, мы используем в нашем исследовании «Опросник на привязанность к родителям для старших подростков» М.В. Яремчук [5] Опросник включает в себя 10 триад высказываний, соответствующих трем классическим типам привязанности. Исследуемому предлагается выбрать по одному высказыванию из каждой тройки отдельно для отца и для матери. На основании выборов испытуемого делается вывод о преобладающем типе привязанности в отношениях с каждым из родителей. Мы предполагаем, что тип привязанности подростков к родителям опосредует межличностные отношения подростка со сверстниками и влияет на его статус в ученической группе.

Литература

1. *Авдеева Н.Н., Хаймовская Н.А.* Развитие образа себя и привязанностей у детей от рождения до трех лет в семье и доме ребенка. М.: Смысл, 2003.

2. *Авдеева Н.Н.* Особенности материнского отношения и привязанность ребенка к матери // Психологическая наука и образование. 2006. № 2. С. 82–92.
3. *Боулби Дж.* Привязанность. М.: Гардарики, 2003.
4. *Сачкова М.Е.* Среднестатусный подросток в системе межличностных отношений школьного класса. Учебное пособие. М.-Воронеж: изд-во МПСИ–НПО «Модэк», 2002.
5. *Яремчук М.В.* Особенности привязанности в детско-родительских отношениях и отношениях любви у старших подростков // Психологическая наука и образование. 2005. № 3. С. 86–94.
6. *Crittenden P. M.* (1999). Danger and development: The organization of self-protective strategies. In J. I. Vondra and D. Barnett, (Eds.) Atypical attachment in infancy and early childhood among children at developmental risk. Monographs of the Society for Research on Child Development (pp. 145-171).

Общение подростков в социальных сетях в этнокультурном аспекте

*Клочкова С.В., Хухлаева О.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
S5086155@yandex.ru, huhlaevaolga@mail.ru*

Общение в социальных сетях является основным видом досуга современного московского школьника [4, с.10]. Знание этнокультурных особенностей интернет-общения подростков необходимо для понимания специфики развития личности и социализации современных школьников.

Интернет-общение привлекает подростков следующими особенностями:

1) в социальной сети легче прервать контакт, если человек не нравится, чем в реальной жизни;

2) при интернет-общении происходит стирание многих барьеров общения, таких как возраст, пол, социальный статус, национальность, религия, уровень доходов и пр.;

3) в виртуальном общении легче скрыть свои эмоции, чем в реальном;

4) в виртуальном общении уровень ответственности за собственное поведение ниже, чем в реальном [2].

По мнению некоторых исследователей, основными причинами предпочтения виртуального общения реальному у подростков являются: 1) желание компенсировать дефицит общения в реальной жизни; 2) широкие возможности самопрезентации, экспериментирования с собственной идентичностью; 3) желание освободиться от контроля родителей и педагогов [3, с.240].

Исследователи выделяют следующие мотивы пользования социальными сетями у подростков: поддержание социальных связей; использование контента; знакомства с новыми людьми, расширение круга общения; серфинг в социальных сетях; выкладывание и просмотр фотографий; обновление статусов, просмотр новостной ленты друзей; компенсация неуспешности в социальных контактах в реальной жизни; укрепление существующих в реальной жизни социальных связей; мотив самопрезентации; получение информации; мотив самоутверждения за счет количества друзей; поиск идентичности; удовлетворение потребности в принадлежности к референтной группе; мотив социального одобрения [1, с.244].

Многие исследователи отмечают, что интернет представляет собой глобальную сеть, в которой стираются межкультурные различия. Все пользователи, общающиеся в социальных сетях на сайтах с доменом .ru, объединяют в категорию «рунет». Представители рунета общаются преимущественно на русском языке, хотя это не является обязательным условием. Особенности интернет-общения людей различных национальностей, проживающих на территории РФ и пользующихся рунетом, изучены недостаточно.

Мы провели исследование особенностей интернет-общения подростков различных национальностей. Исследование было проведено на базе общеобразовательной школы г.Москвы № 1228 с декабря 2016 по февраль 2017. Выборка включала две группы: 1) аварцы, даргинцы, чеченцы (23 чел.) – группа «народов Кавказа» и 2) группа русских (29 чел.). Всего – 52 подростка в возрасте 14 – 16 лет.

Гипотезы исследования

1. Чем выше уровень уверенности в себе у подростка, тем меньше у него выражено стремление к общению в социальных сетях.

2. Уровень уверенности у представителей кавказских народностей выше, чем у русских подростков.

Методики исследования: 1) тест уверенности в себе В.Г. Ромека, 2) авторский опросник на выявление стремления к общению в социальных сетях.

Авторский опросник содержит в себе 26 вопросов, каждый из которых представляет собой ситуацию с выбором из 4-х вариантов ответа. Каждый вопрос подсчитывается в баллах от 1 до 4.

Для проверки надежности данного опросника был применен критерий Альфа-Кронбаха. Его значение – 0,87 – оценивается как хорошее и указывает на согласованность пунктов опросника.

Тест Ромека включает три шкалы: 1 – уверенность в себе / неуверенность, 2 – социальная смелость / робость, застенчивость, 3 – инициатива в социальных контактах / пассивность.

Коэффициент корреляции Пирсона показал наличие статистически значимой обратной связи между баллами по шкале «уверенность в себе / неуверенность» и уровнем общения в социальных сетях. Это означает, что чем увереннее подросток, тем менее выражено его стремление к общению в социальных сетях.

Также обнаружена статистически значимая обратная связь между уровнем социальной смелости и общением в социальных сетях: чем выше социальная смелость, тем менее выражено у подростка стремление общаться в социальных сетях.

Между инициативностью в общении и стремлением общаться в соц.сетях значимой корреляции не выявлено.

Для проверки гипотезы о том, что уровень уверенности выше в группе подростков кавказских национальностей, было проведено сравнение результатов диагностики по методике Ромека двух групп – «русские» и «кавказцы» с помощью Т – критерия Стьюдента. Результаты статистически значимых различий в уровне уверенности подростков в этнокультурном аспекте не показали. Несмотря на культурные различия, в уровне уверенности в себе у подростков различий не выявлено. Также не было обнаружено различий в стремлении к общению в соц. сетях у «русских» и «кавказцев».

Таким образом, между уверенностью в себе и стремлением к общению в социальных сетях существует обратная связь: чем менее уверен в себе подросток, тем более выражено у него стремление к общению в соц. сети. Несмотря на культурные различия, стремление к общению в социальных сетях не зависит от национальности, а определяется в большей степени личностными особенностями.

Однако данное исследование это лишь маленький шаг для изучения взаимосвязей уверенности в себе и стремлением к общению в социальных сетях в этнокультурном аспекте у подростков и требует более тщательного и обширного исследования.

Литература

1. *Васильева М.Н., Бутенко Н.А. Мотивы использования виртуальных социальных сетей подростками //*

- Международный научный журнал «Инновационная наука». 2016. № 6. С. 243–245.
2. *Волокитина Ю.О., Френкель Е.Э.* Особенности виртуального и реального общения подростков, имеющих зависимость от общения в социальных сетях // VII Международная студенческая электронная научная конференция «Студенческий научный форум 2015». URL:<https://www.scienceforum.ru/2015/1348/9151> (дата обращения: 29.03.2018)
 3. *Подлевских А.Н., Гусаков С.В., Мацкевич Е.С.* Виртуальное общение подростков как педагогическая проблема // «Цифровое поколение» и педагогические реалии современной России: сборник трудов конференции. СПб., 2016. С. 238–244.
 4. Роль виртуальных социальных сетей в жизни современного школьника: Отчет по итогам НИР. – М.: МГППУ, 2013. – 107 с.

К вопросу о значении интернет-коммуникаций для людей с наличием социальных фобий

*Колядко М.М., Хухлаева О.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
m.kolyadko@list.ru*

Социальные страхи – это болезнь современного общества. На данный момент формируется социально – активный идеал современного человека (смелый, решительный, инициативный) заявляя о необходимости преодолеть негативную оценку, отказ или социально – негативные сигналы. Специфика людей с социофобией заключается в том, что они не способны идентифицировать себя с подобным образом идеала экспансивного и коммуникативного человека [2].

Такие страхи, как выглядеть глупо, опасение внешних оценок, быть осмеянным или совершить ошибку публично это первые признаки человека с социальной тревожностью. Порой фобии людей могут быть очень особенными, например, стеснение во время еды в публичных местах или пользование общественным туалетом, звонки по телефону или же выступления перед аудиторией [1]. Тревогу у таких людей вызывает даже мысль о коммуникации. Страх получить отказ провоцирует на полное бездействие в отношении попыток знакомства или выражения чувств.

Преимущественно признаки социофобии проявляются в 50% случаях до 11 лет, в 80% случаях до 20 лет. В зоне риска находятся люди, с психологическими травмами, вызванные физическим или психологическим насилием, унижительными событиями, неприятием близкой социальной группой.

По данным социологов, в настоящее время около 20% мирового населения с той или иной интенсивностью страдают социофобией. Не смотря на то, что социальная фобия не считается самым распространенным видом тревожных расстройств, она во много раз тяжелее влияет на жизнь человека.

Возможности жизни у людей с социальной тревожностью серьезно страдают: из-за страха критики окружающих или не оправдать их ожидания, они избегают формального межличностного взаимодействия или публичных выступлений (70%), неформального общения (46%), отстаивания своих интересов (31%), ситуаций, когда они объект созерцания (22%) [3]. Подобный образ жизни превращает человека едва ли не в затворника. Социофобию нарекают болезнью упущенных возможностей. Огромное количество умных, талантливых людей не смогли реализовать себя, личную жизнь из-за страха получить негативную оценку своих поступков или внешности. Социофобию часто сопровождает депрессия. Человек, избегающий общества других людей, со временем страдает от дефицита внимания.

Современный цифровой мир – интернет дал возможность подобным людям успешно функционировать без ежедневных множественных контактов и офлайн общения.

Интернет-коммуникация – это методы взаимодействия, в ходе которых передача информации происходит с использованием стандартных свидетельств обмена – голос, текст, видео, графика, документы и т.д.

В настоящее время, общение в виртуальной форме интенсивно входит в нашу повседневную жизнь, формируя новую сферу онлайн взаимодействия, что способствует формированию новых форм отношений (трансграничная коммуникация).

Технологии, которые были изобретены для мобилизации активности коммуникаций – социальные сети, электронная почта, сотовая связь – снижают количественные показатели живого общения, что упрощает жизнь с условиях социальной изоляции.

Литература

1. Бишк Дж. У. Тренинг преодоления социофобии. Руководство по самопомощи. М., 2003

2. Сагалакова О.А., Труевцев Д.В. Социальные страхи и социофобии. Т., 2007
3. Лихи Р. Что такое социальная фобия?
<http://psyfactor.org/lib/sociophobia-3.htm>

Гейм-аддикция как социально-психологический феномен

*Кочетков Н.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
nkochetkov@mail.ru*

Одними из основных проблем, возникающих в психиатрии, являются проблемы классификаций психических отклонений, а также их диагностики. Первый подход к построению классификаций был, по своей сути, дескриптивным. Он господствовал с первого руководства по психическим расстройствам (DSM-I) до его пятого пересмотра в 2013 г. Подобный клиничко-описательный метод вкупе с феноменологическим подходом породил бурную критику в результате отсутствия четких операциональных критериев каждого расстройства и, как следствие, его ненаучности. Ответом на эту критику был выпуск DSM-5 и разработка проекта RDoC (Research Domain Criteria), которые ориентированы на поиск нейробиологических основ психопатологии и базируются на биологических параметрах. Эти детища Американской психиатрической ассоциации подвергаются критике со стороны научного сообщества в первую очередь как раз из-за своего биологического методологического базиса [3].

Внести еще большую сумятицу в рефлексию методологических основ психических расстройств может попытка соотнести их с болезнями. С одной стороны, термин «расстройство» противопоставляется норме, с другой – не включается в категорию болезней. Само словосочетание, распространенное в обиходной речи, «душевная болезнь» (ровно как и «душевнобольной») были раскритикованы Европейским судом по правам человека и не используется в судебных практиках. Если отталкиваться от определения болезни Всемирной организацией здравоохранения, то она представляет собой нарушение жизнедеятельности, которое характеризуется нарушениями продолжительности жизни, систем адаптации, а также снижением трудоспособности и социальной активности. Многие расстройства, особенно относящиеся к сфере малой психиатрии, не попадают под эту классификацию и вполне могут рассматриваться в качестве стилевых характеристик.

Определение психического расстройства звучит как «синдром, характеризующийся клинически значимым нарушением регуляции когнитивного функционирования и эмоций человека или поведения, который отражает дисфункцию психологических, биологических и онтогенетических процессов, лежащих в основе психического функционирования. Психические расстройства обычно связаны со значительным дистрессом или ограничением в социальной, профессиональной или других важных родах деятельности» (DSM-5).

Через призму этих определений интересно посмотреть на такую обширную область клинической практики как нехимические зависимости. Если химические зависимости могут довольно уверенно найти свое место в классификации болезней (F10-F19 по МКБ-10), то нехимические «завоевывают» его себе крайне неуверенно и пока представлены классом «Расстройства привычек и влечений» (F63). Одна из проблем выделения нехимических зависимостей и их определения заключается в использовании для этого нозологического принципа, перенося диагностические критерии с зависимостей химических [1]. Хорошим примером использования такого подхода является так называемая «интернет-зависимость».

Термин «интернет-зависимость», с нашей точки зрения, должен быть вычеркнут из научного тезауруса, т.к. отталкивается от инструментального подхода к определению зависимости, что является крайне некорректным в силу того, что Интернет является всего лишь средством для осуществления различных видов деятельности. К сожалению, исторически сложилось так, что и сам термин, и средство диагностики интернет-зависимости в силу отсутствия альтернатив быстро распространились в психологическом поле исследований. Если переходить от инструментального подхода к подходу, отталкивающемуся от видов деятельности, то вместо «интернет-зависимости», «зависимости от социальных сетей» логично говорить о зависимости от онлайн-игр (или гейм-аддикции), т.к. все остальные типы «зависимостей», реализуемые через интернет по многим показателям носят, скорее, характер компульсий, хотя вопрос разграничения в современной психиатрии этих понятий является неоднозначным.

На наш взгляд, наиболее ресурсной областью, на которой может базироваться методология зависимостей от онлайн-игр является отечественная школа социальной психологии. Мы выдвинули следующий основной диагностический критерий этого вида аддикции – наличие «значимого другого» не в реальном, а в виртуальном пространстве [2]. Понятно, что данный критерий не является бесспорным, такой подход будет относить к отклонениям любые

отношения не в координатах материального мира – например, в религии. Тем не менее, именно этот критерий имеет под собой методологическую базу в научной школе А.В. Петровского и, следовательно, дает возможность не только констатаций тех или иных фактов, а позволяет их интерпретировать. Плюс к этому, именно такой подход приводит нас к довольно легкой операционализации зависимости от онлайн-игр, позволяющий проводить психодиагностику анкетированием. В ходе нескольких эмпирических исследований (n>500) было обнаружено, что как по методике диагностики зависимости от онлайн-игр, так и по тесту К. Янг на интернет-зависимость результаты будут достоверно выше у той группы респондентов, которые утвердительно отвечали на вопрос о наличии у них друзей по игре, что говорит о валидности предложенного нами социально-психологического критерия оценки.

Литература

1. *Зарецкая О.В.* Компьютерная и интернет-зависимость: анализ и систематизация подходов к проблеме // Психолого-педагогические исследования. 2017. Том 9. № 2.
2. *Кочетков Н.В.* Социально-психологические аспекты зависимости от онлайн-игр и методика ее диагностики // Социальная психология и общество. 2016. Том 7. № 3.
3. Социальное познание как высшая психическая функция и его развитие в онтогенезе / Под ред. А.Б. Холмогоровой. М., 2016.

Актуальные вопросы исследования кросс-культурных различий в проявлениях зависти как социально-психологического феномена

Кочетова Т.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
kochetovatv@gmail.com

Актуальность исследования зависти как особого социально-психологического феномена обусловлена, прежде всего, тем, что в настоящее время мы можем наблюдать существенное усиление влияния на жизнь людей тех социально-экономических процессов, которые поддерживают отношения общественного неравенства и социального расслоения [2]. Стремление же соответствовать определенному социально-экономическому статусу и положению в общественной иерархии неизбежно актуализирует зависть, как у

честолюбцев, так и у социальных аутсайдеров. В этой ситуации представляется вполне логичным сфокусировать внимание на изучении различных проявлений зависти именно в системе социальных отношений.

Некоторые авторы подчеркивают, что исходный механизм формирования зависти – это интериоризация, которая может рассматриваться как присвоение личностью общественно-исторического опыта... причем именно интериоризация выступает в качестве основного механизма социализации. Участие же этого механизма в формировании зависти трудно переоценить: оно заключается в том, что личность, помимо социальных норм, свойственных разным стадиям и формам человеческого существования, присваивает тот самый общественный опыт, который способствует формированию определенных отношений и новообразований личности [1].

Важно подчеркнуть, что зависть, будучи сложным когнитивно-эмоционально-мотивационным комплексом [4], который обеспечивается действием механизма социального сравнения, зачастую рассматривается как некая *универсальная психологическая черта*, которая присуща всем без исключения культурам, независимо от уровня их развития [2].

В этом контексте нам представляется важным уделить должное внимание изучению *кросс-культурных проявлений зависти* и рассмотрению приемов и способов устойчивых поведенческих паттернов – стратегий – которые и характеризуют проявления зависти в социальном поведении человека [3].

С этой целью нами было организовано исследование проявлений зависти, участниками которого явились представители трех различных культур, составивших три независимые выборки: российская (116 человек), американская (81 человек), итальянская (32 человека). Основной методикой исследования выступал опросник DES (Dispositional Envy Scale), разработанный Р. Смитом и его коллегами [4]. Настоящий опросник позволяет измерить степень интенсивности зависти у субъекта, а также выявить индивидуальные различия в способах ее проявлений.

В ходе исследования было обнаружено:

1.коэффициенты α -Кронбаха на трех выборках находятся в пределах 0.79-0.83, что свидетельствует о достаточно высокой степени однородности пунктов опросника;

2.существуют значимые различия в проявлениях зависти между российской и американской выборкой (Т-критерий: от 2.51 до 5.08 при уровне статистической значимости $p < 0.05$);

3. имеют место различия между проявлениями зависти у лиц разного социального положения (значимые различия между проявлениями зависти студентов и специалистов/работающих). Причем эти различия характерны для всех трех выборок.

Предельно обобщая результаты проведенного исследования, стоит сказать, что, в силу имеющегося количественного состава общей выборки, достаточно трудно сделать окончательные выводы относительно универсальности проявлений зависти в человеческом обществе.

Однако настоящее исследование, на наш взгляд, открывает перспективы дальнейшего изучения зависти как сложного социально-психологического феномена, а полученные результаты могут рассматриваться как один из промежуточных шагов, целью которого является апробация диагностического инструмента на различных выборках.

Литература

1. *Бескова Т.В.* Социальная психология зависти. Саратов: ИЦ Наука. 2010. 192с.
2. *Кочетова Т.В., Кукушкина А.Н.* Социально-психологические и философские аспекты исследования зависти: проблемы и перспективы исследования //Социальная психология и общество. 2012. № 3. С. 5-15.
3. *Кочетова Т.В.* Актуальные вопросы применения опросника Д. Басса «События и факты, влияющие на статус и репутацию» в России // Психологическая наука и образование. 2007. № 5. С. 38–47.
4. *Smith R.H., Gerrod Parrott W., Diener E.F., Hoyle R.H., Sung Hee Kim.* Personality and Social Psychology Bulletin. PSPB, 1999. Vol. 25, No. 8. P. 1007-1020.

Установки, ролевые ожидания и притязания в браке в представлениях молодежи

*Липеева В.Ю., Кожухарь Г.С.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
vrlipeeva@gmail.com*

В современном мире роль брака и отношение к нему претерпевают изменения. Брак и создание семьи перестали быть обязательными

составляющими человеческой жизни. На место традиционной формы брака приходят другие виды отношений: гостевые, договорные, парциальные и так далее. Растет число разводов: по данным Росстат, в России с января по декабрь 2017-го года на 1.049.725 зарегистрированных браков приходится 611.428 разводов (более 58% от общего числа) [1].

Одна из причин, по которым институт семьи переживает кризис, состоит в том, что вступающие в брак молодые люди психологически не готовы к нему. Вступая в брак, молодой человек должен быть состоявшимся как психологически зрелая личность, чтобы адекватно адаптироваться в семейной жизни и выстраивать конструктивные отношения. Индивида нельзя считать готовым к браку, если он не имеет ясного представления о том, зачем вступает в брак, какими хочет видеть семейные отношения, не понимает, какие обязанности накладывает на него супружество. Будущие супруги должны быть готовы к тому, чтобы создавать комфортные условия жизни не только для себя, но и друг для друга.

Кроме того, значимой составляющей является согласованность мнений супругов по важным вопросам – о сути и значении отношений, совместном быте, воспитании детей и других аспектах семейной жизни. Нередко молодые люди женятся, не узнав друг друга достаточно хорошо, чтобы понимать, совпадают ли их взгляды, представления о разделении обязанностей и т.д. Полагая, что «нужно слушать свое сердце» и проецируя на другого свои представления о нем, молодые супруги обнаруживают, что человек, который находится с ними рядом, не соответствует их ожиданиям.

Умение строить конструктивные отношения также является важным фактором построения брака. Необходимо рассматривать супружество как совместную деятельность, а не как борьбу между двумя оппонентами. В случае возникновения конфликтов стараться разрешить их наилучшим для всех способом, учитывать мнение друг друга.

Данная тема актуальна для повышения психологической грамотности молодежи в вопросах создания семьи. Будущие супруги должны стремиться не только к удовлетворению собственных интересов и потребностей, но и проявлять уважение и взаимопонимание по отношению к своему партнеру, развивать эмпатию и толерантность. Поэтому важно исследовать представления молодежи о взаимосвязи ожиданий и притязаний в браке с установками по отношению к нему.

В исследовании приняли участие 100 молодых людей и девушек в возрасте от 18 до 28 лет с разным семейным положением.

Были использованы следующие методики: «Ролевые ожидания и притязания в браке» А.Н. Волковой и «Измерение установок в семейной паре» Ю.Е. Алешиной.

Для выявления взаимосвязей исследуемых переменных был использован корреляционный анализ Спирмена. В результате были выявлены значимые корреляционные взаимосвязи.

Важность социальной активности в жизни и понимание роли детей в браке имели обратную взаимосвязь ($r = -0,650$ при $p \leq 0,01$). Также было выявлено, что чем более привержены молодые люди традиционным (патриархальным) семейным ценностям, тем более позитивно они относились к доминированию супруга ($r = -0,625$ при $p \leq 0,01$).

Значимая обратная связь была выявлена между отношением к патриархальным семейным ценностям и лояльностью к такому понятию, как развод ($r = -0,690$ при $p \leq 0,01$).

На основании проведенного теоретического и корреляционного анализа мы сформулировали следующие выводы.

Ценностные ориентации молодых людей напрямую связаны с формированием у них представлений о функционально-ролевых обязанностях супругов.

Ожидания и притязания молодых людей связаны со степенью их ролевой адекватности в браке.

При слабой установке на традиционные (патриархальные) семейные ценности молодые люди, как правило, имеют более негативное отношение к доминированию одного из супругов.

Степень ориентации на традиционные патриархальные семейные ценности находится в обратной зависимости с лояльностью по отношению к разводу. Низкая ориентация на традиционные семейные ценности связана с лояльным отношением к разводу.

Повышение социальной активности связано со снижением понимания важности детей в браке у молодежи.

В современном мире брак и его структура видоизменяются, традиционные семейные ценности теряют свой незыблемый авторитет. Молодые люди вступают брак, зачастую не имея представлений о том, что их ждет. Среди молодых супругов несоответствие согласованности ролевых ожиданий чаще всего оказывается причиной неуспеха супружества. Поэтому очень важно готовить молодежь к браку, формируя определенные представления о нем.

Литература

1. Федеральная служба государственной статистики – [Электронный ресурс]
URL:http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/

Исследование идентичности сторонников трансгуманизма на тревожность по поводу смерти

*Малинов В.В., Хухлаев О.Е.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
inectum@gmail.com, huhlaevoe@mgppu.ru*

В настоящее время существует мнение, в частности на примере персональных компьютеров, что мир меняется с большой скоростью, позволяя вообразить пришествие «другого человека», свободного от смерти. Актуальность темы связана с тем, что одна из задач учёных это обращать внимание на изменчивые особенности психики, в нашем случае – идентичность, в условиях, когда под воздействием научно-технического прогресса появляющиеся движения преподносят иное наполнение самосознания человека по отношению к жизни.

Одно из таких движений называется трансгуманизмом. Под ним понимается система взглядов, где происходит отказ от существующего *Homo sapiens* в пользу постчеловека – как более совершенного существа. С помощью науки трансгуманисты предлагают преодолеть телесные и когнитивные ограничения, а также освободить жизнь от её естественной судьбы т.е. смерти.

Но если трактовать смерть как «симптом» болезни старения, то в экзистенциальном смысле возникает очевидная проблема обесценивания существования, когда возникший бесконечный избыток времени создаёт пресыщение от реальности. Такому индивиду ничего не будет ново и интересно. Он посмотрел все фильмы, прочитал все книги, попробовал все роли.

В трансгуманизме человек подвергает собственную сущность абсолютному контролю. На данный момент времени старение и смерть являются естественными конечными результатами жизни многоклеточных организмов. Мы способны задерживать естественный процесс, но абсолютный контроль остаётся пока в гипотетических широтах. Кутырёв В.А. пишет, что обновление

человека будет происходить разными сценариями. «Культивируются, с одной стороны, соблазны «Прекрасного нового мира», который теперь не пугает, а очаровывает, с другой – фатализм: трансформации человека все равно не избежать. Чтобы отбить концептуальную атаку идеологов смерти человека путем его технического перерождения или хотя бы не допустить ее универсализации, надо исходить из признания положения, что идеи информационной и биотрансгуманистической де(ре)-конструкции человека – это его теоретический геноцид, форма самоубийства» [3, с.80].

Катасонов В.Н. обращает внимание, что «трансгуманизм – не просто какая-то новая идеология в ряду других, а проект, который ставит перед человеком фундаментальные вопросы его бытия и требует от него глубочайшей духовной честности и ответственности в ответе на них» [4, с.1].

Если трансгуманизм затрагивает тему конечности жизни, то актуализируется ли тревожность по поводу собственной смерти у людей, которые идентифицируют себя с этим движением?

Для исследования использовались две методики: модель измерения ингрупповой идентификации [1] и тревожность по поводу смерти [2]. При этом отбирались анкеты с ясно положительной идентификацией по отношению к трансгуманизму. Опрос проводился в социальных сетях, конкретно в группах с соответствующим интересом. Всего приняло участие 210 человек. Для выявления значимых связей между исследуемыми параметрами применялась программа SPSS 20.

Коэффициенты корреляции между компонентами ингрупповой идентичности и одним из факторов тревожности по поводу смерти

Компоненты ингрупповой идентичности	Фактор когнитивно-аффективной озабоченности смертью
Самостереотипизация	,317**
Гомогенность	,223**
Выраженность	,200**
Удовлетворённость	,240**
Сплочённость	,240**

Статистически значимая связь между показателями отмечена звёздочками т.е. одна звезда (*) – корреляционная значимость на уровне 0,05 и две (**) на уровне 0,01.

Исходя из полученных данных делаем вывод, что компоненты ингрупповой идентичности коррелируют с одним из факторов

тревожности смерти, а именно когнитивно-аффективным. Наиболее высокий уровень корреляции у самостереотипизации ($R=,317^{**}$). При этом стоит отметить, что когнитивно-аффективная озабоченность смертью существует отдельно от других факторов тревожности. Возможно, фактор осознания течения времени нивелируется, потому что в случае трансгуманизации общества у человека будет неограниченное количество времени. Вероятно, установка о безболезненности перехода с возможностью оставаться в рамках своего привычного образа понижает выраженность факторов озабоченности болью, стрессом и физическими изменениями. Стоит напомнить, что самостереотипизация подразумевает усреднённое представлений членов ингруппы о своей группе. По результатам регрессионного анализа полученный R-квадрат означает, что 10% вариации зависимой переменной объясняется вариацией независимой переменной.

В дальнейшем необходимо понять, насколько данная тревожность мешает человеку. Вероятно, если он подавляет её с помощью уверенности в успехе продвижения трансгуманизма, то она не представляет из себя реальную проблему. Но если попытки побороть смерть окажутся неудачными, то, пожалуй, возникнет ясное разочарование, сопровождающееся соответствующими когнитивно-эмоциональным фоном.

Литература

1. *Агадуллина Е.Ф. Ловаков А.В.* Модель измерения ингрупповой идентификации: проверка на российской выборке // Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2013. Т. 10. № 4. С. 143–157.
2. *Гаврилова Т.А.* Экзистенциальный страх смерти и танатическая тревога: методы исследования и диагностики // Прикладная психология. 2000. № 6. С.1-8.
3. *Кутырев В.А.* Философия трансгуманизма: Учебно-методическое пособие. – Нижний Новгород: Нижегородский университет, 2010.
4. *Катасонов В.Н.* Новая эволюционная утопия: трансгуманизм URL: <http://www.bogoslov.ru/text/4273940.html> (дата обращения 20.03.18).

Влияние психических процессов на восприятие рекламы

*Маринова Т.Ю., Федяева А.Ю.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва*

Ежедневно мы сталкиваемся с огромным потоком различной рекламы, но лишь небольшая часть привлекает наше внимание. Как правило, связано это не только и не столько с полиграфией и дизайном рекламного материала, сколько с тем, что далеко не всегда учитываются психофизиологические и психологические особенности потребителя.

Основным смыслом любой рекламы является выделение рекламируемого товара или услуги, привлечение к нему внимания со стороны потребителя [1; 2; 4].

У производителя рекламы выше шанс повлиять на покупательское поведение потребителя, если удастся выделить в рекламируемом товаре что-то новое, существенно отличающееся от ранее известного [2; 6].

Согласно психофизиологическому закону Фехнера, человек не испытывает большие изменения в ощущениях при очень сильном увеличении стимула [5; 6]. То есть не всегда лучшими для восприятия оказываются слишком интенсивные виды воздействия, такие, как чрезвычайно яркие цвета, громкие звуки и т.д. Нередко обращение к человеку, которое выполнено с помощью менее интенсивных средств, оказывается более эффективным. Немалое влияние на процесс восприятия информации и на покупательское поведение имеет количество или объем информации. Доказано, что избыток, так же как недостаток информации в рекламе, оказывает отрицательное влияние на приобретение товара.

Человек чаще обращает свое внимание на то, что нравится ему или же что его наоборот пугает, настораживает. Основные способы привлечения внимания это – выделение фигуры из фона, изменение, контраст, движение и прочие. Оригинальным способом является размещение рекламы на корешке журнала. Многие читатели любят сворачивать в трубочку или слегка скручивать в цилиндр журнал, находящийся в руках. Сдвигающиеся страницы образуют дополнительное поле для рекламного сообщения.

Память – важнейший психический процесс, который имеет непосредственное отношение к рекламной деятельности вообще и эффективности рекламы в частности. По данным, полученным рядом исследователей, нужен систематический прокат рекламы, не менее одного раза в семь дней в течение тринадцати недель [5; 6]. Кроме

того, человек быстрее и лучше запоминает ту рекламу, которая связана с его деятельностью, и к которой имеется выраженный интерес. Многие исследователи отмечают, что намного лучше запоминается информация, располагающаяся в начале текста, в верхней части страницы, или в его конце. Этот прием часто используется в рекламе. Очень важным является переход рекламного сообщения в долговременную память, так как от момента восприятия рекламы и до момента покупки товара может пройти много времени.

Эмоциональный аспект рекламного воздействия определяет отношение человека к объекту. Эмоционально окрашенное отношение как к рекламе, так и непосредственно к самому товару, в итоге формирует желание купить что-либо, либо совсем отказаться от покупки. Отечественным психофизиологом П.В. Симоновым еще в середине 20 века была разработана информационная теория эмоций, согласно которой разница между количеством известной информации и той, которая необходима для решения задачи, стоящей перед человеком, является источником возникновения положительных или отрицательных эмоций.

Многие люди считают покупку способом получения удовольствия, снятия плохого настроения, вызванного какими-либо тяготами жизни. Стоит отметить, что часто рекламные объявления, которые создаются без учета возможных эмоциональных реакций потенциального покупателя, вызывают, напротив, негативное отношение к предмету рекламы. Важно учитывать, что сюжет, например в телевизионной рекламе, разыгрывающийся на экране, должен начавшись и завершившись, смоделировать полный эмоциональный цикл, в противном случае эмоция будет прерванной, что, как правило, вызывает чувство недовольства и раздражения.

Поведенческий компонент включает в себя как осознанное, так и неосознанное поведение [3]. Потребности, мотивации, воля человека проявляются на осознанном уровне покупательского поведения. Реклама способна создавать потребности, хотя крайне редко покупатели признают, что им фактически навязали потребность, и вынудили купить что-либо. Им кажется, что нужда в приобретенном товаре была у них раньше, чем они узнали о нем из рекламы.

Литература

1. *Маринова Т.Ю.* К вопросу о влиянии интернета на психическое здоровье современной молодежи // В сб. *Личность и группа в образовательном пространстве.* Сборник

- научных трудов. Московский городской психолого-педагогический университет. М.: 2011. С. 91-96
2. *Маринова Т.Ю.* О восприятии телевизионной рекламы детьми и их родителями // Социальная психология и общество. 2013. Т. 4. №1. С. 155-161
 3. *Расходчикова М.Н.* К проблеме соотнесенности интрагруппового статуса развивающейся личности и этапа ее вхождения в ученическую группу// В сб. Социально-психологические проблемы образования: Вопросы теории и практики. Сборник научных трудов. Московский городской психолого-педагогический университет. М.: 2008. С. 70-74.
 4. Социальная психология образования (учебное пособие). М.: Вузовский учебник, ИНФРА-М, 2015.
 5. *Феоктистова С.В., Рожкова Г.И., Маринова Т.Ю.* Диагностика функционального развития. Программа спецкурса. М., 1999.
 6. *Феоктистова С.В., Васильева Н.Н., Маринова Т.Ю.* Психология. М.: Академия, 2009.

Практическая значимость оценки социального познания в пожилом и старческом возрасте

*Мелёхин А.И.
ФГБОУ ВО РНИМУ имени Н.И. Пирогова.
Российский геронтологический
научно-клинический центр, Москва
clinmelehin@yandex.ru*

За последние несколько лет наблюдается большой интерес к изменению социального познания (социо-когнитивных функций) у людей пожилого и старческого возраста. Показано, что при старении, наряду с изменениями в состоянии физического здоровья, когнитивного функционирования, возникают и изменения в *эмоциональной сфере, социо-когнитивных механизмах*, которое получило название *эмоционального старения (emotional aging)* [5]. *Социо-когнитивные функции* включают: восприятие экспрессии лица и голоса; двигательный резонанс; эмоциональную и когнитивную эмпатию; социальное восприятие и поведение; моральные рассуждения; атрибутивные тенденции; регуляцию эмоций; совместное использование эмоций; способность формировать модель

собственного психического состояния и состояния других людей (theory of mind) или способность к ментализации (mentalizing) [3].

Большинство *психических* и *неврологических* расстройств сопровождаются изменениями в социо-когнитивных функциях [1; 2; 5; 6]. Изменения в социальном познании связаны со сниженным функциональным статусом и являются эффективным предиктором восстановления после тяжелой черепно-мозговой травмы по сравнению с изолированным акцентом на улучшения когнитивных функций. Стремление воспринимать и использовать социо-эмоциональную информацию снижает возрастной дефицит памяти [5].

Показатели социо-когнитивного функционирования, а не собственно клинические симптомы, являются индикаторами имеющегося у человека потенциала к социальной адаптации, независимо от психопатологических особенностей состояния [3]. В DSM-5 одним из шести диагностических доменов для определения степени *нейрокогнитивных расстройств*, а также дифференциации их подтипов является оценка *социального познания*: распознавание и дифференциация эмоций; модель психического и способности к эмоциональной и когнитивной эмпатии [3]. Ранее в DSM-4 оценка социального познания обычно упоминалась только при диагностике расстройств личности [4].

Изменения в социо-когнитивных функциях в позднем возрасте рассматривают как один из прогностических факторов развития *изменений в функциональном статусе, социальной ангедонии* как симптома аффективных расстройств [2; 6], психотических эпизодов [1] и лобно-височной деменции [2; 3]. Наличие социо-когнитивные нарушений в позднем возрасте приводит к изменениям в понимании собственных психических состояний и других людей, что сопровождается *социо-поведенческими аномалиями*. К ним относят: плохую социальную тактичность; отсутствие манер; нарушение межличностных границ; сниженное распознавание и использование коммуникативных жестов; нежелательный дружелюбный контакт с подозрительными людьми [1; 2; 3]. Эти изменения приводят к межличностным трудностям, сниженной удовлетворенности качеством жизни, социальной изоляции и увеличивают риски развития аффективных расстройств и преждевременной смерти [5].

Можно говорить, что изменения в социальном познании являются *биопсихосоциальным маркером течения старения* [5; 6]. В связи с этим, при проведении комплексной гериатрической оценки состояния здоровья пожилого человека рекомендовано включать оценку состояния социо-когнитивных функций [3].

В настоящее время целый ряд исследований говорит о том, что в пожилом возрасте социо-когнитивный дефицит редко возникает изолированно от изменений в психическом состоянии и неврологическом статусе. Нарушения в социальном познании могут быть: первичными или вторичными; тотальными или парциальными; ситуативно или не ситуативно зависимыми [1; 2; 4; 5].

- *Первичный дефицит*: независимость этих изменений от состояния когнитивных функций. Например, из-за врожденной слепоты, катаракты, наличия аутистического спектра расстройств.

- *Вторичный дефицит* делает акцент на взаимосвязь этих изменений с когнитивными ресурсами/возрастно-ассоциированными когнитивными изменениями.

- *Эмоциональный компонент*: дефицит распознавания эмоций, изменения в памяти на лица, эмоционального выражения и мета-эмоций (эмоциональной совести).

- *Когнитивный компонент*: дефицит прагматической способности или апрагматизм, прагматическая афазия.

Комплексная оценка социо-когнитивной дисфункции, помимо оценки и составление плана лечения, уделяет внимание разработке мер против рецидивного плана и наблюдению за состоянием пациента.

Литература

1. *Cummings L.* Pragmatic Disorders/Perspectives in Pragmatics, Philosophy & Psychology. NY. Springer Science, 2014. pp.31-65. doi: 10.1007/978-94-007-7954-9-2.
2. *Dickerson B.C.* Dysfunction of social cognition and behavior.// Behavioral Neurology and Neuropsychiatry. 2015. Vol.21. № 3. pp. 660-77. doi: 10.1212/01.CON.0000466659.05156.1d.
3. *Henry J.D., et al.* Clinical assessment of social cognitive function in neurological disorders.// Nat Rev Neurol. 2016. Vol.12. №1. pp.28-39. doi: 10.1038/nrneurol.2015.229.
4. *Moran J.M. et al.* Social-cognitive deficits in normal aging //J Neurosci. 2012. Vol. 32. № 16. pp. 5553-5561. doi: 10.1523/JNEUROSCI.5511-11.2012.
5. *Natelson Love M., et al.* Social Cognition in Older Adults: A Review of Neuropsychology, Neurobiology, and Functional Connectivity// Medical & Clinical Reviews. 2015. Vol. 1. №.6 pp.1-8. doi: 10.21767/2471-299X.1000006.
6. *Shiroma P., et al.* Facial recognition of happiness among older adults with active and remitted major depression// Psychiatry

Социально-психологические аспекты отношения к стойкому нарушению здоровья у взрослых и детей

*Мусеев Р.Л., Цапина С.Ю.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
pihambar@mail.ru*

Вопросы отношения к болезни или стойкому нарушению здоровья, традиционно рассматриваются в рамках медицинской психологии. Для обозначения данного феномена используются такие понятия, как аутопластическая картина болезни (А. Гольдшейдер), внутренняя картина болезни (Р.А. Лурия), переживание болезни (В.В. Ковалев) и др. Наиболее употребительным в отечественной психологии термином является «внутренняя картина болезни» (ВКБ).

В.В. Николаева отмечает, что возникновение хронического заболевания должно рассматриваться как складывание новой социальной ситуации развития, даже если речь идет о взрослом [5]. Причем социальные условия выступают как фактор, влияющий на высшие уровни ВКБ (когнитивный, мотивационный), и в то же время изменение поведения, которое определяется высшими уровнями ВКБ, само оказывает влияние на существующие и возникающие социальные связи и условия.

Поскольку важным источником представлений о стойком нарушении здоровья и жизни при данном нарушении является имеющаяся у человека информация, рассмотрение вопросов существующих в обществе представлений, отношений и установок является немаловажным для понимания того, как складывается и как влияет на все сферы жизни когнитивный уровень ВКБ. А.Ш. Тхостов отмечает, что важно не соответствие или несоответствие известным фактам распространенных в обществе представлений, а само их содержание[6].

Очевидно, что обмен представлениями между людьми, в результате которого у имеющего стойкое нарушение здоровья человека складывается представление об особенностях состояния его здоровья, является сложным процессом, включающим различные уровни. Человек не только обладает к началу заболевания определенным набором представлений о здоровье, болезни и влиянии болезни на жизнь, а также определенным набором отношений – он

непрерывно получает и перерабатывает с учетом имеющихся у него установок, знаний и психологических защит новую информацию. При возникновении нарушения здоровья особый вес приобретает информация, полученная от медперсонала, других пациентов и их родственников [4; 5].

В современном российском обществе уровень институционального доверия к медицине очень низок, поэтому информация от других пациентов и их близких принимается нередко с большей готовностью, чем исходящая от медицинского персонала [2; 6]. Однако в склонности критически оценивать такую информацию, подверженности влиянию со стороны других пациентов, их родственников, а также со стороны медперсонала наблюдаются большие индивидуальные различия, во многом связанные с образовательным уровнем и сложившимися до начала заболевания личностными особенностями [4; 5].

Можно говорить о том, что формирование высших уровней ВКБ является социальным процессом, включающим, в том числе, усвоение по различным социальным каналам существующих в обществе представлений о заболевании, его последствиях и лечении, социальных установок к болезни и больным, и формирование новой референтной группы, включающей других пациентов и их родственников. Причем в разных социальных группах могут присутствовать и передаваться различные мифологизированные представления.

У детей формирование ВКБ имеет выраженную возрастную специфику. Также присутствует специфика формирования ВКБ у детей одного возраста при различных заболеваниях [1; 3]. В отношении детей референтной группой, транслирующей представления, отношения и установки, является в первую очередь семья [1].

Можно утверждать, что формирование ВКБ ребенка находится под влиянием картины болезни, сложившейся у родителей, других членов семьи, а также других значимых взрослых. Однако по данному вопросу наблюдается недостаточность как эмпирических данных, так и теоретических моделей. В частности, в научных исследованиях мы не обнаружили термина, которым можно было бы обозначить совокупность переживаний, представлений, мотивов и поведенческих паттернов, формирующуюся у родителей и других членов семьи в связи с нарушением здоровья ребенка.

Литература

1. *Грошев И.В.* Особенности восприятия, осознания и формирования внутренней картины болезни у девочек и мальчиков // Социология медицины. 2016. №2.
2. *Изотова А.В., Лебединцева Л.А.* Доверие в системе здравоохранения // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2011. №8. С. 132–138.
3. *Куртанова Ю.Е.* Внутренняя картина болезни детей и подростков с лимфостазом // Электронный журнал «Психологическая наука и образование». 2012. №4.
4. *Лурия Р.А.* Внутренняя картина болезней и иатрогенные заболевания. - 4-е изд. - М.: Медицина, 1977.
5. *Николаева В.В.* Влияние хронической болезни на психику. - М.: Издательство Московского университета, 1987.
6. *Тхостов А.Ш., Нелюбина А.С.* Обыденные представления как фактор, опосредующий поведение в ситуации болезни // Вестник Томского государственного университета. 2008. №317. С. 243–245.

Особенности информационной культуры разностатусных школьников

*Муллахметов А.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
keiya@yandex.ru*

Современное информационное общество обладает огромными возможностями по всем видам работы с информацией. Поиск, сохранение, распространение и создание информационного продукта стали общедоступными для большинства людей.

Вопросы становления и развития информационной культуры личности (ИКЛ) обучающегося, его информационной подготовки в школе и вузе к работе со средствами информатизации занимают особое место в исследованиях отечественных и зарубежных авторов [1; 3; 5]. По их мнению, ИКЛ предполагает формирование необходимых знаний, ценностных ориентаций, умений и навыков в работе с информацией, овладение нормами и правилами поведения в информационной среде. Информационная культура сегодня требует от современного человека особого стиля мышления, развитой рефлексии,

ответственности за свои социально значимые действия в интернет-среде.

Целью нашего теоретико-эмпирического исследования стало выявление социально-психологических особенностей информационной культуры разностатусных школьников. В исследовании участвовали 268 учащихся 5 – 9 классов общеобразовательной школы (125 мальчиков и 143 девочки).

Теоретический анализ существующих подходов к определению информационной культуры личности [2; 4] позволил выделить ее основные структурные компоненты: мотивационно-ценностный, когнитивный, операциональный, рефлексивный, творческий.

На этой основе нами была разработана анкета «Информационная культура личности», включающая 5 блоков, соответствующих компонентам ИКЛ, а также один дополнительный – доступность источников информации для ребёнка. Основные блоки анкеты:

- мотивационно-ценностный – направлен на определение мотивов респондента к поиску источников информации;
- когнитивный – ориентирован на выявление представлений о видах, источниках и организации информации;
- операциональный – позволяет выявить способы поиска, получения, создания, распространения информационных продуктов;
- рефлексивный – направлен на выявление причин использования сети Интернет, предпочитаемых способов и каналов получения информации;
- творческий – характеризует особенности реализации творческого потенциала школьника с помощью использования программного обеспечения.

Также использовались социометрия, референтометрия.

Полученные эмпирические данные были проанализированы нами в программе SPSS: подсчёт статистического критерия χ^2 и определение характеристики взаимосвязи.

Результаты исследования показали, что существует связь между социометрическим статусом школьников, уровнем доступности для них информационных источников и операциональным уровнем ИКЛ учащихся. Чем выше статус подростка, тем выше уровень доступности информационных источников ($p \leq 0,05$).

На наш взгляд, полученные данные можно объяснить общим развитием навыков высокостатусных учащихся при работе с техническими средствами. Кроме того, возможно, что родители высокостатусных учащихся больше, чем родители низкостатусных, стремятся материально обеспечить своих детей, в том числе персональным компьютером. Также результаты можно объяснить

благоприятным характером семейных отношений, в которых родительский контроль доступности информационных источников рационален, а не сводит к минимуму возможность работать с информацией.

Взаимосвязь информационной культуры личности подростка с референтометрическим статусом не была выявлена. По-видимому, референтометрический статус не определяется уровнем владения ИКЛ, а зависит от других личностных качеств.

В нашем исследовании были выявлены гендерные особенности использования компьютерных технологий: мальчики предпочитают компьютерные игры, а девочки – общение. Большинство школьников определили, что реальность – более важная, чем Интернет, среда самореализации, впечатлений и знакомств. Однако скука, по их мнению, – доминирующая причина, по которой дети обращаются к сети Интернет.

Литература

1. *Артюшкин О.В., Скибицкий Э.Г.* Формирование информационной культуры личности обучающихся. Абакан: Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2004.
2. *Бессонова Н.В.* Формирование информационной культуры педагога - социальная и педагогическая проблема современности. Оренбург: Внешкольник Оренбуржья, 2007. 9-11 с.
3. *Брановский Ю.С., Беляева А.Н.* Работа в информационной среде // Высшее образование в России № 1, 2002. С. 81-87.
4. *Красильников В.В., Тоискин В.С.* Информатизация общества и образования. Ставрополь: ООО «Бюро новостей», 2006.
5. *Никотина Е.В.* Формирование информационной культуры детей младшего школьного возраста в учреждениях дополнительного образования. Ставрополь: Дисс. канд. психол. наук: 13.00.01, 2012.

К вопросу о взаимосвязи эмоциональной сферы личности и удовлетворённости жизнью

Муравьева М.П.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
marie_herman@live.ru

В современном мире общество занимают вопросы не только избегания негатива и отсутствия острых проблем, но и повышения

качества жизни. Не просто спокойное проживание, а успех, не отсутствие депрессии, а повышение благополучия. Терапия и тренинги должны работать на задачу повышения удовлетворённости жизнью клиента. Эта задача находится в компетенции психологии, так как психология изучает человека, его внутренний материал не напрямую, а опосредованно, через субъективность объекта. Удовлетворённость жизнью, как и эмоции, являются субъективными.

Психология изучает факты, закономерности и механизмы психики. И сегодняшняя тенденция диктует чтобы факты и закономерности изучаемые психологией можно было приложить к жизни, были практичными. Эмоции являются особым видом психологических процессов, которые проявляются в переживании значимых ситуаций и влияют на оценку самих ситуаций [2; 3]. По мнению П. Экмана, эмоции необходимы для успешного эмоционального естественного отбора, и есть разница между тем, как различные люди переживают эмоции, и именно это создаёт особый эмоциональный профиль. Одни приходят в возбуждение быстро, эмоция возникает интенсивная и длительная, спадает медленно. Другие люди имеют противоположный профиль.

Эмоции служат социальным и общественным интересам. Это важнейшая функция с точки зрения социальной природы человека. На удовлетворённость жизнью влияет качество контакта с окружающими людьми и место в социуме, а эмоции играют в этом вопросе непосредственную роль, демонстрируют происходящее внутри человека, его отношение, это способствует установлению межличностного контакта. Благодаря эмоциям, человек способен ориентироваться в окружающем мире и социуме, производя оценку фактов, принимая и посылая сигналы. Эмоциональный профиль, о котором говорилось ранее, несомненно влияет на удовлетворенность жизнью, так как проживание эмоций создаёт внутри человека определение состояние и восприятие, а на основе этого человек принимает решение и действует. При этом с эмоциями человек сталкивается постоянно, и преобладающая эмоция или наиболее частые эмоциональные состояния задают тон жизни в целом. Автоматическая реакция формируется на биологической базе, ведь эмоция вызывает в организме соответствующие гормональные изменения и готовит тело к той или иной физической реакции.

Нельзя не упомянуть и такое понятие, как эмоциональный триггер. Именно оценка человеком события вызывает эмоцию, а не само событие вызывает эмоцию. П. Экман считает, что есть врожденные триггеры, порождающие эмоциональную реакцию с минимальными когнитивными оценками, он приводит пример, в котором пропадает

сила тяжести и появляется страх [3]. Человек ощущает себя падающим, не успев оценить ситуацию. Но все же большинство ситуаций оцениваются когнитивно, как радостные или напротив отталкивающие. Проблема в том, что оценка фактов происходит настолько быстро, что не замечается сознанием человека. Исследователи ищут способы, как можно повлиять на автоматическую оценку фактов, затормозить ее каким-либо образом, чтобы она стала более осознаваемой для человека, для того, чтобы поменять оценку фактов, а вместе с ней соответствующие действия. Кроме того, понимая важность эмоций, определяя эмоциональный портрет человека, находя неизвестные ранее закономерности, становится возможным через управление эмоциями поднять степень удовлетворенности жизнью.

П. Экман определяет следующие базовые эмоции:

- радость (довольство);
- удивление;
- печаль (грусть);
- гнев (злость);
- отвращение;
- презрение;
- страх.

А. К. Изард составил иной перечень эмоций:

- удовольствие – радость;
- интерес – возбуждение;
- удивление – испуг;
- горе – страдание;
- гнев – ярость;
- страх – ужас;
- отвращение – омерзение;
- стыд – унижение.

Следует сказать, что оба исследователя признают социальную и эволюционную природу эмоций.

Выделение базовых эмоций имеет свои критерии. При этом базовые эмоции имеют отчётливые и специфические нервные субстраты; проявляются проявляется при помощи выразительной и специфической конфигурации мышечных движений лица, т.е. мимики; имеют отчетливое и специфическое переживание, которое осознается и определяется человеком. Также базовые эмоции являются результатом эволюционно-биологических процессов и имеют организующее и мотивирующее влияние на человека, служат его адаптации.

С точки зрения М. Аргайла, «счастье можно рассматривать как осознание своей удовлетворенности жизнью или как частоту и интенсивность позитивных эмоций» [1, с.42]. Иными словами, преобладание позитивных эмоций над негативными влечёт за собой большую удовлетворённость жизнью. Установление взаимосвязи между базовыми эмоциями и способом их проживания поможет установить связь между способом проживания и удовлетворённости жизнью.

Литература

1. *Аргайл М.* Психология счастья. М.: Прогресс, 1990.
2. *Далай-Лама, Экман П.* Мудрость Востока и Запада. Психология равновесия. СПб.: Питер, 2017.
3. *Экман П.* Узнай лжеца по выражению эмоций. СПб.: Питер, 2010.

Особенности самопрезентации посредством селфи

*Никифорова Е.Ф., Хухлаева О.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
efnikifor@mail.ru, huhlavaolga@mail.ru*

Самопрезентация в психологии понимается как процесс представления человеком собственного образа в социальном мире, характеризующийся намеренностью на создание у окружающих определенного впечатления о себе. Также самопрезентацию рассматривают как «способ существования виртуальной личности в Интернете» [1]. Рост популярности селфи как вида самопрезентации в Сети обуславливает актуальность изучения психологических аспектов данного явления.

Селфи – это фотография-автопортрет, сделанный самостоятельно с помощью телефона, на расстоянии вытянутой руки или с помощью отражения в зеркале или селфи-палки. Поскольку селфи чаще всего выполняется с расстояния вытянутой руки, держащей аппарат, изображение на фото имеет характерный ракурс и композицию [4].

Исследование психологических аспектов селфи показало, что:

– чрезмерное увлечение селфи связано с внутриличностными конфликтами;

- частота селфи у девочек-подростков коррелирует с переоценкой своих форм и веса, неудовлетворенностью телом;
- высокая частота публикации селфи в Instagram связана с конфликтом в романтических отношениях;
- частота селфи напрямую связана с уровнем нарциссизма;
- селфи неоднозначно влияет на самооценку. С одной стороны, за счет возможности выборочной самопрезентации селфи повышает самооценку и самоуважение. С другой стороны, просматривая селфи других (незнакомых) людей, пользователи склонны приходить к выводу, что они более счастливые и имеют более благополучную жизнь, и это приводит к снижению их самооценки [3].

Селфи открывает широкие возможности для самопрезентации: фотографию можно сделать самостоятельно; лицо на фото получается крупным планом и позволяет передать эмоции; можно оперативно сделать фото, запечатлев интересный момент, людей или событие; полученное фото можно в дальнейшем отредактировать, прежде чем публиковать в Сети.

Выделяются две стратегии селфи-самопрезентации [2]:

1) стратегия саморекламы – селфи собственных достижений и способностей. Цель – вызвать внимание других людей, чтобы они воспринимали автора селфи как умного, способного, талантливого, успешного и т.д.;

2) стратегия самораскрытия – селфи откровенных эмоций и личных моментов жизни. Цель – вызвать симпатию, доверие и благодарность других людей.

Исследование селфи S.Diefenbach и L. Christoforakos (2) показало, что люди, набравшие высокие баллы по шкалам «самореклама» и «самораскрытие», к селфи относятся позитивно, а люди с низкими баллами по этим шкалам – негативно.

Увлекающиеся селфи люди:

1) имеют положительный эмоциональный опыт селфи, они редко сталкивались с неодобрением и критикой своих селфи;

2) предпочитают видеть обычные фотографии, а не селфи в профилях других пользователей в соц.сетях.

Отношение к своим и чужим селфи сильно отличается. Свои селфи пользователям нравятся, они воспринимают их как ироничные, шуточные, аутентичные. Селфи других оцениваются более критично: в них видится меньше шутливости и аутентичности. Мотивы самопрезентации в селфи пользователи почти в 2 раза чаще приписывают другим, нежели себе.

S. Diefenbach и L. Christoforakos отмечают, что любители селфи демонстрируют явный когнитивный диссонанс, приписывая другим

людям мотивы самопрезентации в селфи, а себе – мотивы развлечения. Связь селфи с самоиронией и аутентичностью позволяет любителям селфи снять когнитивный диссонанс, уйти от столкновения в сознании конфликтующих представлений за счет уменьшения нарциссической части личности, (т.е. сказать себе: «Я не самовлюбленный, я – веселый, поэтому делаю селфи»). Типичные позы селфи, характеризующиеся как «показушные» и «самовлюбленные», авторы селфи объясняют требованиями жанра, т.е. «так должно выглядеть селфи». Принимая вычурную, неестественную позу для селфи, его автор объясняет эту позу стремлением пошутить, развлечься, поиронизировать над собой. Тем самым приглашая других людей присоединиться к самоиронии и повторить эту позу. Этим механизмом авторы объясняют эскалацию селфи-поведения людей.

S. Diefenbach и L. Christoforakos пришли к выводу, что селфи позволяет удовлетворить потребность человека в самопрезентации, не чувствуя себя самовлюбленным (2).

Для изучения стремления к селфи нами было проведено исследование московских подростков (52 чел., 14-16 лет) с помощью: 1) авторского опросника на стремление к селфи и 2) теста уверенности в себе В.Г. Ромека. Опросник включает следующие шкалы: «самореклама», «социальное одобрение», «идентичность», «нарциссизм», «саморазоблачение».

Обработка результатов проводилась с помощью коэффициента корреляции Пирсона. На основании обнаруженных статистически значимых связей был сделан следующий вывод. Подростки, у которых выражено стремление к селфи, нацелены на саморекламу, обладают такими качествами как уверенность в себе, социальная смелость, инициативность в социальных контактах. В нашем исследовании связи между стремлением к селфи и нарциссизмом выявлено не было.

В целом, селфи представляет собой удобный и популярный способ самопрезентации как представления образа себя в Сети; по-видимому, имеет связь с нарциссизмом, но данный вопрос нуждается в дополнительном изучении.

Литература

1. Жичкина А.Е., Белинская Е.П. Стратегии самопрезентации в Интернет и их связь с реальной идентичностью // Cyberpsy. 2017. URL: http://cyberpsy.ru/articles/self-presentation_identity/
2. Diefenbach S., Christoforakos L. (2017) *The Selfie Paradox: Nobody Seems to Like Them Yet Everyone Has Reasons to Take*

- Them. An Exploration of Psychological Functions of Selfies in Self-Presentation.* *Frontiers in Psychology.* January 2017. Volume 8. Article 7. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2017.00007/full>
4. *Mehdizadeh S.* (2010). *Self-presentation 2.0: Narcissism and Self-Esteem on Facebook.* *Cyberpsychology, Behavior and Social Networking.* Vol. 13, No 4. Pp. 357–364. URL: https://www.academia.edu/9507836/Narcissism_and_Self-Esteem_on_Facebook_Mehdizadeh_2010?auto=download
 5. *Senft T.M., Baym N.K.* (2015). *What Does the Selfie Say? Investigating a Global Phenomenon.* *International Journal of Communication.* Vol. 9, Feature 1588–1606. URL: <http://ijoc.org/index.php/ijoc/article/view/4067/1387>

Социально-психологические аспекты любви

Носков А.Ю.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
aleksey.noskov.1999@mail.ru

Изучение феномена любви имеет древнюю историю, наиболее ярко проявляясь в работах А. Адлера, Э. Берна, И.С. Кона, З. Фрейда, Э. Фромма. Работа ученого в этой области всегда сопряжена с определенной трудностью, связанной с тем, что любовь, будучи, безусловно, романтическим чувством, была «присвоена» миром искусства, и любая попытка скрупулезного научного его изучения воспринимается как своего рода посягательство на чужую предметную область, «убивая» романтическую составляющую. Кроме этого, немалую трудность представляет собой попытка определения этого термина. По сути, можно выделить два основных подхода. Первый подходит к определению любви с биологической точки зрения, рассматривая ее как витальную потребность, обусловленную, по большей части, физиологией. Второй отгалкивается от социальной составляющей, говоря об экзистенциальной стороне любви.

Понятно, что любовь, как и любое другое психическое явление, является сложным, многоаспектным, в котором будет тесно переплетаться как биологическое, так и культурное. Однако, даже решив проблему подобного соотношения, остается вопрос об операционализации любви.

Так, к примеру, если определять любовь просто как отношение, то она легко операционализируется через психофизиологические

корреляты, не зря в настоящее время она активно изучается нейробиологами. Такой подход отлично ложится в русло эволюционной психологии и рассматривается там как продукт эволюции (см., например, теорию О. Лавджоя). Но если не сводить любовь к работе коры головного мозга или действию гормонов, то выбор ее дескрипторов будет существенно затруднен. В качестве примера можно привести определение С.Л. Рубинштейна, согласно которому «любовь – это утверждение неповторимого бытия другого человека». Возможность количественного анализа при таком подходе представляет для исследователя нетривиальную задачу.

На наш взгляд, качественно по-другому любовь как научная категория предстает в парадигме социальной психологии, а именно в школе А.В. Петровского: любовь – это «...чувство субъекта, <...> выражающееся в социально формируемом стремлении быть своими лично значимыми чертами с максимальной полнотой представленным в жизнедеятельности другого...» [3, с.198]. Исходя из этого определения, любовь можно операционализировать через персонализацию. Последняя представляет из себя процесс деятельности, в ходе которой человек транслирует другим людям свою субъектность, в результате чего меняется их как интеллектуальная, так и аффективно-потребностная сферы [1]. А.В. Петровский и В.А. Петровский говорят о том, что у человека существует потребность в персонализации, потребность быть личностью, которую он удовлетворяет на протяжении всей жизни [1]. Таким образом, любовь как бы выносится за пределы индивида и становится интериндивидным свойством, ровно как и сама личность в парадигме неклассической психологии. С этих позиций ее можно было измерить взаимным вкладом двух субъектов друг в друга, как это следует из принципа отраженной субъектности [2]. Методические средства изучения «отраженной субъектности» были представлены В.А. Петровским и реализованы целым рядом ученых (А.В. Воробьевой, И.Г. Дубовым, Ю.В. Янотовской и др.). Интересно, что рассуждая в этой логике, можно сделать попытку и качественной оценки рассматриваемого понятия. Так, одной из проблем персонализации В.А. Петровский считает существование «вилки» между субъектностью и способностью ее транслировать. Т.е., например, индивид может обладать субъектностью, но при этом не иметь возможность ее транслировать и наоборот. Можно продолжить эту мысль – с ростом субъектности (если подходить к этому феномену не только качественно, а количественно, предполагая, что субъектность можно оценить по усвоению культурных ценностей и норм) возможность персонализации уменьшается, т.к. субъект, в

котором можно будет полноценно «отразиться», найти будет все сложнее и сложнее. Получается парадоксальная ситуация – если оценивать любовь по отраженной субъектности, то с ростом субъектности будет и увеличиваться потенциальная возможность любить. Однако рост субъектности потенциально будет приводить к одиночеству. Данную взаимосвязь – чувства любви и одиночества в контексте социально-психологической методологии – мы положим в основу наших будущих работ.

Литература

1. *Петровский А.В., Петровский В.А.* Индивид и его потребность «быть личностью» // Вопросы философии, 1982, № 3.
2. *Петровский В.А.* Принцип отраженной субъектности в психологическом исследовании личности // Вопросы психологии. 1985. №4.
3. Психология. Словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М., 1990.

Феномен манипуляции в психологии

*Папахчян К.А., Тимофеева О.В.
kimiko1994@yandex.ru, olgavalertimofeeva@mail.ru
ФГБОУ ВО ВГУ, Воронеж*

В нашей жизни манипуляция присутствует практически во всех областях взаимоотношений людей. Чаще всего это поведение можно увидеть в дискуссиях, переговорах, спорах, полемике и т.п., то есть во многих сферах современного делового общения.

И сама манипуляция, и умение ей противодействовать порождает интерес не только у людей, не имеющих психологического образования, но и у психологов-исследователей.

Вопрос психологического воздействия, а также психологического манипулирования изучало большое количество зарубежных исследователей, таких как К. Гольдштейн, А. Маслоу, Э. Фромм, Р. Чалдини, и отечественных психологов – Е. В. Сидоренко, М. Е. Литвак, Е. Л. Доценко.

Е. Л. Доценко предлагает понимать манипуляцию не как процесс взаимодействия, а как одностороннее воздействие одного партнера на другого. А.У. Хараш высказал обратное мнение, согласно которому

воздействие возникает у участников на фоне развития совместных установок [3].

Е.Л. Доценко и Е.В. Сидоренко считают основным фактором возникновения и распространения манипуляции поиск современным человеком «хитроумных путей преодоления внешних сил и творческих способов увеличения своей привлекательности» [1]. Многие из данных способов формируются в детстве.

Е.В. Сидоренко в качестве факторов возникновения манипуляции выделяет следующие личностные особенности [2].

1. Слабость. Некоторые люди воспитывают в себе склонность к манипуляции вследствие того, что потеряли веру в возможность добиться чего-либо прямыми способами. Они не верят в эффективность просьбы, имеют внутренний запрет на желания и просьбы. В детстве многие потребности и мечты такого ребёнка оказываются неосуществленными по многим причинам, но в том числе и из-за невозможности их реализовать. Ребёнок одновременно научается тому, что просьба не приносит результата, и тому, что некоторые его желания нельзя исполнить. Кроме того, во многих культурах прочно укрепилась иррациональная идея, которую можно выразить словами «никогда ни о чём не проси».

2. Неверие в действенность убеждения. Из детства также идет и неверие в результативность рациональных аргументов. Какие бы разумные доводы ребёнок не приводил в пользу своего мнения, взгляда на что-либо, потребности в чем-либо, родители могут ответить отказом без какой-либо контраргументации.

3. Стремление к одностороннему выигрышу. Русской нации свойственно стремление к односторонней выгоде. Желание переиграть, «обставить» другого показывает русские иррациональные представления. Е.Л. Доценко, разобрав некоторые русские сказки, делает вывод о том, что в них явно показано «благосклонное отношение к уловкам и хитростям», которые «возводятся в ранг поощряемых действий». «Но главной ценностью оказывается выигрыш, победа, ради которых все эти хитрости изобретаются» [1].

4. Привычка. Значительное число людей манипулирует из-за привычки, а все другие способы взаимодействия им несвойственны или даже незнакомы.

Таким образом, в качестве причин манипуляций современные авторы рассматривают комплекс личностных особенностей, проявляющихся в слабости, чувстве беспомощности, страхе затруднительного положения и т.п. Формирование данного комплекса, по утверждению исследователей, относится к детству.

В психологии влияния является дискуссионным вопрос об этической оправданности манипуляции. Так, Е.Л. Доценко, например, считает, что манипуляция в некоторых случаях оправдана.

С другой стороны, манипуляция может быть более предпочитаема, чем принуждение или нападение, поскольку их действие ещё более разрушительно.

Как применение, так и способ применения манипуляции является вопросом этического выбора каждого отдельного человека. Каждый раз человеку необходимо самостоятельно принять решение и понести ответственность за него.

Литература

1. *Доценко Е.Л.* Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М., 1997.
2. *Сидоренко Е.В.* Тренинг влияния и противостояния влиянию. СПб., 2004.
3. *Хараш А.У.* Социально-психологические механизмы коммуникативного воздействия. Дис. канд. псих. наук. М., 1983.

Символическая репрезентация выборов в сознании молодежи

Пенькова В.Н.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
Vika251267@yandex.ru
Палагина А.А.
ООО ФСК «Лидер», Москва
palaginanna@yandex.ru

В политической истории нашей страны выборы в различные органы власти имеют не столь долгую историю, как в западных странах, но уже прочно вошли в жизнь российских граждан. Отношение граждан к выборам – это исследовательский вопрос, значимость которого никогда не ослабевает, поскольку происходят постоянные изменения в социальной и политической структурах общества.

Из всех категорий российских граждан в настоящее время наибольший интерес представляет, прежде всего, молодежь и ее отношение к выборам, поскольку это единственное поколение в структуре общества, социализация которого происходила уже в

постсоветский период с присущими ему преобразованиями во всех сферах жизни. Выборы как один из атрибутов современного политического процесса стали постоянной составляющей социализационного контекста жизни молодого поколения россиян. Следовательно, можно предположить, что в сознании представителей молодого поколения должна складываться целостная и непротиворечивая система представлений о выборах, а отношение к ним – иметь положительную валентность. Однако, как показывает практика, не стоит судить об этом столь однозначно, хотя исследования политических психологов показывают, что молодежь в значительной мере готова проявлять высокую политическую активность, в том числе участвовать в выборах в качестве избирателей [5, с.155].

Представления о выборах и отношение к данному институту складываются по мере накопления социального опыта, формирующегося в процессе социального восприятия и социального познания действительности.

Не вызывает сомнения, что итогом процессов социального восприятия и социального познания является возникновение в сознании индивида образов и представлений, которые часто, как показал анализ работ, посвященных этим понятиям, не разграничиваются, а рассматриваются как синонимичные и взаимозаменяемые.

Нам близка точка зрения С.Л. Рубинштейна, который определяет представление как более сложный, воспроизведенный в отсутствие предмета образ, основывающийся на прошлом опыте индивида. По его словам, «восприятия», полученные в результате познания окружающего мира, не исчезают бесследно, откладываясь в памяти и воспроизводясь в качестве узнавания ранее увиденного или воспоминаний о прошедшем, что, в свою очередь, приводит к возникновению новых психических образований – представлений. Если образ формируется в нашем сознании в процессе непосредственного восприятия предмета, то представление является более сложным образом, возникающим в нашем сознании в отсутствие воспринимаемого объекта. С.Л. Рубинштейн констатирует, что представление отличается от образа большей фрагментарностью, обобщенностью и когнитивной сложностью. Не видя больших различий, С.Л. Рубинштейн в дальнейшем вводит такое описательное понятие, как «образ-представление» [4, с.262]

Сложнее обстоит дело с определением понятия «репрезентация», который с недавнего времени стал активно использоваться в научных работах.

По словам американского философа Маркса Вартофских, посвятившего один из своих монументальных трудов анализу категории репрезентации, «репрезентация предстает как специфически человеческий способ познания» [2, с.15], опосредующий социальную перцепцию и обуславливающий когнитивное освоение мира человеком, то есть рассматривается как процесс.

Мы же, основываясь на позиции С.Л. Рубинштейна, станем определять репрезентацию через образ-представление как результат социального восприятия.

Несколько слов необходимо сказать и о символической составляющей политических представлений и репрезентаций.

Бесспорно, окружающая индивида действительность не является чем-то хаотическим: окружение человека предстает как упорядоченное целое. Полученные в процессе познания данные организуются индивидом в системы значений, в большой степени облегчающие конструирование картины мира. Эти значения являются ничем иным, как символами.

Необходимость изучения символов не только «в качестве форм, опосредующих объективную реальность, но и элементов, конституирующих политическую действительность» показал М. Эдельман, основоположник теории политики как символического действия [6; 8]. По его мнению, именно изучение символической составляющей политического действия отражает реальную картину существующих в политике связей.

Согласно его точке зрения, символы сами по себе не имеют определенного наполнения, становясь значимыми тогда, когда с их помощью общество или социальная группа «транслируют свои переживания, страхи и надежды, не всегда поддающиеся точному определению с помощью слов-знаков, обладающих точным значением, воспринимаемым на рационально-логическом уровне» [3, с.61].

Таким образом, мы видим, что символическое наполнение является неотъемлемой «частью» политического представления и репрезентации.

И целью нашего исследования стало выявление тенденции формирования представлений о выборах и отношения к ним молодых людей в возрасте от 18 до 35 лет.

Для получения информации о содержании в представлениях молодежи, символической составляющей респондентам в возрасте, предлагалось самостоятельно дать письменные определение понятию «выборы». Следует сказать, мы намеренно не просили участников

опроса обозначить свои ассоциации с выборами: нам хотелось понять, будут ли символы произвольно включены респондентами в ответы.

Анализ полученных текстов показал, что понятие «выборы» в подавляющем большинстве случаев было выражено с помощью слов «возможность», «институт», «процесс», «процедура», иными словами описания носили формальный характер и не были символически нагружены.

Тем не менее, в ответах 35% опрошенных представления о выборах были символически репрезентированы. Выявленные символы мы распределили по трем условно выделенным нами группам:

1. «Символы театра» (игра, имитация, подставное действие, показуха, притворство, спектакль, фантазмагория);
2. «Символы соревнования» (борьба, гонка, демонстрация силы, марафон, состязание);
3. «Символы иллюзорности» (иллюзия, обман, профанация, фикция).

Символы театра и иллюзорности были представлены равным количеством (по 8 высказываний в каждой группе), а символы борьбы – 5 высказываний.

Что касается отношения к выборам, то более половины опрошенных (58%) в целом положительно относятся к институту выборов, из них 10% респондентов характеризуют свое отношение как «очень положительное». Второй по количеству сегмент (35%) составили молодые люди, определяющие свое отношение к избирательному процессу как «нейтральное». Из 6% людей, неприязненно относящихся к институту выборов, 4% определили свои чувства, как отрицательные и 2% – как крайне отрицательные.

Одновременно с этим, отвечая на вопрос, обеспечивает ли современная политическая ситуация в стране справедливые, честные, открытые выборы, 85% опрошенных дали отрицательный ответ. Подобное положение дел повлияло на решение 9 респондентов не принимать никого участия в избирательном процессе и на 6 опрошенных, затруднившихся с ответом. Однако 31 человек (64%) выразили готовность принять участие в голосовании в качестве избирателей. С учетом того, что формулировка вопроса касательно участия в выборах позволила респондентам выбрать несколько вариантов ответов, дополнительно было выяснено, что 10 человек (21%) готовы принять участие в мероприятиях оппозиционных сил: митинге (6 респондентов) или забастовке (4 респондента), а 5 человек выразили желание выставить свою кандидатуру на избираемый пост.

Резюмируя вышесказанное, мы можем отметить, что свое символическое выражение институт выборов нашел лишь у 35%

респондентов. Это позволяет говорить о том, что в сознании людей выборы репрезентированы минимально и не связаны с атрибутикой демократии. Что касается декларируемого отношения к институту выборов, то большинство респондентов оценивают данный институт положительно. В то же время подавляющее число респондентов сомневаются в справедливости и честности результатов выборов в России, что сказывается на политической активности молодых людей и отношении к представленным политическим силам.

Литература

1. *Андреева Г.М.* Психология социального познания: Учеб. пособие для высших учебных заведений. М.: Аспект Пресс, 1997.
2. *Вартофский М.* Модели. Репрезентация и научное понимание: Пер. с англ., М.: «Прогресс», 1988.
3. *Евгеньева Т.В., Селезнева А.В.* Психология массовой политической коммуникации: Учебное пособие / Т.В. Евгеньева, А.В. Селезнева. М.: Изд. Московского государственного университета, 2013.
4. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2005.
5. *Селезнева А.В.* Молодежь в современной России: политические ценности и предпочтения. М.: АРГМАК-МЕДИА, 2014.
6. Символическая политика: Сб. науч. тр. / РАН ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки; Отв. ред.: Малинова О.Ю. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. М., 2012.
7. *Шестопап Е.Б.* Политическая психология: Учебник для студентов вузов / Е.Б. Шестопап. – 4-е изд., перераб. и доп. М.: Аспект Пресс, 2012.

Удовлетворенность жизнью как предмет исследования в зарубежной и отечественной литературе

Попова Л.В., Левин В.И.
ФГБОУ ВО ЮФУ, Ростов-на-Дону
larisa2210@bk.ru, aripavlin@yandex.ru

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 17-18-01260 «Социальная психология внешнего облика:

функции, значимость, удовлетворенность, обеспокоенность, интерпретации в межличностном и внутригрупповом взаимодействии в молодежной среде».

В современной социальной психологии, несмотря на большое количество работ по изучению феномена удовлетворенности жизнью, отсутствует согласованность в понимании данного определения. Представляется важным провести анализ существующих исследований данного феномена с целью выделить возможные общие моменты в подходах к изучению данного феномена, что, безусловно, поспособствует систематизации данного феномена и выделению определения удовлетворенности жизнью, удовлетворяющего всех.

В обобщенном виде удовлетворенность жизнью представляет собой сложную интеграцию большого количества социально-психологических аспектов, осуществляющую субъективную оценку индивидом своего состояния на данный момент.

Все исследования феномена удовлетворенности жизнью в зарубежной и отечественной литературе мы можем условно разделить на три больших направления: когнитивный компонент общего, личностного, психологического или субъективного благополучия; форма взаимодействия личности со своей жизнью; форма активности личности.

В первом направлении удовлетворенность жизнью представлена как один из трех компонентов в составе более общих структур (психологическое, субъективное или общее благополучие) личности. Дополнительными двумя компонентами чаще всего выступают положительные и отрицательные эмоции. Исследованиями в данном направлении занимались: Э. Диннер, Р. Эммонс, Ю.Д. Черткова, О.С. Алексева, А.Я. Фоминых, и др. В нашей предыдущей статье мы провели теоретическое исследование понятия благополучия личности и пришли к выводу, что субъективное благополучие является реакцией субъекта на внешние и внутренние стимулы, связано с психическими процессами и свойствами, имеет определенные временные границы и характеризуется целостностью [2].

Как форма взаимодействия личности с собственной жизнедеятельностью, удовлетворенность жизнью представлена в работах Е.А. Черкевич, Л.В. Куликова, Е.В. Селезневой и Ю.Е. Романенко, М. Аргайла, С. Уитни и др. В контексте данного направления удовлетворенность жизнью определяет поступки субъекта, его жизнь во многих аспектах, оказывает огромное влияние на настроение, психическое состояние, характеризуется степенью

выраженности жизненной включенности, разочарования в жизни, усталости от жизни и беспокойства о будущем и т.д. [3].

Формой личностной активности удовлетворенность жизнью считают такие исследователи, как И.А. Джидарьян, Е.В. Балацкий, Л.И. Галияхметова, Р. М. Шамионов, Т.В. Барлас, Е.С. Екимова, И.В. Нехорошева, Ж.М. Елисеева и др. В их работах удовлетворенность жизнью представляет собой некий механизм обратной связи между разными личностными аспектами на разных этапах жизненной активности, при этом оказывает влияние на дальнейшее формирование активности личности [1].

Таким образом, проведя теоретический анализ зарубежных и отечественных исследований удовлетворенности жизнью, мы выделили три направления изучения данного феномена: когнитивный компонент общего, личностного, психологического или субъективного благополучия; форма взаимодействия личности со своей жизнью; форма активности личности. Исходя из этого, обобщенное определение удовлетворенности жизнью может выглядеть следующим образом. Удовлетворенность жизнью – это сложный социокультурный конструкт, представляющий собой субъективную оценку личностью собственного благополучия, взаимодействия личности с собственной жизнедеятельностью; она выполняет оценочно-контролирующую функцию активности личности.

В дальнейшем нам представляется интересным провести экспериментальные исследования с целью более детального изучения феномена удовлетворенности жизнью во взаимосвязи с другими социокультурными и социально-психологическими конструктами.

Литература

1. *Джидарьян И.А.* Психология счастья и оптимизма. М.: ФГБУН Институт психологии РАН, 2013. 370 с. С. 206–223.
2. *Попова Л.В.* Анализ феномена субъективного благополучия // Инновационные ресурсы социальной психологии: теории, методы, практики: сборник научных работ / отв. ред. О.В. Соловьева, Т.Г. Стефаненко. М., 2017. 598 с. С. 338–344.
3. *Попова Л.В., Левин В.И.* Теоретический анализ взаимосвязи оценки внешнего облика, субъективного благополучия и удовлетворенности жизнью [Электронный ресурс] // Современные научные исследования. Выпуск 8: сборник статей участников Всероссийского конкурса «Лучшая научная статья – 2018», проведенного АНО ДПО «МЦИТО», г. Киров

(август 2017 – апрель 2018 года). Киров: Изд-во МЦИТО, 2018.

О психологических проблемах материнства женщины – педагога дошкольного образования

Саченко Л.А.

*НМУ «Национальный институт образования»
Министерства образования Республики Беларусь, Минск
Sachenko1581@gmail.com*

Современные женщины все чаще предпочитают получить хорошее образование, строить успешную собственную карьеру и добиваться признания в профессиональной деятельности. При этом не только социальная роль, но и личностные качества женщины претерпевают значительные изменения: женщины приобретают ранее неприемлемые для них качества – амбициозность, независимость, активность, стремление к достижениям.

Несмотря на изменения гендерных стереотипов и возрастание эгалитарных ценностей семье, в обществе сохраняются традиционные представления о разделении семейных обязанностей. На женщину по-прежнему возлагается ответственность за дом, семью, детей. «Поэтому для большинства населения «двойная» загруженность женщины профессиональным и домашним трудом соответствует представлению о равноправии полов» [2, с.37].

Между тем, американские учёные Dr. Herbert, J. Freudenberger, G. North основной причиной специфического женского эмоционального выгорания указывают необходимость балансирования между множеством социальных ролей, что неизбежно приводит к потере энергии, физическому и эмоциональному истощению [3, с.24]. Женщина же, работающая воспитателем в учреждении дошкольного образования, попадет в ловушку наложения нормативов двух социальных ролей, связанных с дублированием определенных функций. Так Е.А. Панько в педагогической деятельности воспитателя выделяет следующие функции: материнскую, развивающую, коммуникативную, диагностическую, коррекционную, конструкторско-организационную, координирующую, функцию самосовершенствования [4]. Г.Г. Филиппова разделяет функции матери на видотипичные, т. е. обеспечивающие биологические, одинаковые для всех потребностей ребёнка, и конкретно-культурные,

то есть роль матери в воспитании представителей конкретной культурной традиции [5, с.54].

Таким образом, педагог-женщина учреждения образования сочетает ряд функций: дважды выполняет как материнскую функцию (связанную с уходом за ребёнком), так и образовательную (связанную с формированием члена общества), как в своей семье, так и в профессиональной деятельности.

Работа в детьми дошкольного возраста связана с высокой эмоциональной нагрузкой, что в конечном итоге может привести к нарушению психологического здоровья женщины. А вследствие повышенной профессиональной занятости, женщина не может уделять должного внимания, тепла, заботы собственным детям. Что конечно же может отрицательно сказываться на отношении матери-педагога к воспитанию собственных детей.

Как правило, всю совокупность отношений в семье (в частности, детско-родительских) психологи, особенно отечественные, склонны сводить к отношениям «мать – ребенок» и видеть в них основную причину семейных драм и нарушений личностного развития детей. Возможно, это связано с изначальной природой взаимосвязи матери и ребенка. В частности, исследования А. Бертин, О. Стельникова, Д. Шэффер, показывают, что женщина обладает властью над живой материей ребенка. Это обусловлено тем, что «организм будущего ребенка строится из тех материалов, которые предоставляют ему из организма матери...», «мать – это первая вселенная ребенка, его живая сырьевая база как с материальной, так и с психической точек зрения. Мать является также посредником между внешним миром и ребенком» [1, с.3].

Л. Ковар выводит отношения «мать – ребенок» из общей модели семейных отношений. Тип этих отношений зависит, по его мнению, от того, как родители оценивают и относятся к своему ребенку, и как он самоутверждается. Часто ребенок бывает обузой, мешающей социальному продвижению матери. Мать уходит от него и больше к нему не возвращается. Покинутый ребенок, лишенный материнской ласки, плохо общается с другими людьми. У него поздно формируется речь. Он остается инфантильным на всю жизнь, с несформированной «я-концепцией». Дети сознательно и несознательно ориентируются на пример своих родителей. Таким образом, у ребенка появляются конкретные представления о социальных ролях и образцы поведения. Поэтому важно, чем они наполняются в той или иной семье.

Личность матери играет ведущую роль в формировании мировосприятия и нравственных убеждений детей, но сами родители нередко упускают из виду то обстоятельство, что и сложившаяся в

семье атмосфера способна оказать существенное влияние на личностное становление воспитывающихся в ней детей.

Данные аспекты необходимо учитывать в процессе профессиональной подготовки педагогов дошкольного образования, а также семейным психологам при работе по гармонизации детско-родительских отношений в семьях женщин-педагогов.

Литература

1. *Бертин А.* Воспитание в утробе матери, или Рассказ об упущенных возможностях. Л., 1991.
2. *Луковцева З.В., Куракина О.В.* Представления воспитателей дошкольного образовательного учреждения о причинах собственного эмоционального выгорания // Современное дошкольное образование. № 2. 2016.
3. *Панько Е.А.* Психология труда воспитателя. Мн., 1992.
4. *Филиппова Г.Г.* Психология материнства: Учебное пособие. М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002.

О восприятии подростком внутрисемейных отношений в полных и неполных семьях

*Свирипова Д.Ф.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
svirepovadar@mail.ru*

Семья является важнейшим институтом социализации подрастающего поколения. Во все времена семья занимала особое место в системе социального функционирования человека и она же является особым социальным явлением, так как именно в семье формируется личность человека [1; 3].

С течением времени все больше меняются социальные условия в нашем мире, в нашей стране особое место занимает вопрос численности населения. Затрагивая вопросы, связанные с семьей, нельзя обходить неполные семьи. В России с каждым годом их количество увеличивается, в 2012 году он вырос до 30 (по данным агентства РИА Новости). До сих пор довольно часто можно встретить со стереотипами о том, что неполная семья является неблагополучной [3]. Считается, что в неполной семье ребенок не сможет получить необходимое воспитание для успешного функционирования в обществе. Но широкая распространенность

такой модели семьи, тенденция к росту числа неполных семей, отсутствие подтверждения в научных исследованиях однозначно негативного воздействия на личность ребенка воспитания в неполной семье ставят перед специалистами задачу анализа особенностей детско-родительских отношений в неполной семье и разработки моделей ее поддержки с учетом выявленной специфики.

Наше исследование было посвящено выявлению особенностей восприятия подростком внутрисемейных отношений в полной и неполной семьях. Данные для нашего исследования были собраны на базе одной из московских школ. Материал был собран с трех восьмых и двух седьмых классов. Опрошено 82 респондента. Среди них 37 юношей и 45 девушек. 24 человека были из неполных семей и 57 из полных.

Объектом данного исследования являются психологическое состояние подростка и особенности взаимодействия родителей в полных и неполных семьях. Предметом – социально-психологические особенности восприятия подростками внутрисемейных отношений в полных и неполных семьях. Цель работы состоит в том, чтобы изучить различия в особенностях восприятия подростками внутрисемейных отношений в полных и неполных семьях. Была выдвинута гипотеза о существовании различий в восприятии подростками внутрисемейных отношений, воспитываемых в полных и неполных семьях. Для проверки были использованы: тест Т. Шрайберга на изучение степени удовлетворенности школьника характером взаимоотношений в семье; методика изучения традиций семьи (Даниленко О.В.); тест «Подростки о родителях» ADOR (Шафер, модифицирован З. Матейчиком и П. Ржичаном); методика измерения самооценки Дембо-Рубинштейн для подростков и юношей. Участникам исследования задавались дополнительные вопросы о составе семьи и взаимоотношениях в ней.

Перед тем, как приступить к рассмотрению полученных результатов, необходимо сказать, что полученные данные мы разделили сначала на две (полная и неполная семья), а далее на три группы (полная семья; неполная семья, в которой родители взаимодействуют между собой; неполная семья, в которой родители не взаимодействуют между собой). В результате мы увидели, что всего 37,5% неполных семей имеет какой-либо уровень сотрудничества со вторым родителем ребенка.

По полученным данным, 57,3% подростков говорят о том, что хотели бы в будущем иметь семью похожую на свою, при этом 62,5 % подростков из неполных семей, где родители общаются, отвечают, что не хотели бы иметь семью, похожую на свою. Говоря о том, что

хотели бы изменить респонденты в своей семье, 46,3 % ответили, что ничего. 60% подростков из неполных семей, где между родителями нет взаимодействия, также не хотели ничего изменить. В семьях, где родители общаются, такой ответ дали треть подростков. Это может свидетельствовать о том, что общение с отцом, возможно, с его новой семьей расширяет представление детей о моделях семейного взаимодействия, помогая понять, в чем была причина разрыва отношений у родителей. При этом в своей будущей семье подросток хотел бы таких ошибок избежать.

Была выявлена значимая связь между удовлетворенностью подростками отношениями в семье со следующими показателями: позитивный интерес отца (уверенность в себе, отсутствие грубой силы и доверие) и матери (принятие, внимание, поддержка, забота), враждебность отца (суровость, требовательность) и матери (требовательность, подозрительность), непоследовательность в действиях матери (резкая смена поведения и непредсказуемость).

Чем более выражены признаки позитивного интереса, тем более удовлетворен подросток отношениями в семье. При непоследовательности и враждебности мы видим, что, чем меньше ее признаков, тем более благополучный фон царит в семье.

Из этого можно сделать выводы, что удовлетворенность подростков в семье имеет взаимосвязь с тем, как подросток воспринимает поведение и отца, и матери. Также можно говорить о значимой взаимосвязи удовлетворенности подростков отношениями в семье с совместными традициями с обоими родителями. Чем больше у подростка общих дел вместе с матерью и отцом, тем более благоприятный климат, по его мнению, царит в семье.

Полученные данные могут быть использованы в работе школьного психолога и педагога-психолога при работе с подростками и их родителями.

Литература

1. *Андреева Т.В.* Семейная психология: Учеб. пособие. СПб.: Речь, 2004.
2. *Вассерман Л.И., Горьковская И.А., Ромицына Е.Е.* Родители глазами подростка: психологическая диагностика в медико-педагогической практике. Учеб. пособие. СПб.: «Речь», 2004.
3. *Целуйко В.М.* Психология ребенка из неблагополучной семьи: книга для педагогов и родителей. М.: Изд-во ВЛАДОС-ПРЕСС, 2004.

К вопросу об изучении референтности как феномена психологической реальности

*Серокурова С.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
serokurovasv@mgppu.ru*

Референтность, как феномен психологической реальности, имеет для психологической науки довольно давнюю историю изучения. Данный феномен рассматривался с различных сторон как зарубежными (Г. Келли, Р. Мертон, Т. Ньюком, Г. Салливан, Г. Хаймен, М. Шериф, Т. Шибутани и др.), так и отечественными (М.Ю. Кондратьев, А.В. Петровский, В.А. Петровский, Е.В. Щедрина и др.) психологами. Тем не менее, вопрос раскрытия механизма этого типа значимых отношений по сей день остается актуальным, поскольку существует целый ряд вопросов, на которые нет однозначных ответов. К таким вопросам можно отнести возникновение референтных отношений, их основной фундамент, принципы развития самих отношений, а также влияние этих отношений на развитие участников данного процесса. Однако, полноценная разработка этих вопросов невозможна без рассмотрения референтности, не просто как существующего феномена, а как объекта, имеющего ряд измерений.

Е.В. Щедрина определила референтность как форму субъект-субъект-объектных отношений, выражающую зависимость субъекта от другого индивида и выступающую как избирательное отношение к нему в условиях задач ориентации в лично-значимом объекте [4]. О.Б. Крушельницкая рассматривает референтные отношения с позиции культурно-исторической теории Л.С. Выготского. В основе формирования референтных отношений, по ее мнению, лежит потребность индивида в дифференциации и интериоризации культурно-исторического опыта общества [2]. А.В. Петровский, в его трехфакторной модели «значимого другого» рассматривал референтность, наряду с отношениями аттракции и власти, в качестве одного из трех компонентов межличностной значимости индивида. Он впервые выделил, что значимость может быть не только положительной, но также и отрицательной.

Однако существуют и другие измерения, упомянутые в литературе лишь косвенно. Среди них можно выделить широту и глубину. Широта определяется как круг вопросов, с которым опитант обращается к референту, глубина – насколько референт значим для опитанта как личность, имеющая определенную систему ценностей. Согласно А.В. Петровскому, «ориентация на ценности группы, на ее

мнение заставляет индивида выделять круг лиц, позиция и оценка которых для него особенно существенны. Эти люди выступают в качестве своего рода призмы, благодаря которой он стремится осуществлять акты социальной перцепции – видеть и оценивать значимые для него объекты, цели, задачи и способы деятельности, других людей... ...Соотнесение субъекта и объектов ориентации осуществляется путем обращения к ценностным ориентациям другого лица, другого или других членов группы» [3]. Еще одним важным аспектом референтных отношений является степень удовлетворения в этих отношениях лично значимых потребностей оптанта.

М.Ю. Кондратьев, исследуя проблему становления авторитета педагога, выделял три основных стадии: педагог, как источник информации, педагог – референтное лицо, педагог – авторитетное лицо [1]. На примере этой концепции можно продемонстрировать пример работы данных измерений. Так, предполагается, что педагог, как источник информации, будет значим лишь по узкому кругу вопросов, как преподаватель своего конкретного предмета. Педагог-авторитетное лицо значим как личность, как транслятор системы ценностей и к такому референту оптанта будет обращаться уже по более широкому кругу вопросов. Значимая личность в процессе таких отношений будет удовлетворять не только потребность оптанта в информации и оценке этой информации, но и потребность в принятии, уважении, аффилиации и др. Однако, чтобы подтвердить данные положения, необходимо провести соответствующее эмпирическое исследование. Здесь перед нами встает еще одна проблема - проблема отсутствия в современной социально-психологической науке соответствующего методического инструментария [5]. Таким образом, дальнейшее изучение феномена референтных отношений требует также разработки нового методического инструментария, соответствующего задачам исследовательской деятельности в этой области.

Литература

1. Кондратьев М.Ю. Слагаемые авторитета. М., 1988.
2. Крушельницкая О.Б. Феномен референтности с точки зрения культурно-исторической теории Л.С. Выготского // Культурно-историческая психология. 2014. Т. 10. № 3. С. 30–37.
3. Петровский А.В. Психология в России: XX век. М., 2000.
4. Психологическая теория коллектива / Под ред. А. В. Петровского. М., 1979.

5. Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы II Ежегодной студенческой научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева (10 – 12 мая 2017 г.). М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2017. С. 47-49.

К вопросу о роли психологической помощи детям с инвалидностью в системе образования

*Сидоренко О.А., Реутова А.С.
ФГБОУ «НГМУ», Новосибирск
Elena-52195@mai.ru*

Современная государственная политика Российской Федерации направлена на обеспечение условий при образовании, воспитании и социализации детей с инвалидностью. Для обеспечения практической реализации этих вопросов определены новые требования к реализации мероприятий индивидуальных программ реабилитации и абилитации (ИПРА) и как следствие задачи при организации и оказания психологической помощи инвалидам.

Целью работы послужил анализ роли психологической помощи детям инвалидам при реализации ИПРА в системе образования.

В статье использован аналитический материал, метод сравнения, информационно-аналитический анализ.

По данным Федеральной службы государственной статистики, на 1 января 2016 года в России зарегистрировано 12,6 млн. граждан, имеющих инвалидность, из них детей инвалидов более 600 тысяч [3]. Сегодня отмечается тенденция увеличения доли людей с инвалидностью, особенно детей.

Исходя из мировой практики, сегодня приоритет отдается т.н. «социальной модели инвалидности» или «модели взаимодействия», которая направлена на обеспечение взаимосвязи между отдельным человеком и окружающей его средой и психолого-педагогическая помощь при этом, является целостным компонентом комплексной реабилитации и абилитации детей-инвалидов во всех сферах их жизнедеятельности, включая образование.

Социальная модель инвалидности ориентируется на устранение социальных, физических и психологических барьеров в окружающей среде с помощью специальных служб, методов и средств. Исходя из этого, конкретные усилия психологической помощи могут содержать коррекцию нарушений развития и социальной адаптации, оказание ранней коррекционной помощи, психолого-медико-педагогическую

коррекцию. Каждая составляющая должна быть направлена на поддержку и социализацию ребенка с инвалидностью, на создание для него специальных условий для получения образования [1; 2].

Психологическая помощь, особенно детям с инвалидностью и их семьям должна быть приоритетной в деятельности, как психологических служб, так и отдельных психологов. При этом, деятельность психологов должна быть направлена не только на инвалида, но и его окружение с целью оказания психологической и информационно-методической помощи.

Состояние человека по-разному воспринимается самим человеком и окружающими, и имеет разные последствия для участников взаимодействия в зависимости от конкретной ситуации. Учитывая этот факт, значимым становится не только само положение инвалида в обществе, но и восприятие, переживание своего состояния самим инвалидом. Ситуация инвалидности ставит человека в особые условия жизни, требующие мобилизации всех его психических и физических сил, а у ребенка такие силы находятся в стадии формирования. Ребенок с инвалидностью зачастую испытывает трудности, а порою не в состоянии самостоятельно справиться со своим состоянием, что приводит к развитию состояния психической дезадаптации и характеризуется нарушением саморегуляции, эмоциональной неуравновешенностью, повышенной тревожностью, быстрой утомляемостью. Это в свою очередь может приводить к возникновению целого ряда психических проблем и формированию нежелательных стереотипных форм поведения. Ребенку с инвалидностью, как правило, бывает сложно даже не под силу спроектировать свой образ, определиться с позицией в обществе, своим субъективным статусом и персональной идентичностью без профессиональной помощи специалистов психологической службы.

Известно, что, чем выше уровень развития личности, тем успешнее он справляется с возникающими трудностями. Деятельность психологов и оказание ими психологической помощи, несомненно, должны быть направлены на изучение ресурсов ребенка с инвалидностью и вовлечение его в процесс достижения поставленных реабилитационных целей. Оказание профессиональной психологической коррекции, прежде всего мотивационной сферы по пониманию ценностей, установок, самооценки, уровня ориентаций на определенный вид профессиональной активности позволит детям с инвалидностью и их родителям еще на этапе обучения приобрести навыки самореализации и адаптации к проблемным ситуациям, снизить уровень тревожности, сформировать у ребенка состояние эмоциональной уравновешенности.

Одновременно деятельность психологов и оказываемая ими психологическая помощь должны формировать позитивное отношение к детям с инвалидностью, что в совокупности направлено на обеспечение им полноценной жизни в современном обществе.

Комплексная и систематически проводимая психологическая помощь, несомненно, даст положительные результаты и будет способствовать успешной реализации реабилитационных мероприятий детей с инвалидностью в системе образования и как следствие развитию «социальной модели инвалидности» в нашем обществе.

Литература

1. *Садхана Атван.* Идеи независимой жизни инвалидов и социально-педагогическая поддержка ребенка с ограниченными возможностями // Новое в педагогических исследованиях, выпуск 1 / Изд-во Санкт-Петербург, 2004.
2. *Холостова Е., Дементьева Н.* Социальная реабилитация. М.: «Дашков и К», 2002. С.46-48.
3. http://specialbank.ru/2016/10/18/stats_russia

Кинокомедии как инструмент социального влияния

*Сковородникова А.Ю.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
alena7091998@gmail.com*

Широко известна фраза В.И. Ленина, что из всех искусств важнейшим является кино. Причины такого статусного положения кинематографа заключается в его доступности, а, следовательно, и массовости, что создает возможности для трансляции тех или иных идей, установок на широкие массы населения. Механизм такого влияния, закономерности, его эффективность являются предметом таких областей знания, как социальная психология, политическая психология, психология коммуникаций и т.п. Предметом же нашей работы стала психологическая составляющая такой области кинематографа, как комедии.

К жанру кинокомедий относят фильмы, целью которых является рассмешить, улучшить настроение зрителя. Вне зависимости от жанра, все комедии выполняют одни и те же функции. Какие функции

будут одинаковыми, а какие будут отличать их от всех других жанров кинематографа?

Во времена Советского Союза этим каналом активно пользовались для пропаганды идеологии, а иногда даже прямой агитации [3]. Вспомним такую популярную комедию, как «Кавказская пленница» (как и другие фильмы Л.И. Гайдая). Харизматичный и забавный главный герой, увлекательный сюжет, красивые пейзажи, запоминающийся саундтрек и все это «под соусом» из хороших шуток – вот что представляет из себя этот любимый миллионами зрителей фильм. Но, тем не менее, основная его цель – высмеять «темные пережитки прошлого», которые были совершенно нежелательны для того времени и того социального устройства. Подобных примеров из того времени, когда экранное время не расходовалось «понапрасну», когда целью производителя было не собрать кассу с проката, а донести до зрителя какую-то мысль социальной направленности можно привести еще много.

Со сменой государственного строя производители фильмов начали ориентироваться на другие цели – выполнение не государственного заказа, а сборов в прокате. Для коммерческой успешности часто используют самые простые, «лобовые» приемы – демонстрация зрителю неvezучего, глупого персонажа, т.к. на его фоне сам он выглядит гораздо лучше [2]. Такие фильмы становятся «кассовыми», это выгодно производителю, а следовательно, количество таких фильмов растет в геометрической прогрессии. Фильмы, где юмор лишь элемент, своеобразная «приправа» к основной мысли, постепенно заменяют комедии, в которых юмор существует просто ради юмора, который легко монетизируется.

Чтобы разобраться со следующей функцией комедий, отличающей их от других жанров, обратимся к статистике выхода на экраны кинокомедий относительно общего числа вышедших фильмов по десятилетиям, начиная с периода после середины XX в. (по статистике базы «Кинопоиск»).

1967 г.: Мировой экран: 3037 фильмов, 20% из которых – комедии; в прокате СССР: 273 фильма, 7% из которых – комедии.

1977 г. Мир (3268 фильмов, комедии 18%), СССР (371 фильм, комедии 12%).

1987 г. Мир (4360 фильмов, комедии 20%), СССР (466 фильмов, комедии 8%).

1997 г. Мир (6400 фильмов, комедии 20%), Россия (164 фильма, комедии 20%).

2007 г. Мир (12037 фильмов, комедии 23%), Россия (692 фильма, комедии 16%).

2017 г. Мир (29720 фильмов, комедии 23%); Россия (1127 фильмов, комедии 15%).

Исходя из данных статистики, мы можем увидеть, что общий процент выпускаемых комедий в мире примерно одинаков и составляет примерно 20%. А вот если рассматривать только нашу страну, то можно увидеть неравномерную динамику. Если в СССР снимали вдвое меньше комедий, чем во всем мире, то в десятилетие распада Союза можно констатировать всплеск их выпуска. Двукратное увеличение производства фильмов этого жанра можно объяснить сменой социально-экономической ситуации, в стране начинается кризис. Естественно, социально-психологический климат в этот промежуток времени вряд ли можно назвать благоприятным. На наш взгляд, растущее напряжение в обществе вызвало запрос на фильмы комедийного содержания. В рекордные сроки в рекордных количествах выпускаются комедийные сериалы, комедийные мультфильмы, полнометражные комедии. На наш взгляд, исходя из проведенного анализа, можно констатировать, что еще одна цель, отличающая комедии от других жанров кино, – отвлечение населения от острых проблем в обществе и потенциального асоциального поведения [1]. Итак, с помощью кинокомедий перестали продвигать существующую идеологию и нравственные установки, но комедии все еще справляются с функцией отвлечения зрителя от социальных проблем.

Литература

1. *Дмитриев А.В.* Социология юмора. М., 1996.
2. *Мартин Р.* Психология юмора. СПб. 2009.
3. *Рябова Г.Н.* Советская кинокомедия 1920-х гг. как феномен смеховой культуры // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского, 2012.

Исследование взаимосвязи особенностей ценностной сферы и паттернов поведения среди представительниц феминистического движения

*Танакова О.О.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
Oks.tanako@gmail.com*

Многообразие созданных людьми социальных институтов содержат те или иные ценностные приоритеты, как в отношении

постановки целей, так и способов их достижения. Разделяемые обществом ценности, позволяют людям не только определять какое поведение будет приемлемым в той или иной ситуации, но и иметь возможность обосновать свой выбор среди других.

В условиях современного общества за счет бурного технического, научного и экономического прогресса можно наблюдать своего рода неопределенность ценностных ориентаций личности, в связи с необходимостью выработки новых паттернов поведения и проверки наличествующей системы ценностей на их приложимость к текущей ситуации.

Совокупность факторов, связанных с текущей интенсивностью изменений в современном обществе, была названа префигуративной культурой [3]. В последней мы можем наблюдать эволюцию в семейных отношениях и постоянно происходящие изменения в образе и структуры семьи, что, в свою очередь имеет тесную взаимосвязь с индивидуальной и общественной системой ценностей в отношении внутрисемейной культуры как социального института [2].

Вместе с тем, можно наблюдать устойчивые тенденции феминизации общества и соответствующие сдвиги в аксиологической сфере общества, связанные с изменением статуса женщины в социуме [1; 2]. Ценности, как сложный ментальный конструкт - опосредуют и регулируют социальное воздействие на личность [6], а согласованность ценностных ориентаций между супругами определяет семейно-ролевую структуру брака. Последнее, в свою очередь, ведет к чувству удовлетворенности или неудовлетворенности браком [4; 5; 7], что влияет на жизнеспособность сложившейся ячейки общества.

Ввиду вышеописанного, особый интерес также представляет изучение ценностей, транслируемых феминистическим движением, и их связь с особенностями ролевых паттернов поведения у представительниц данного движения, обладающих соответствующим социальным статусом.

Поэтому в рамках данного исследования мы поставили *цель*: изучить специфику аксиологической сферы современных женщин-феминисток, а также проверить наличие взаимосвязи особенностей ценностной сферы и социально-психологических паттернов поведения: профессиональных и семейных.

Нами было выдвинуто предположение о том, что существует взаимосвязь между ценностно-смысловыми особенностями, освоенностью паттернов поведения и социального статуса личности (принадлежность к феминистическому движению). Также был выдвинут ряд частных гипотез о наличие взаимосвязи предпочтения

конкретного вида феминизма и специфики ценностной сферы личности.

Для решения поставленных задач и гипотез был проведен теоретический анализ литературы, посвященной изучению аксиологической сферы женской прослойки общества в отечественной и зарубежной литературе, а также были подобраны соответствующие методики и краткий опросник:

1. Краткий опрос на тему «Какой вид феминизма Вам ближе?», предполагающий выбор из ответов: а) либеральный; б) радикальный в) социалистический г) другое (вписать).

2. Опросник «Ваше отношение к феминизму» И.С. Клециной.

3. Методика исследования ролевых паттернов отношения к Другому взрослого человека («МИРП») Ю.В. Александровой.

4. Методика для акмеологической диагностики личностных ценностей (АТЛЦ13.1) А.В. Капцова.

В эмпирическом исследовании приняли участие 158 женщин в возрасте от 18-ти до 41-го года, состоящих в тематических интернет-сообществах, посвященных феминистическому движению.

По результатам проведенного исследования можно говорить о том, что у представительниц феминистического движения преобладает гуманистическая направленность, а среди группы личностных ценностей сильно выражена ценность духовного удовлетворения, нежели материального благополучия в процессе той или иной деятельности. Последнее также находит свое отражение и в том, что при высоком уровне освоенности профессиональных паттернов отношений, – сфера профессиональных достижений имеет средние значения, а приоритет отдается сферам досуга и образования.

Были получены высокие показатели по шкалам ценности индивидуальности и креативности (в противовес ценности сохранения традиций), что является вполне оправданным ввиду того, что именно эти категории ценностей в историческом контексте позволили противостоять устаревшим традициям, содержащим предрассудки относительно женской фигуры в социуме.

Также несмотря на то, что ценность семьи как жизненной сферы имеет низкую выраженность относительно других сфер, – значимых показателей в контексте сформированности невротических паттернов детско-родительских и супружеских отношений не было выявлено. Это позволяет нам сделать предположение о том, что феминистки имеют возможность поддерживать удовлетворительные семейные отношения, при этом, не возводя институт семьи в некий культ.

Подводя итоги, можно сказать о том, что результаты исследования позволяют лучше рассмотреть феномен феминизма и его

психологическую ценность в контексте социума, и института семьи, в частности. Однако для более полной экспликации вышеуказанного требуется проведение более глубокого анализа полученных данных.

Литература

1. *Акимова Л.Н.* Феминизм в представлении современной женщины / Наука і освіта. 2015. С.26–31.
2. *Андреева А.Д.* Образ семьи и родительства у современных матерей: кросс-культурное исследование/ Андреева А.Д. // Теоретическая и экспериментальная психология. 2016, N 2. С. 17
3. *Мид М.* Культура и мир детства. М.: Наука, 1983.
4. Психология. Словарь / Под общ. ред. Петровского А.В. , Ярошевского М.Г. . 2- е изд ., М ., 1990.
5. Психологические теории и концепции личности: краткий справочник в кн.: / под ред. Горностай П., Титаренко Т. // Психология личности: словарь-справочник. К.: «Рута», 2001.
6. *Хекхаузен Х.* Мотивация и деятельность: в 2-х т. Т.2 / Под ред. Б.М. Величковского. М ., 1986.
7. Human Values and Social Change: Findings from the Values Surveys. Front Cover. Ronald Inglehart. Brill, Architecture, 2003. 285 p.

Стремление к власти и локус контроля предпринимателей

*Хливненко В.В., Гадилія А.М.
ИСГО БГЭУ, Минск, Беларусь
veronikahlivnenko@mail.r, Gadilia@yandex.ru*

Изучение психологических аспектов власти дает возможность интерпретации многочисленных проявлений общественной жизни. Поскольку, по мнению многих исследователей, власть можно рассматривать как фундаментальное объяснительное понятие. Д. МакКлелланд, говоря о власти, делает акцент на ее личностно-ориентированной и социо-ориентированной составляющей. При этом он указывает, что, с одной стороны, люди стремятся к власти не ради того, чтобы достичь определенных общественно важных целей, а лишь потому, что наличие ее приносит им удовлетворение. С другой стороны, поскольку власть предоставляет возможность достигать

определенных общественных целей, человек не только стремится к абсолютному доминированию над другими людьми, но и озабочен интересами дела [2, с.136].

Важным и интересным является изучение феномена стремления к власти во взаимосвязи с некоторыми личностными и поведенческими проявлениями, а также сферой профессиональной деятельности.

Наше эмпирическое исследование было направлено на изучение особенностей проявления стремления к власти и локуса контроля у индивидуальных предпринимателей Российской Федерации и Республики Беларусь. В нем принимали участие 52 человека (среди них — 27 мужчин и 25 женщин). Для определения содержательных особенностей проявления стремления к власти индивидуальных предпринимателей была использована методика «Мотив власти» Е.П. Ильина. Для определения локуса контроля – тест-опросник С.Р. Пантелеева, В.В. Столина [3].

Результаты эмпирического исследования показали, что 50% предпринимателей Республики Беларусь и 73% российских предпринимателей имеют средний уровень стремления к власти. Испытуемые данной группы склонны обращать на себя внимание других, выделяться, привлекать сторонников, однако, и сравнительно легко поддаются влиянию. Для них характерен средний уровень социальной активности, включенности в соревнование. Они среднеконформны, нормально себя чувствуют в групповых видах деятельности, когда вынуждены строго следовать одинаковым для всех правилам поведения и подчиняться другим. Они не всегда стремятся к власти, довольствуясь своим положением в обществе, однако, если им выпадет шанс руководить людьми, они им воспользуются.

У 46% белорусских предпринимателей и 19,3% предпринимателей России был выявлен низкий уровень стремления к власти. Таких людей устраивает быть на месте ведомого. Они спокойно себя чувствуют, когда ими руководят другие, и начинают испытывать стресс, если им приходится возглавлять других людей. Стремление к уважению является для них важным.

У 4% предпринимателей Республики Беларусь и 7,7% предпринимателей Российской Федерации выявлено высокое стремление к власти. Испытуемые с развитым мотивом власти в большей степени склонны обращать на себя внимание, выделяться, привлекать сторонников. У них, как правило, выше уровень социальной активности, проявляющейся в стремлении занимать руководящие посты, включаться в соревнование, организовывать работу других людей. Они малоконформны, неважно себя чувствуют в

групповых видах деятельности, когда вынуждены строго следовать одинаковым для всех правилам поведения и подчиняться другим. Люди с высококоразвитым мотивом власти обладают способностью с выгодой для себя использовать предоставляемые ситуацией возможности для проявления соответствующего мотива [1, с.96].

Исследование типа локуса контроля предпринимателей Республики Беларусь показало, что 73% испытуемых имеют интернальный локус контроля. Среди предпринимателей России таковых 46%. Интерналы считают, что большинство важных событий их жизни было результатом их собственных действий и чувствуют свою собственную ответственность за эти события и за то, как складывается их жизнь в целом. Экстернальный локус контроля выявлен у 27% белорусских индивидуальных предпринимателей и у 54% российских соответственно.

Таким образом, мы видим, что в уровне стремления к власти и проявлении локуса контроля у предпринимателей Российской Федерации и Республики Беларусь есть как сходства, так и различия. Они детерминированы многочисленными обстоятельствами как психологического, так и социально-экономического и исторического плана.

Литература

1. *Ильин Е.П.* Мотивация и мотивы. СПб., 2004.
2. *МакКлееланд Д.* Мотивация человека. СПб., 2007.
3. *Рогов Е.И.* Настольная книга практического психолога: учебное пособие. М., 1999.

Социально-психологические особенности будущих матерей

Шапоренко О.Н., Хаймовская Н.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
shaporenko.oksana@gmail.com, tatisheva@yandex.ru

Понятие материнства, с точки зрения психологии, учитывает многие факторы. Например, эволюцию этого понятия, так как в различные исторически периоды термин материнства воспринимался совершенно иным образом, нежели сейчас. В определении психологической составляющей этого феномена большую роль играют физиологические механизмы протекающие у женщины до, во время беременности, во время и после родов. Так же на феномен

материнства оказывает влияние культура, так как в каждой стране есть институт материнства, в котором рассматриваются способы воспитания женщины как матери и отношение к материнству в целом. К тому же в обществе постоянно меняются модели материнства и детства и отношения женщины к своей роли.

То, как женщина воспринимает материнство и отношение к ребенку во время беременности еще не дает точного ответа на вопрос о том, как она будет относиться к своему ребенку после его рождения, и как будет формироваться их дальнейшее взаимодействие. Однако, несмотря на это, есть базовое состояние будущей матери которое определяет фон беременности и послеродового периода. Существует взаимосвязь данного фона (доминанты) на установки по материнству и отношению к своей семейной роли.

Основной гипотезой исследования явилось предположение о том, что установки будущих матерей (во время беременности) по отношению и воспитанию ребенка имеют различие после его рождения. А так же, оптимальный фон во время беременности и родов положительно сказывается на вынашивание ребенка и уход за ним после рождения.

В исследовании было применено следующие три методики.

1. Опросник на тему родительских установок PARI.
2. Тест на выявление доминанты И.В. Добрякова.
3. Проективная методика на тему восприятия себя и ребенка «Я и мой Малыш».

В исследовании принимали участие беременные женщины и женщины недавно родившие (возраст ребенка с первых дней его жизни и до года). Что в первой группе, что во второй, беременность и роды были первые.

По завершении исследования выявилась значимая разница между беременными и родившими по следующим двенадцати основным параметрам.

1. Зависимость от семьи у беременных меньше чем у родивших. Это обуславливается тем, что во время беременности женщина еще полностью не погружена в материнство, новые условия жизни, новый ритм и т.д. Она продолжает работать или заниматься другой деятельностью, тем самым она так же меньше зависит от мужа и другой поддержки.
2. Подавление воли у ребенка проявляется в меньшей степени у беременных, чем у родивших.
3. Ощущение самопожертвования у беременных меньше, чем у родивших.

4. Опасение обидеть ребенка у беременных меньше чем у родивших.
5. Уровень раздражительности во время беременности меньше, чем после рождения ребенка.
6. Показатель излишней строгости у беременных меньше, чем у родивших.
7. Сверхавторитет у беременных выражен меньше, чем у родивших.
8. Подавление агрессивности у беременных меньше, чем у родивших.
9. Неудовлетворенность ролью хозяйки у беременных меньше, чем у родивших.
10. Подавление либидо у беременных меньше, чем у родивших.
11. Вмешательство в мир ребенка у беременных меньше, чем у родивших.
12. Стремление ускорить развитие ребенка у беременных меньше, чем у родивших.

Разница в показателях беременных и родивших женщин говорит о том, что во время беременности восприятие себя и своего ребенка и установки на его воспитание иные, чем в то время, когда женщина родила и в процессе воспитания формирует свое материнство, приспосабливается к новой семейной роли.

Далее, по результатам корреляционного анализа (данные по методикам И.В. Добрякова и PARI), нами были выявлены доминанты родительских установок и определены значимые связи между этими двумя показателями для каждой группы женщин. Отдельно для беременной группы и отдельной для родившей.

В группе беременных были выявлены следующие результаты:

1. Чем больше мать уклоняется от конфликтов, тем менее она склонна к тревожному типу.
2. Чем больше безучастность мужа, тем более жена склонна к тревожному типу.
3. Чем больше мать вмешивается в мир ребенка, тем менее она склонна к оптимальному типу.
4. Чем больше мать вмешивается в мир ребенка, тем более она склонна к тревожному типу.

Также были установлены значимые взаимосвязи по группе родивших женщин:

1. Чем больше мать подавляет волю ребенка, тем более она склонна к эйфорическому типу.

2. Чем больше мать подавляет либидо, тем более она склонна к эйфорическому типу.
3. Чем больше мать уравнивает отношения с ребенком, тем более она склонна к игнорирующему типу.
4. Чем больше мать самостоятельна (имеется ввиду чем больше она все сама делает по уходу за ребенком и дому и т.д.), тем более она склонна к депрессивному типу.
5. Чем больше мать излишне строга, тем более она склонна к игнорирующему типу.
6. Чем больше мать подавляет агрессию ребенка, тем она сама более склонна к депрессивному типу и подавляет агрессию в себе.
7. Чем больше мать неудовлетворенна ролью хозяйки, тем более она склонна к игнорирующему типу.
8. Чем больше мать неудовлетворенна ролью хозяйки, тем более она склонна к тревожному типу.

Литература

1. *Брутман В.И., Филиппова Г.Г., Хамитова И.Ю.* Динамика психического состояния женщины во время беременности и после родов // Вопросы психологии. 2002. №1. С. 59-69.
2. *Гайдай А.О.* Психологическая готовность к материнству: дипломная работа / Киров, 2005. Электронный ресурс: bestreferat.ru/referat-149061
3. *Евдокимова А.А.* Уровни психологической готовности к материнству девушек репродуктивного возраста [Электронный ресурс]: дипломная работа. Режим доступа: works.doklad.ru/view/s9qPX9Bt5U8
4. *Мид М.* Культура и мир детства. М.: Наука, 1989..
5. *Овчарова Р.В.* Родительство как психологический феномен. М.: МПСИ, 2006.
6. *Орлевская М.* Я хочу ребёнка // Счастливые родители 2004. №3. С.76-78.
7. *Поленина С.В.* Развитие института прав женщин во взаимодействии международного и национального права // Права женщин России. 2009. №2. С.11-13.
8. *Скрицкая Т.В.* Материнство как социально обусловленный феномен [Электронный ресурс] Режим доступа: hpsy.ru/public
9. *Филиппова Г.Г.* Психология материнства: учебное пособие. М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002.

10. *Филиппова Г.Г.* Материнство и основные аспекты его исследования в психологии. М., 2000. Режим доступа: <http://portal.ru/article/materinstvo-i-osnovnye-aspekty-ego-issledovaniya-v-psihologii>
11. *Хаймовская Н.А.* Зависимость между характером взаимодействия и особенностями привязанности ребенка к взрослому: Дисс... канд. психол. наук. М., 1998.
12. *Чибисова М.Ю.* Феномен материнства и его отражение в самосознании современной молодой женщины: автореф. канд. психол. наук. М., 2003.
13. *Шнейдер Л.Б.* Материнство: врожденное или приобретенное? [Электронный ресурс] //Введение в психологию семейных отношений. Режим доступа: allrefs.net/c3/3rp82/p49/?full

Актуальные проблемы социальной психологии образования

Шульга Т.И.
ГОУ ВО МО МГОУ, Москва
shulgatiana@gmail.com

Проблемы общества, которые стоят перед социальной психологией в настоящее время, требуют незамедлительного решения, как на уровне теории, так и на уровне практики. Важно определить глобальные вызовы, на которые должна будет ответить социальная психология в ближайшие 10- 20 лет. Кроме того, четко определить кто будет решать эти поставленные задачи, кто он современный социальный психолог??

Наиболее острая проблема, получившая всеобщее признание практически во всех странах мира – это глобальный терроризм. Колоссальное разрушительное воздействие, которое он оказывает на общество приводит к переживанию страхов, недоверию между людьми и народами. Появились новые способы рекрутирования в ряды террористов, в которые привлекают не только молодежь, взрослых, но и детей, т.к. их вербовка ведется через Facebook и другие социальные сети. Социальная психология должна занимать более активную позицию в прояснении природы терроризма и в разработке рекомендаций по борьбе с ним. Параллельно встает вопрос о оказании психологической помощи жертвам терроризма.

Одна из важных проблем – всемирная глобализация стран – это добро или зло. Каково благосостояние человека при глобализации, его жизнестойкость, умение принимать новое и адаптироваться к нему,

более активно использовать достижения в социальном инжиниринге, разрабатывать различные программы, стратегии и практики, которые могут сделать наш мир лучше. Психология сосредоточена на индивидуальном уровне, при этом наша отрасль изучает личность в социальной ситуации. Однако многие проблемы возникают на системном уровне, и даже не на уровне группы, а в масштабах всего общества. Это политическое, культурное, системное измерение, которому в социальной психологии пока не уделяется достаточно внимания.

Проведение кросс-культурных исследований, которые помогут более глубоко рассматривать проблемы вхождения, вживания человека в разные культуры, изучение психологических феноменов в разных культурах и их восприятие, понимании культуры народов, стран. Сразу возникает проблема, что считать нормой в развитии ребенка? И есть ли она? Временная перспектива, возраст и взросление имеют свои культурные особенности.

Наконец, еще одна важная проблема – это применение социально-психологического знания на практике. Как трансформировать знания в существенные для общества решения? Социальная психология могла бы больше изучать взаимодействие людей в командах, группах, организованных в добровольческой и волонтерской деятельности.

Можно более подробно остановиться на интервью, которое опубликовал доктор психологических наук, профессор РАН, профессор ПИ РАН, заведующий лабораторией социальной и экономической психологии ФГБУН Института психологии РАН Тимофей Александрович Нестик с почетным профессором психологии Стэнфордского университета (США) Филиппом Зимбардо. Ответы на вопросы о том, **какие направления социально-психологических исследований будут наиболее востребованными? Какие вызовы для социальной психологии связаны с бурным развитием технологий? Мы становимся свидетелями появления третьей промышленной революции, умных материалов, интернета вещей, технологий телеприсутствия, биотехнологий. Как все это скажется на проблемном поле социальной психологии?**

«Технологии – это обоюдоострый меч... Они открывают нам новые миры для экспериментирования и проведения исследований. При этом у них есть обратная сторона. Например, множество людей проводит больше времени в виртуальном сообществе, чем в реальном мире; они общаются с друзьями через Facebook, а не через личные встречи.»

Это приводит к тому, что у людей, а у детей в особенности, возникают трудности с обучением вербальному и невербальному

общению, так как вся коммуникация сводится к написанию текстовых сообщений. Они не учатся быть общественными существами. Проблемы общения в новом формате – через опосредование СМИ, телевидение, социальные сети и т.д. приводит к новым задачам, стоящим перед социальной психологией.

Юноши и девушки становятся зависимыми от видеоигр, которым посвящают 5, 10, 15 часов каждый день. Игры – это уже многомиллиардная отрасль, которая будет расти за счет использования технологий дополненной реальности. Игра Pokemon Go – лишь один из примеров того, как такие средства входят в нашу жизнь. Больше не существует различий между реальным и виртуальным миром, наш мозг воспринимает окружающее через экран электронного устройства. Можно предвидеть, что все больше молодых людей будут попадать в зависимость от игр через приспособления такого рода. Опасность здесь кроется в том, что видеоигры и порнография приучают нас быть потребителями, а не творцами. Эти технологии ограничивают наши творческие способности. Если вы играете в игры 10 часов в сутки, то вы не принимаете пищу, не делаете физических упражнений, не общаетесь с друзьями, не осваиваете новые навыки, не учите новые языки, не путешествуете. Множество американских молодых людей застряло, остановилось в своем развитии, для них реальные путешествия, реальные отношения с друзьями и девушками оказываются менее интересными и яркими, чем мир игровых фантазий.

Особо Ф. Зимбардо выделил тот факт, что во многих случаях технологии оказываются разрушительными для мужской части человечества. Они делают более доступной порнографию, приучают к образу женщины как объекта игр в доминирование. Так что технологии в буквальном смысле перепрограммируют жизнь молодых мужчин.

Перед социальной психологией образования стоят достаточно серьезные задачи на современном этапе. Утверждена **Концепция развития психологической службы в системе образования в Российской Федерации на период до 2025 года** Утверждена Министром образования и науки Российской Федерации О.Ю. Васильевой

14 декабря 2017 года. Утверждены и вступают в действие профессиональные стандарты «Педагог-психолог в образовании», «Психолог в социальной сфере». В них четко определены трудовые действия, которые должен выполнять психолог в любой организации, в которой он работает в соответствии с уровнем образования и квалификации.

Сегодня круг социально-психологических исследований вышел далеко за рамки образовательной организации/вуза и уже не ограничивается проблемами обучения и воспитания, традиционно входящими в сферу компетенции педагогической психологии. Понятие «long-life learning» (обучение через всю жизнь) определило перспективы новых исследований, фокусирующих внимание на всем многообразии (личностном, межличностном, когнитивном, реабилитационном и т.д.) происходящих изменений в жизни человека при его включении в сферу образования. Новые перспективы реформы образования, такие, как МЭШ (Московская электронная школа), РЭШ (Российская электронная школа), ПОТОК (Персонализированная Образовательная Траектория в Открытых Коллективах), РОСТ (Распределенное Оценивание в Системе Талантов) требуют психологического сопровождения.

Влияние опыта семейной депривации на социальные представления о материнстве, отцовстве и родительстве

*Щедрова И.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
rabota8.8@mail.ru, nnvt@list.ru*

С давних времен и по сей день материнство и отцовство являются одним из базовых жизненных предназначений, а также важной социально-психологической функцией каждого человека. Будущее общества – это сегодняшнее состояние родительства. Психология родительства в настоящее время является одной из тем, активно изучающихся и обсуждающихся именно в связи с социальной значимостью этого феномена, с одной стороны, и недостаточной его изученностью в современной социокультурном контексте, – с другой [1].

Целью нашего исследования было выявление связи между опытом семейной депривации и социальными представлениями о материнстве, отцовстве и родительстве.

В качестве общей гипотезы выступило предположение о том, что характер семейной депривации оказывает влияние на эти представления.

Одна из частных гипотез состояла в проверке различий указанных представлений у респондентов, воспитывающихся в полных и неполных семьях.

Для проверки использовались следующие методики:

1. Анкета для определения демографических характеристик респондентов (пол, возраст, социальное положение и др.).
2. Методика ассоциаций П.Вержеса, направленная на изучение социальных представлений [4].
3. Опросник на привязанность к родителям М.В.Яремчук [3].
4. Опросник эмоциональной эмпатии А.Мехрабианна и Н.Эпштейна [2].

Выборку составили 135 респондентов, из них 105 женщин и 30 мужчин. 93 респондента воспитывались в полных семьях, 42 – в неполных.

Исследование выявило различия в социальных представлениях о материнстве, отцовстве и родительстве у респондентов, воспитывавшихся в полных и неполных семьях, а также у представителей женской и мужской части выборки.

Литература

1. *Захарова Е.И.* Родительство как возрастно-психологический феномен: Дис. на соиск. учен. степени докт. психол. наук. Москва, 2017.
2. *Мехрабиан А., Эпштейн Н.* Опросник эмоциональной эмпатии (EETS) Мехрабиана 1972. URL: <http://psy-clinic.info/index.php?id=232:oprosnik-emotsionalnoj-empatii-eets-mekhrabiana>
3. *Яремчук М.В.* Особенности привязанности в детско-родительских отношениях и отношениях любви у старших подростков // Психологическая наука и образование. 2005. № 3. С. 86–94.
4. *Vergès P.L.* Evocation de l'argent: Une méthode pour la définition du noyau central d'une representation // Bulletin de psychologie. 1992. Т. XLV, № 405. P.203.

II. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Снижение рисков в решении о найме работников

*Арбузова Н.С., Харченко М.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
arbusovanat17@mail.ru, kharchenkoma@mgppu.ru*

Успешность предприятия зависит от наличия в штате высококвалифицированного персонала. Подбор персонала – это процесс, с которым сталкиваются работники каждой организации, каждого учреждения. Потребность в кадрах всегда была и всегда будет. И чтобы прием на работу людей, обладающих низкой квалификацией, был сведен к минимуму, система найма сотрудников должна быть эффективной. Под подбором персонала принято понимать систему мероприятий, направленных на привлечение в организацию сотрудников, обладающих необходимыми профессиональными компетенциями и личностными качествами для выполнения всех должностных обязанностей. Среди основных факторов, влияющих на подбор сотрудников можно выделить уровень выдвигаемых требований к персоналу, общую кадровую политику, сформировавшийся имидж компании, оплату труда [3]. Потребность в подборе персонала может возникнуть при составлении нового штатного расписания, текучести кадров или осознания потребности в сотрудниках определенной профессии или квалификации. Первостепенная задача менеджера по персоналу – это обеспечение компании нужными кадрами в необходимые сроки.

Проблемы могут возникнуть уже на стадии поиска персонала. Чтобы их избежать, следует досконально разработать план найма. Процесс найма сложен, этапы подбора существенно отличаются друг от друга. На начальных этапах важно определить, в каких специалистах нуждается организация. На этом этапе составляются должностные инструкции и профиль должности, анализируются профессиональные и личностные качества, которыми должен обладать кандидат.

Второй этап заключается в определении способов поиска сотрудников. Многое зависит от ресурсов компании. Сотрудники отдела подбора персонала должны определить, стоит ли использовать внутренние трудовые ресурсы организации (кадровый резерв) или стоит отдать предпочтение внешним источникам поиска персонала

(интернет-ресурсы, рекомендации сотрудников организации, центры занятости, вузы и т.д.).

Третий этап – это непосредственный поиск персонала. Для этого рекрутеры передают информацию о наборе сотрудников по разным каналам. Выбирая каналы поиска, рекрутеры должны смотреть, чтобы они не только были экономичными, но и эффективными, а сообщения должны быть рассчитаны на целевую аудиторию [1].

Подбор кандидатов следует осуществлять, предварительно изучив информацию о потенциальном сотруднике. Важно знать образование человека, его опыт работы. Кроме того, оценка производится и по другим критериям, многое зависит от того, на какую должность производится подбор.

Заключительным этапом становится непосредственно отбор персонала: оценка кандидатов, выбор наиболее подходящего кандидата, соответствующего заранее определенным требованиям. В практике российского рекрутмента имеется достаточное количество средств для проведения отбора: сбор и анализ начальной информации (резюме, анкеты, характеристики от предыдущих работодателей, рекомендации). Для продуктивного отбора применяется ряд тестов на интеллект, социально-психологические тесты, тесты на обладание требуемыми личностными характеристиками, обладание специальными способностями. Для оценки соискателей также могут проводиться групповые методы отбора, деловые игры и тренинги [2].

Можно выделить три основные группы рисков: квалифицированный специалист и сжатые сроки поиска; минимальная зарплата и сжатые сроки поиска; квалифицированный работник и минимальная зарплата [4]. Исходя из этих рисков, можно выделить три показателя эффективности: срочность, уровень оплаты труда и требуемые компетенции. Но, к сожалению, сочетания всех трех показателей в практике рекрутмента практически не встречается. Минимизировать риски можно в том случае, если найден баланс между запросами компании и возможностями рынка. При отборе персонала компании не стремятся заполучить абсолютного сотрудника во всех смыслах, идея состоит в получении лучшего из ряда кандидатов. Такой кандидат будет обладать всеми теми качествами, которые требуются компании для достижения наиболее важных перспектив.

Стремясь на каждом этапе подбора к использованию максимально возможного количества ресурсов компании для привлечения кандидата, к продуктивной оценке кандидата, к детальному анализу всех имеющихся факторов и данных, рекрутер может существенно снизить риски в процессе подбора персонала и обеспечить компанию

штатом высококвалифицированных специалистов, приносящих компании результаты и перспективы дальнейшего развития.

Литература

1. *Зелинская М. В.* Системный подход при отборе персонала: основные этапы и критерии // научный журнал КубГАУ. 2015. №108 (04).
2. *Малюгина А. Н., Самохвалов С. М.* Современные тенденции управления персоналом в сфере подбора персонала. М., 2014.
3. *Погодина, А.В., Литвинова Е.Ю., Харченко М.А.* Компетентностный подход к подготовке организационных психологов в контексте реформирования системы высшего профессионального образования // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 1. С. 108-122.
4. Журнал *Директор по персоналу* URL: <https://www.hr-director.ru/>

К вопросу об адаптации персонала

*Ивановская Э.Г.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
pletnevaelvira@yandex.ru*

Упростить момент вступления новых сотрудников в организацию помогает процесс адаптации. Адаптация - это процесс приспособления работника к условиям внешней и внутренней среды, элемент системы управления персоналом организации, и ее результативность в первую очередь оказывает главное влияние на эффективность всей системы управления персоналом в организации [3].

Основная задача адаптации - помочь работнику приспособиться к новой среде, новому коллективу и достичь наибольшей результативности в работе в наиболее короткий срок.

Успешность системы адаптации напрямую зависит от корпоративной культуры учреждения, цель которой организовать социальную взаимосвязь

Полностью разработанная система адаптации персонала необходима и сотрудникам, и организации [1, с.125].

В свою очередь, большое значение система адаптации имеет для новых сотрудников учреждения. Благодаря мероприятиям по адаптации они быстрее вливаются в коллектив, приобретают

необходимые знания и навыки, преодолевают стресс и повышенную тревожность, получают поддержку и обретают уверенность в своих силах и своей важности для общего дела [2, с.129].

Адаптация персонала проходит эффективнее и успешнее лишь тогда, когда работнику подходит его профессия.

Основные цели процесса адаптации новых сотрудников в учреждении:

- достижение за короткий промежуток времени высоких показателей;
- вступление нового работника в трудовой коллектив, в его организационную структуру и осознание себя частью учреждения, в котором он работает;
- снижение текучести кадров и уменьшение затрат на поиски нового персонала;
- удовлетворенность работой, положительное отношение к работе и оправдание ожиданий;
- формирование точного и четкого понимания новым работником своих должностных обязанностей и поставленных перед ним задач;
- улучшение и укрепление навыков и умений выполнения работы;
- повышение сплоченности коллектива.

Программа адаптации и ориентации работника на новом рабочем месте должна быть систематизирована, точно и грамотно спланирована, ее содержание, и роли участников четко расставлены и определены. В случае если учреждение имеет большой штат сотрудников и новых сотрудников большинство, то адаптация должна быть коллективной.

Важно обращать внимание руководителя на личные особенности нового работника, особенности ближайшего окружения, группы и коллектива, в котором предстоит трудиться работнику и проводить анализ факторов окружающей среды. Все это поможет оценить степень адаптации нового работника в учреждении.

Показателями успешной трудовой адаптации являются отсутствие стресса, напряжения, неуверенности, овладение достаточным объемом знаний и навыков, готовность и желание работника совершенствоваться в работе, удовлетворенность самого работника своими успехами, высказывание своей точки зрения, свободно задает вопросы, чувствует себя свободно и открыто, начинает активно взаимодействовать с коллективом, полноценное выполнение обязанностей, участвует в различных проектах, обладает позитивным мышлением, вовлеченность в рабочий процесс, высокая эффективность, нацеленность на результат, работа в команде, отзывчивость, готовность воспринимать изменения.

Упорная и основательная работа в области воздействия на процесс адаптации персонала является одним из существенных и основополагающих условий для дальнейшей результативной профессиональной деятельности.

В период трудовой деятельности стрессовые ситуации могут возникать в результате динамичности событий, многозадачности, необходимости быстрого решения задач, отсутствием согласования между индивидуальными особенностями, ритмом и характером деятельности. Причинами возникновения эмоционального стресса в данных ситуациях, являются недостаток, нечеткость, неточность информации, большое многообразие и однообразие, сложность работы как превышающей потенциал работника по объему, противоречивые или неопределенные требования, критические обстоятельства или риск при принятии решения. В этом случае большое значение имеет наличие стремления к исключению возможности возникновения стрессовых ситуаций в коллективе.

Важными факторами, улучшающими процесс адаптации в коллективе, являются социальная сплоченность коллектива, способность выстроить в нем позитивные доброжелательные межличностные отношения, возможность для всех сотрудников открытого общения и доступа к информации, доверие и дружелюбие, как со стороны непосредственных руководителей, так и со стороны трудового коллектива, в который попал новый сотрудник. Несомненно, что приветливость должна исходить и от самого ответственного работника по адаптации.

Таким образом, проблема адаптации является неотъемлемой, значительной и важной областью исследований, расположенная на границе различных отраслей знания, имеющих в современных условиях всё большее значение. В связи с этим адаптационную идею можно рассматривать как один из перспективных подходов не только как к полному исследованию работника, но и в проблематике управления людьми.

В заключение следует отметить, что успешное решение вопроса внедрения системы адаптации в условиях организации требует глубокой длительной методической и организационной работы. Недостаточно только понимать и осознавать необходимость создания системы адаптации в учреждении, надо провести активное, продуманное планирование, направление и координации в рамках всего учреждения.

Литература

1. *Оноприйчук Б.С., Кислов А.В.* Основные цели и этапы адаптации персонала в организации / Б.С. Оноприйчук, А.В. Кислов // Социальные науки. 2014. № 1. С. 10–15.
2. *Поршнев А.Г.* Управление организацией: учебное пособие. М.: ИНФРА, 2005.
3. *Хаймовская Н.А., Ветер Т.В.* Особенности социально-психологической адаптации педагогов-психологов в образовательных учреждениях // Психологическая наука и образование. 2003. № 3. С. 21–25.

Нематериальные инструменты мотивирования персонала в условиях конкретной организационной культуры предприятия ресторанного бизнеса

*Коробейникова Е.В., Сергеева Е.А.
ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород
Jenny.93@inbox.ru*

В настоящее время Россия находится в попытках выйти из глубокого экономического кризиса. Это отражается на организациях, что особенно касается предприятий малого бизнеса. Как следствие, они находятся в условиях ограниченности финансовых ресурсов. В этой связи принятые инструменты материальной мотивации в полной мере не могут быть реализованы в организациях. Поэтому необходимо воздействовать на персонал с помощью нематериальных инструментов. При этом внедряемые системы мотивирования должны гармонично встраиваться в организационный контекст, основным из показателей которого является организационная культура. Каждый из типов организационной культуры имеет свои ценности, на основе которых возможно подобрать подходящие данной культуре способы мотивирования сотрудников предприятия.

Под организационной культурой (ОК) в данном контексте следует понимать систему ценностей и норм, разделяемых большинством членов организации, обеспечивающие мотивацию и регуляцию ее деятельности, а также являющиеся средством адаптации организации к внешней среде [3]. Под инструментами нематериального мотивирования следует понимать набор нематериальных способов воздействия на сотрудников с целью повышения их эффективности деятельности. От того, какие организационные ценности несет конкретное предприятие, зависит подбор способов нематериального мотивирования сотрудников.

Итак, объектом исследования являются инструменты нематериального мотивирования, предметом – особенности инструментов нематериального мотивирования в зависимости от типа ОК. Целью исследования является повышение эффективности работы организации за счет разработки инструментов нематериального мотивирования персонала в зависимости от особенностей ОК. Методы исследования: методика «OCAI» К. Камерона – Р. Куинна [4], методика «Мониторинг трудовых мотивов» Ф. Герцберга [1], тест оценки мотивации В.И. Герчикова [2], метод корреляционного анализа Спирмена. Для анализа использована концепция мотивации А. Маслоу [5]. База исследования: кафе-бар «Шведский дом».

По результатам анализа установлено, что в исследуемом предприятии преобладает иерархический тип ОК (38,7% от общей суммы всех культур). Далее следует рыночный (23,7%), клановый (22,4%) и адхократический (15,2%) типы. Однако персонал организации желает видеть культуру своей организации по-другому. А именно наиболее предпочитаемым является клановый тип ОК (36,5%). Далее следуют наравне рыночный и иерархический типы (21,5%), на последнем месте - адхократический (20,5%).

Таким образом, в существующей на предприятии ОК наиболее действенными будут инструменты мотивации, связанные с удовлетворением гомеостатических потребностей сотрудников (по А. Маслоу) – поддержание приемлемых условий труда, комфорт. По теории Ф. Герцберга в организации должна присутствовать стабильная оплата труда и предсказуемое развитие бизнеса. Но, по желанию самого персонала, не хватает элементов кланового типа ОК. Как следствие, со стороны руководства необходимо больше акцентировать внимание на нуждах сотрудников, оказывать поддержку и признание.

Выводы: 1) для наиболее эффективного управления персоналом важен комплексный подход в мотивировании сотрудников – использование как материальных, так и нематериальных инструментов; 2) построение системы мотивирования необходимо проводить с учетом особенностей ОК конкретного предприятия; 3) для эффективной работы персонала в условиях ОК с преобладанием иерархического типа следует дать следующие рекомендации: 1) предоставлять комфортные условия и место работы для сотрудников, следить за температурой в помещении, временем работы и отдыха, первичными потребностями персонала; 2) своевременно оплачивать труд персонала, предоставить четкие планы и правила работы, минимизировать неопределенные ситуации; 3) оказывать внимание,

признание со стороны руководства, а также обеспечивать участие сотрудников в принятии управленческих решений.

Литература

1. *Герцберг Ф., Моснер Б., Блох Сидерман Б.* Мотивация к работе / Пер. с англ. Куликов Д.А. М., 2007.
2. *Герчиков В.И. Опарина Н.Н.* Мотивация персонала. М., 2005.
3. *Грошев И.В.* Организационная культура в системе менеджмента современного российского предприятия: Дис. д-ра экон.наук. Тамбов, 2007.
4. *Камерон К., Куинн Р.* Диагностика и измерение организационной культуры. Спб., 2001.
5. *Маслоу А.* Мотивация и личность. СПб., 2008.

К вопросу о готовности к предпринимательской деятельности современного студенчества: региональные исследования

*Погодина А.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
allavan@yandex.ru*

Предпринимательская деятельность в первоначальном своем значении характеризуется не просто как деятельность, связанная с систематическим получением прибыли, а, прежде всего, как инициативная новаторская деятельность, результатом которой является превращение новой идеи или изобретения в успешное нововведение [2]. Предпринимательство является важнейшим свойством рыночной экономики, обеспечивающим динамичный и долгосрочный экономический рост в любой современной стране.

Становление и развитие предпринимательской деятельности в России в условиях современного рынка связано с преобразованием сложившихся экономических отношений и формированием новой социальной группы – предпринимателей – людей, имеющих высокий уровень образования, владеющих новейшими теоретическими знаниями и практическими технологиями в области экономического и социального управления организацией. Со временем в эту социальную группу будут вливаться и выпускники российских вузов. Но насколько готово современное студенчество к предпринимательской деятельности, рассматривают ли современные студенты

предпринимательство как возможную стратегию построения своей профессиональной карьеры?

Для того чтобы получить ответы на эти вопросы, было проведено исследование совместно факультетом психологии СГУ им. Н.Г. Чернышевского (декан Л.Н. Аксеновская) и кафедрой психологии управления МГППУ. Исследование носит пилотажный характер и является первоначальным этапом планируемого исследовательского проекта. Целью исследования был сравнительный анализ самооценки предпринимательского потенциала, лидерских качеств и карьерных ориентаций у студенческой молодежи в различных регионах России. Мы предполагали, что совпадение у студентов высокого уровня самооценки своего предпринимательского потенциала и высокого уровня самооценки выраженности у себя лидерских качеств, а также выбор определенных карьерных ориентаций будет относительно объективным критерием готовности студентов к предпринимательской деятельности.

Исследование проводилось в Москве и Саратове. Участниками исследования стали студенты-бакалавры 3 и 4 курсов различных вузов этих городов и разных специальностей, а именно: студенты гуманитарных (психологи), естественнонаучных (химики) и экономических специальностей. В каждой группе было опрошено по 20 человек. Общее число участников межрегионального пилотажного исследования составило 120 человек.

Исследование проводилось с помощью следующего методического инструментария: для выявления ведущих карьерных ориентаций студентов использовалась методика «Якоря карьеры» (Э. Шейн); для оценки степени выраженности лидерских качеств – методика «Диагностика ордерного типа личности лидера» (Л.Н. Аксеновская); для самооценки предпринимательского потенциала – методика «Определение готовности к предпринимательской деятельности».

В ходе исследования была выявлена сходная структура карьерных ориентаций у московских студентов всех специальностей. Ведущими карьерными ориентациями оказались ориентация «Интеграция стилей жизни», предполагающая доминирующее стремление человека сохранить гармонию между личной и профессиональной жизнью, «Служение», основными ценностями которой являются «работа для людей», «желание сделать мир лучше», и «Автономия», связанная с освобождением от организационных правил и ограничений. У саратовских студентов карьерные ориентации представлены более разнообразно. Кроме указанных выше, у саратовских студентов также встречаются такие карьерные ориентации, как «Менеджмент», «Стабильность». Обращает на себя внимание, что у студентов

гуманитарных специальностей карьерные ориентации имеют более низкий уровень выраженности, чем у студентов других специальностей.

Карьерная ориентация «Предпринимательство», которая проявляется в стремлении человека к созданию новой организации, собственного дела, незначительно выражена практически во всех группах студентов, кроме студентов-экономистов Саратова. Студенты рассматривают предпринимательство как возможную стратегию построения своей профессиональной карьеры, но она не является ведущей в их представлениях о профессиональной карьере.

Готовность к предпринимательской деятельности студентов всех специальностей, как в Москве, так и в Саратове, оказалась на низком уровне или на среднем с тенденцией к низкому уровню.

Диагностика типа личности лидера обнаружила довольно однородную ситуацию во всех группах студентов и выявила общую тенденцию в выраженности различных характеристик лидера: «родительской» позиции, связанной с заботой о людях, «командирской» позиции, предполагающей ориентацию на результаты деятельности, и «пастырской» позиции, связанной со смыслами, пониманием [1]. Практически во всех группах студентов, независимо от региона и специальности, самые низкие показатели получила «командирская» позиция; «родительская» характеристика выражена средними значениями; самая высокая степень выраженности оказалась у «пастырской» позиции. При этом во всех группах, кроме студентов-экономистов Саратова, наблюдается значительное повышение выраженности этой позиции, как наиболее желаемой в будущем поведении. Таким образом, для большинства современных студентов характерен тип личности лидера как идеолога, ориентированного на понимание и установление смыслов, однако степень выраженности лидерских качеств у студентов невысока.

Итак, предварительные результаты межрегионального пилотажного исследования дают основание сделать вывод о том, что предпринимательский потенциал современного студенчества довольно низок.

Литература

1. *Аксеновская Л.Н.* Ордерная диагностика организационной культуры. Саратов: ИЦ «Наука», 2016.
2. *Шумпетер Й.А.* Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982.

Корпоративная культура как фактор мотивации персонала организации

*Сергеева М.М.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
Mash.sergeeva@yandex.ru*

На данном этапе развития общества любая организация является сложным организмом, в основе которого лежит его основной жизненный потенциал – корпоративная культура. Зачастую, корпоративная культура, это не только то, ради чего люди становятся участниками той или иной компании, но также фактор готовности принимать уже устоявшиеся ценности, правила, нормы и принципы организации.

Корпоративная культура – важная составляющая успешного функционирования любой компании, которая оказывает влияние на взаимоотношения между сотрудниками, результаты деятельности коллег, эффективность и качество работы.

Исследованием данной темы занимались такие ученые как М.Х. Мескон, Д.П. Коттер, А.А. Томпсон, А.Дж. Стрикленд, И. Ансофф, Г. Минцберг, Э. Шейн. Они рассматривали такие аспекты данной проблемы, как виды, функции, структура и особенности корпоративной культуры, способы ее формирования и развития, факторы, влияющие на ее тип. Среди российских ученых, можно отметить труды Т.В. Бутовой, О.С. Виханского. Актуальной темой современных исследований, являются разработки в области изучения мотивации персонала. Среди авторов работ, посвященных этой теме Дин Моббс, Аллен Рейсс, Томас Инзель, Мишель Барро, Джефри Лорбербаум, и др.

Гипотеза нашего исследования заключалась в предположении о том, что существует взаимосвязь между типом и особенностями корпоративной культуры и особенностями мотивации персонала организации.

В теоретической части исследования были сформулированы выводы о том, что, формирование структуры личностной мотивации, при помощи корпоративной культуры, строится на трех основных компонентах:

1. Сотрудник осознает свои потребности и достигает их удовлетворения через деятельность в организации с определенным типом корпоративной культуры.

2. Поощрение, или любая другая награда, на которые сотрудник может рассчитывать представляется как вознаграждение за выполнение определенных функциональных обязанностей.

3. Внутри корпоративной культуры выстраивается процесс, который помогает связывать функциональные обязанности и потребности, актуализированные у конкретных сотрудников;

В структуру корпоративной культуры современных организаций, входят следующие компоненты:

- система лидерства и карьерного роста;
- система коммуникации между всеми сотрудниками, поведенческие нормы;
- принятые схемы разрешения конфликтов на внутреннем и внешнем уровнях;
- общая цель компании, по умолчанию поддерживаемая каждым сотрудником;
- обозначенное положение каждого сотрудника в организации;
- разделяемая символика: лозунги, корпоративный стиль в одежде организационные табу.

Согласно современным исследованиям, представляется возможным говорить о видах корпоративной культуры, наиболее характерных для отечественных организаций. Все типы корпоративных культур определенно имеют свои подводные камни и проблемы. Нельзя определить, насколько плоха или хороша определенная корпоративная культура, главное, чтобы она соответствовала целям бизнеса и типу устройства рабочего процесса в компании. Именно несоответствие принятой корпоративной культуры и задач, которые стоят перед организацией, приводят к снижению мотивации персонала и, как следствию, прибыли вплоть до разорения компании.

Формирование корпоративной культуры в организации должно происходить не по принципу выбора типа корпоративной культуры, к которой руководитель испытывает симпатию, и желал бы внедрить на своем предприятии, а в соответствии с установкой и ожиданиями продавцов для их комфортной и плодотворной работы.

Принадлежность к организации с уже сформированной сильной корпоративной культурой является сильным стимулирующим фактором, который повышает стремление действовать во благо компании и увеличивает рост производительности труда. Стоит отметить, что для разных культур мотивы трудовой деятельности будут разными. Это определяется различием в системе ценностей и целей культур.

Формирование и развитие корпоративной культуры на крупных предприятиях РФ становится особенно актуальным. В организациях, где руководство в силу тех или иных обстоятельств не может лично контролировать деятельность всего коллектива, нужны свои четко сформулированные моральные и нравственные устои, необходимые для успешной деятельности предприятия.

Литература

1. *Воробьева Е.В.* Современные психогенетические исследования интеллекта и теория мотивации достижений // Журнал прикладной психологии. 2014. № 3. С. 53-59.
2. *Занковский А.Н.* Организационная психология. Учебное пособие для вузов по специальности «Организационная психология». М., 2002.
3. *Камерон К., Куинн Р.* Диагностика и изменение организационной культуры. Спб., 2001.
4. *Хаймовская Н.А., Бочарова А.Л.* Социально-психологические аспекты профессионального самоопределения в современном обществе // Психологическая наука и образование. 2016. Т. 8 № 1. С. 105-113.

III. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Особенности оценки личностных и профессиональных качеств преподавателей студентами колледжа в процессе педагогического общения

*Акимошкин А.В., Орлов В.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
akimochkinav@26kadr.ru, vladimirorlov@bk.ru*

В современном образовании возрастает роль преподавателя, расширяется диапазон его психологического и педагогического воздействия на учащегося. Преподаватель уже не может быть только проводником знаний и информации, он должен быть педагогом, психологом, психотерапевтом и прежде всего – личностью. От этого во многом зависит успешность его педагогической деятельности [2; 4; 6].

В отечественной педагогике и педагогической психологии понимание важности процесса общения учителя и ученика, специфичности этого процесса привело к введению понятия «педагогическое общение» (А.А. Леонтьев, В.А. Кан-Калик) и целого направления работ, посвященных его исследованию (А.А. Леонтьев, В.А. Кан-Калик, Л.М. Митина, Г.А. Ковалев) [5; 6].

Педагогическое общение рассматривается как частный вид общения людей, имеющий как общие черты этой формы взаимодействия, так и специфические для образовательного процесса [1; 3]. Проблеме эффективности педагогического общения посвятили свои труды В.А. Кан-Калик, С.В. Кондратьева, А.А. Леонтьев, В.Я. Ляудис, Я.Л. Коломинский, И.А. Зимняя, Н.В. Кузьмина, А.А. Реан и др. Эти исследователи рассматривают педагогический процесс как коммуникационный процесс, в который включены как субъекты обучающий и обучающийся. Педагогическая деятельность педагога характеризуется определенным стилем – устойчивой системой способов, приемов, проявляющихся в различных условиях ее осуществления.

Стиль педагогической деятельности, отражая его специфику, включает: стиль управления, стиль саморегуляции, стиль общения, когнитивный стиль педагога. На стиль педагогической деятельности оказывают воздействие три основных фактора: индивидуально-психологические особенности субъекта деятельности (педагога), особенности самой деятельности, особенности обучающихся: возраст, пол, статус, уровень знаний и т.д. (А.И. Зимняя). Стиль общения В.А. Кан-Калик определяет, как индивидуально-педагогические

особенности социально-психологического взаимодействия обучающего и обучающегося.

Целью нашего исследования стало выявление особенностей оценки личностных и профессиональных качеств преподавателей студентами колледжа в процессе педагогического общения. В процессе исследования была проведена диагностика педагогического общения студентов и преподавателей колледжа архитектуры и дизайна по методикам Т.П. Колодяжной, О.А.Казанской и др.

В исследовании участвовало 67 студентов, студенты 1 курса – 11 человек, предвыпускного курса – 42 человека и выпускного курса – 14 человек. Анкетирование проводилось анонимно.

Анализ полученных данных показал, что студенты предвыпускного и выпускного курсов, в основном, дают положительную оценку уровню педагогического общения, в то время как большинство студентов 1 курса дали негативные оценки. Прослеживается динамика удовлетворенности студентов уровнем педагогического общения: от оценки «низкий» (36,3 % на первом курсе) к оценке «безусловно высокий уровень» (57,1 % – у студентов выпускного курса и 50% – у студентов предвыпускного курса).

Полученные результаты, на наш взгляд, можно объяснить тем, что в процессе обучения, по мере развития учебно-профессиональной деятельности и повышения профессионального уровня студентов, их отношение к педагогам все меньше определяется эмоциональной составляющей, и больше – деятельностной мотивацией. Меняются и приоритеты студентов – от поверхностного восприятия личности преподавателя до оценивания его знаний и профессионализма.

Таким образом, для студентов разных курсов, как субъектов педагогического общения, личностный и профессиональный компоненты восприятия преподавателя имеют неодинаковое значение. Первокурсники при оценке педагога обращают внимание в большей степени на его внешние данные и эмоциональную сторону общения, а старшекурсники отдают приоритет профессионально-личностным, деятельностным качествам преподавателя.

На основании проведенного исследования нами были разработаны психолого-педагогические рекомендации, направленные на повышение эффективности педагогического общения преподавателей и студентов педагогического колледжа. В основе рекомендаций, на которые могут ориентироваться как студенты (будущие педагоги), так и преподаватели, лежит гибкий подход к общению со студентами разных курсов.

Так, в процессе работы с первокурсниками, педагогу рекомендуется использовать в большей мере активный

эмоциональный стиль общения:

- бодрое, уверенное, энергичное появление в аудитории;
- ярко выраженная готовность к общению, энергичное проявление коммуникативной инициативы;
- создание на занятии необходимого эмоционального настроения;
- яркая, образная, эмоционально насыщенная речь;
- энергичная, педагогически целесообразная мимика;
- насыщенность жестов;
- выразительная, адекватная жестикуляции, пластическая образность, эмоциональная настроенность на деятельность, стремление передать это состояние студентам.

В процессе педагогического общения со старшекурсниками более эффективными можно считать:

- ориентацию на профессионально-смысловое содержание учебного материала;
- использование демократического и паритетно-личностного стиля педагогического общения;
- использование в большей степени активных форм и методов обучения (проблемный, интерактивный метод).

Литература

1. *Вердербер Р., Вердербер К.* Психология общения. СПб.; М.: Прайм-ЕВРОЗНАК; ОЛМА-ПРЕСС, 2013.
2. *Демидова И.Ф.* Педагогическая психология. Ростов н/Д.: Феникс, 2013.
3. *Коломинский Я.Л.* Психология общения. М.: Знание, 2014.
4. *Леонтьев А.А.* Педагогическое общение. М.: Знание, 2014.
5. *Ломов Б.Ф.* Психические процессы и общение // Методологические проблемы социальной психологии. М.: Наука, 2012. С. 151-164.
6. Социальная психология образования : учебное пособие / ред. О.Б. Крушельницкая, М.Е. Сачкова, Л.Б. Шнейдер. М.: Вузовский учебник: Инфра-М, 2015.

Исследование социально-психологических особенностей профессиональных предпочтений у старшеклассников

*Артамонов Р.Ю.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
zunm.artamonov@mail.ru*

Одной из важнейших функций современного образования является профессиональная адаптация подрастающего поколения. Нарушения

процесса профессиональной адаптации в процессе учебы в образовательной организации ведет к ослаблению интереса к будущей профессии у школьников, формированию искаженных представлений о содержании и условиях их будущей трудовой деятельности, снижению трудовой и учебной мотивации, ухудшению общего социального самочувствия учащихся.

По определению Н.С. Пряжникова, профессиональное самоопределение – это «осознанное, самостоятельное и добровольное построение, реализация и корректировка профессиональных перспектив, предполагающие выбор профессии, получение профессионального образования и совершенствование себя в данной профессиональной деятельности» [4, с.52].

Психологические источники указывают, что в основе осознанного выбора старшеклассниками будущей профессии лежит правильное и своевременное выявление и развитие их профессиональных интересов. Профессиональный интерес как феномен исследовали Н. Ф. Булгакова, А. Е. Голомшток, Н.К. Елаев, А. В. Мордовская, А.Д. Сазонов, А.П. Сейтешев, Н.К. Степаненков и др.

Так, ряд исследователей определяет профессиональный интерес как направленность личности на определённый вид деятельности. Согласно другой точке зрения, профессиональный интерес – отношение личности к определённой профессии [2, с231].

Процесс формирования интереса к профессии у старшеклассника характеризуется большей интенсивностью по сравнению с предыдущими годами обучения в школе [6, с.107]. Как правило, это вызвано уровнем сформированности самооценки и самосознания старшеклассника, усиливающимся интересом к собственному «Я», а также перспективой выбора профессии.

Кроме того, еще одним из необходимых условий личностного подхода к выбору профессии является самооценка старшеклассника.

В профессиональном самоопределении личности самооценка – оценка, которую человек дает самому себе, своим возможностям, соответствующим или несоответствующим специфике профессии. Исследования показывают, что старшеклассники стремятся выбрать тот вид деятельности, который соответствовал бы их пониманию собственных возможностей [4].

От уровня самооценки зависит успешность выбора профессии: при переоценке уровня притязаний выбранная профессия, в конце концов, разочаровывает; заниженная самооценка также негативно сказывается на выборе профессии и на развитии личности.

Таким образом, формирование самооценки, ее полноты и адекватности является одной из задач профессиональной ориентации.

Коме того, по данным исследований, проведенных российскими учеными Е.А. Климовым [3], Н.С. Пряжниковым [5], факторами, влияющими на формирование профессионального самоопределения, является система общечеловеческих ценностей, социально-экономические условия, влияние семьи, друзей, учителей, возрастные и половые особенности личности, самоактуализация и уровень притязаний, престижность профессии, степень информированности о профессии, профессиональные интересы, склонности, способности. Те из них, которые являются структурными элементами такого понятия, как мотивация, получили название мотивы выбора профессии.

По мнению Ж.М. Жумалиевой [1], мотивация – это потребность, что побуждает личность действовать с определенной целью. Потребность является внутренним аспектом мотивации.

Таким образом, личностное самоопределение как психологическое явление возникает на границе старшего подросткового и раннего юношеского возраста; потребность в личностном самоопределении представляет собой потребность в формировании системы, в которой сконцентрированы представления молодого человека как о себе (Я-концепция), так и об окружающую действительность; личностное самоопределение лежит в основе процесса самоопределения в старшем подростковом и юношеском возрасте и определяет развитие всех других видов самоопределения, в том числе и профессионального.

Литература

1. *Залевский Г.В., Козлова Н.В.* Мотивационные особенности личностно-профессионального становления студентов //Сибирский психологический журнал. 2008. №. 27.
2. *Ильин Е.П.* Дифференциальная психология профессиональной деятельности / Е.П. Ильин. СПб.: Питер, 2008.
3. *Ильин Е. П.* Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2013.
4. Психология человека от рождения до смерти / под. общ. ред. А.А. Реана. СПб.: Прайм-Еврознак, 2015.
5. *Резапкина Г.В.* Секреты выбора профессии, или путеводитель выпускника. М., 2007.
6. *Стрельникова Ю.Ю.* Мотивационная сфера личности сотрудников профессий экстремального профиля деятельности //Вестник Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России (научный электронный журнал)[URL: <http://www.vestnik.igps.ru>]. 2013. №. 4.

7. *Хаймовская Н.А., Бочарова А.Л.* Социально-психологические аспекты профессионального самоопределения в современном обществе [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2016. Том 8. № 1. С. 105–113. doi: 10.17759/psyedu.2016080110

Особенности межличностных отношений в студенческой группе

*Бабанин П.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
pbabanin@mail.ru*

Студенческий возраст представляет особый период в жизни человека, прежде всего в силу того, что по общему смыслу и по основным закономерностям возраст от 18 до 25 лет составляет, скорее, начальное звено в цепи зрелых возрастов, чем заключительное в цепи периодов детского развития. Заслуга самой постановки проблемы студенчества как особой социально-психологической и возрастной категории принадлежит психологической школе Б.Г.Ананьева [1]. Студенчество включает людей целенаправленно, систематически овладевающих знаниями и профессиональными умениями, занятых, как предполагается, усердным учебным трудом. Как социальная группа, оно характеризуется профессиональной направленностью, сформированностью устойчивого отношения к будущей профессии, которые суть следствие правильности профессионального выбора, адекватности и полноты представления студента о выбранной профессии.

В студенческой группе происходят динамичные процессы структурирования, формирования и изменения межличностных, эмоциональных и деловых взаимоотношений, распределения групповых ролей и выдвижения лидеров и т. п. Все эти групповые процессы оказывают сильное влияние на личность студента, на успешность его учебной деятельности и профессионального становления, на его поведение.

Студент является активным, самостоятельно организующим свою деятельность субъектом педагогического взаимодействия. Ему присуща специфическая направленность познавательной и коммуникативной активности на решение конкретных профессионально-ориентированных задач.

В студенческом возрасте особенно возрастает потребность в общении с людьми и в их признании. Эффективное решение проблем самосознания, самоопределения, самоутверждения невозможно вне общения с окружающими людьми и без взаимопонимания [3]. Для студенческого возраста свойственны отзывчивость, стремление к максимальному проявлению себя, романтизм, повышенная динамичность социального состояния в то же время недостаток жизненного опыта, поверхностное восприятие явлений, склонность к эффектным фразам, доверчивость. Для студентов характерно усиленное развитие потребности в общении и контактах с другими людьми, обусловленное активным взаимодействием студентов с другими социальными общностями и спецификой обучения и воспитания в вузе [4]. В общении студенты познают не только других, но и себя, овладевают опытом социальной жизни. Потребность в общении способствует установлению многообразных связей, развитию товарищества, дружбы, стимулирует обмен знаниями и опытом, мнениями, настроениями и переживаниями.

Межличностные отношения людей – это субъективные связи, возникающие в результате их фактического взаимодействия и сопровождаемые различными эмоциональными и другими переживаниями индивидов, в них участвующих. Они формируются не только в процессе прямого взаимодействия и совместной деятельности людей, влияя на их ход и результаты, но и через личностное отношение к труду, другим индивидам, самому себе.

Межличностные отношения реализуются через проявление оценочных суждений, эмоциональных переживаний и конкретного поведения. Оценочный компонент предполагает определение человеком того, что ему нравится или не нравится во взаимодействии с другими людьми. Эмоциональные переживания порождают определенный настрой психики партнеров по взаимоотношениям. А их поведение отражает или определяет дальнейшие перспективы продолжения или прекращения сотрудничества [2].

Через межличностные отношения и общение индивид опосредованно включается в систему общественных отношений. Взаимоотношения складываются и протекают в условиях взаимодействия большого числа людей. Отбор партнеров для общения и выполнения какой либо деятельности – сложный процесс и зависит как от общей атмосферы в группах взаимодействующих людей, так и от психологических особенностей их самих.

Динамичные процессы структурирования, формирования и изменения межличностных отношений оказывают сильное действие на личность студента, на успешность его учебной деятельности и

профессионального становления, на его поведение. Благоприятное положение студента в окружающей среде содействует нормальному развитию его личности.

Литература

1. *Ананьев Б.Г.* О проблемах современного человекознания. СПб.: Питер, 2001
2. *Бабанин П.А.* Социально-психологическая специфика отношений авторитетности в учебных группах современных вузовских студентов // Социальная психология и общество. 2015. Том 6. № 1. С. 14–44.
3. *Мудрик А.В.* Современный старшеклассник // Хрестоматия по возрастной психологии. Учебное пособие для студентов / Сост. Л.М. Семенюк. Под. ред. Д.И. Фельдштейна. М.: Международная педагогическая академия, 1994.
4. *Поварницына Л.А.* К исследованию трудностей общения у студентов // Проблемы формирования ценностных ориентаций и социальной активности личности: межвузовский сборник научных трудов. – М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1996. С. 130-139.

Влияние СМИ на ценностные ориентации подростков

*Бахарев А.В., Крушельницкая О.Б.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
vsarabota.tut@yandex.ru, social2003@mail.ru*

Подростку для оптимальной социализации в обществе и личностного становления необходима развитая просоциальная система ценностных ориентаций. Как правило, критерием истины для подростка служит индивидуальная картина мира, построенная в соответствии с мнением окружающих его людей. Если субъективно воспринимаемая картина мира не соответствует реальности, то даже в этом случае она не лишается своей изначальной функции ориентира. Ценности являются главенствующим фактором, регулирующим и детерминирующим мотивацию личности. Отталкиваясь от той или иной ценностной ориентации, подросток планирует свою обозримую и отдаленную временные перспективы [1; 4; 5].

Современное общество и процессы, происходящие в нем, во многом изменили традиционную для нашей страны систему

ценностей. Многие авторы отмечают тенденцию, согласно которой средствами массовой информации навязываются материальные и гедонистические ценности личности [2; 3; 6].

Учитывая высокую актуальность и недостаточную разработанность данной проблемы в психологии, с целью выявления психологических особенностей влияния СМИ на ценностные ориентации подростков, мы предприняли собственное исследование. Его методологическую основу составили работы отечественных и зарубежных авторов (М.Б. Батюта, Л.И. Божович, А.С. Буреломова, Т.В. Драгунова, Д.В. Колесов, Н. Луман, Т.Ю. Маринова, Т.С. Петченко, А.М. Прихожан, Н.Н. Толстых и др.).

В частности, Т.С. Петченко отмечает, что средства массовой информации представляют собой особую среду, в которой происходит формирование ценностных ориентации молодых людей, а также СМИ играют в становлении личности молодого человека одну из главных ролей [3]. Имеются различные мнения исследователей об особенностях этой роли: одни авторы описывают лишь негативные стороны влияния СМИ, другие полагают, что, помимо отрицательных, есть и положительные результаты.

Рассматривая сущность изменений, которые вызваны влияниями новых коммуникативных технологий, необходимо отметить труды таких исследователей, как Б. Бекер, М. Вайнштейн, А. Крокер, У. Ньюман, М. Паэтау, Э. Тоффлер и др. В основе процесса развития ценностно-нормативных механизмов поведения людей, по мнению данных исследователей, находятся интересы, потребности, ценности общества. Они, по мнению Т. Парсонса, являются «посредниками интеракции людей и социальных групп», при этом СМИ выполняют роль трансляторов культуры. Для современного информационного общества во многом характерно познание реального мира через переживание медиа-образов, в соответствии с которыми конструируется определенный культурный эталон, которому человек должен соответствовать [6; 7].

Наиболее значимыми ценностями современных подростков большинство авторов считают материальный успех, дружбу и знания (в том числе – связанные с выбором профессии). Основными видами ценностей, которые тиражируются посредством СМИ, с точки зрения Д. Пьяных, являются искусство, мода, коммуникация, образование, материальное благосостояние и доверие [4]. Эти ценности распространяются с помощью СМИ современного медиaprостранства (социальные сети, новостные сайты и т.д.), причем их пользователями являются в основном подростки и молодежь. Интересно, что у лиц, для которых уровень доверия к СМИ выше, ценности дружбы и

профессионализма практически также важны, как и материальные. Вместе с тем, у тех участников исследования, которые меньше доверяют СМИ, значение дружбы как ценности снижено.

По результатам теоретического анализа особенностей влияния СМИ на ценностные ориентации подростков, можно сделать следующие выводы.

1. Наибольшее влияние на ценности и взгляды подростка оказывает семья, затем следуют СМИ, на третьем месте находятся школа и другие институты социализации.

2. Современная информационно-развлекательная индустрия навязывает аудитории СМИ ценности, противоречащие отечественным духовно-нравственным традициям.

3. Деструктивная информация, транслируемая СМИ, способна воздействовать на поведение и ценностные ориентации подростков, в связи с возрастными особенностями последних (открытость внешним влияниям, сниженный уровень критичности, поиск возможностей для самоутверждения в межличностных отношениях и т.д.).

4. Для современного информационного общества во многом характерно познание реального мира посредством переживания определённых медиа-образов.

5. Значимую роль в динамике социокультурных ценностей играет доверие общества к СМИ.

6. В процессе влияния масс-медиа, в частности Интернета, растет количество общающихся людей, однако само общение как ценность во многом приобретает статус необходимости.

Таким образом, проведенный нами теоретический анализ проблемы влияния СМИ на ценностные ориентации развивающейся личности показал необходимость дальнейшего эмпирического исследования особенностей воздействия современных средств массовой информации на подростков, с учетом их возрастных и социально-психологических особенностей.

Литература

1. Крушельницкая О.Б. Подросток в системе референтных отношений. М.: НОУ ВПО МПСИ, 2008.
2. Крушельницкая О.Б., Орлов В.А., Сачкова М.Е. Социальная психология образования как отрасль научного знания // Электронный журнал «Психологическая наука и образование» PSYEDU.ru. 2013. №2. С. 1–14. http://www.psyedu.ru/files/articles/psyedu_ru_2013_2_3300.pdf

3. *Петченко Т.С.* Роль средств массовой информации в формировании ценностных ориентаций современной российской молодежи: дисс... канд. социол. наук. Ставрополь, 2007.
4. Социальная психология развития: учебник для бакалавриата и магистратуры /под ред. Н.Н. Толстых. М.: Юрайт, 2016.
5. *Толстых Н.Н., Прихожан А.М.* Психология подросткового возраста. М.: Юрайт, 2016.
6. *Маринова Т.Ю.* К вопросу о влиянии интернета на психическое здоровье современной молодежи // В сб. Личность и группа в образовательном пространстве. Сборник научных трудов. М.: МГППУ, 2011. С. 91-96.
7. *Маринова Т.Ю.* О восприятии телевизионной рекламы детьми и их родителями // Социальная психология и общество. 2013. Т. 4. №1. С. 155-161.

О некоторых возможностях дополнительного образования как средства социальной адаптации первоклассников

*Ботова С.А., Федорова Е.П.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
botova_svetlana@mail.ru*

Вопросы школьной готовности, а также адаптации первоклассников к новым условиям систематического обучения в коллективе сверстников освещались в трудах многочисленных отечественных и зарубежных исследователей, однако подробного анализа влияния занятий по программам дополнительного образования на процесс адаптации младших школьников к условиям образовательного учреждения ранее не проводилось.

Адаптация человека имеет два аспекта: биологический и психологический. Психологический аспект адаптации (частично перекрывается понятием адаптации социальной) – приспособление человека как личности к существованию в обществе в соответствии с требованиями этого общества и с собственными потребностями, мотивами и интересами.

Именно в детстве, в школьные годы закладывается фундамент личности, интенсивно формируются базовые социальные установки, основы мировоззрения, привычки, развиваются познавательные способности, складываются многообразные отношения с окружающим миром.

Как пишет В.В. Давыдов, младший школьный возраст – это особый период жизни, в который ребенок впервые начинает заниматься социально значимой, общественно оцениваемой учебной деятельностью [2].

В этом возрасте происходит кардинальное изменение в системе социальных отношений и деятельности ребенка. Ведущей в этом возрасте становится учебная деятельность, которая постепенно оттесняет игровую на второй план, не заменяя, однако, ее полностью [1].

Несоответствие функциональных возможностей детей требованиям, предъявляемым существующей системой обучения является основной проблемой, возникающей в процессе адаптации первоклассника к школе. Школьная дезадаптация зачастую приводит к снижению учебной мотивации, деформации межличностных отношений, развитию невротических состояний, формированию девиантных форм поведения. Ухудшение нервно-психического состояния детей с трудностями в адаптации наиболее выражено в первом полугодии первого класса.

Самооценка младшего школьника в большинстве случаев довольно сильно зависит от его успехов или неудач в школе, поэтому задачи школы в процессе адаптации учащихся состоят: в создании благоприятных условий для самореализации личности ученика, которая выводит ребенка на более высокий потенциально возможный уровень развития, приспособливая (адаптируя) его к своим требованиям; в создании модели саморазвивающейся социально-педагогической системы, обеспечивающей уровневую, профильную и общекультурную дифференциацию образования. (Н.П. Капустин) [3].

В этой связи рассмотрим недостаточно изученный и интуитивно используемый аспект дополнительного образования как эффективного инструмента ускорения и качественного улучшения процесса адаптации младших школьников, в первую очередь первоклассников, к условиям образовательного учреждения.

В век компьютерных технологий, виртуальной реальности и мощного информационного давления именно занятия дополнительным образованием в силу своих особенностей – личностно-ориентированного подхода; создания у любого ребенка, вне зависимости от исходного уровня подготовки, «ситуации успеха»; освоения материала программ в индивидуальном темпе и объеме; добровольного выбора вида деятельности, способствующих наиболее полному раскрытию творческого и психофизического потенциала ребенка, – позволяют развивать у детей способность к самостоятельному мышлению и творчеству, создавать у них

практическую базу знаний, умений, навыков и воспитанных в процессе их освоения черт характера, способствующих как адаптации детей младшего школьного возраста к занятиям в школе, так и психически устойчивому гармоничному развитию их личности в целом.

Использование адаптационных возможностей системы дополнительного образования детей, систематизированное структурное взаимодействие общего и дополнительного образования, объединяющее социально-педагогические усилия учителей, педагогов дополнительного образования, школьных психологов и социальных педагогов по созданию педагогических и социально-психологических условий, позволяющих ребёнку успешно функционировать и развиваться в школьной среде, способно обеспечить существенное повышение качества и результативности образовательного процесса в целом, необходимость чего диктуется темпами развития современного общества.

Литература

1. *Выготский Л.С.* Проблема возрастной периодизации детского развития // Вопросы психологии, 1972. № 2. С. 114–123 (1934).
2. *Давыдов В.В.* Проблемы развивающего обучения: опыт теоретического и экспериментального психологического исследования / В.В. Давыдов – М: Педагогика, 1986.
3. *Семенка С.И.* Социально-психологическая адаптация ребенка в обществе. М.: АРКТИ, 2012.

Особенности психологических защит у детей с сенсорными нарушениями

Браславский А.Д., Крушельницкая О.Б.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
aleksej-braslavskij@yandex.ru, social2003@mail.ru

Адаптация детей к условиям обучения рассматривается в социальной психологии как одна из важнейших для обеспечения как успешности ребёнка и его психофизиологического благополучия. Сегодня в образовательную практику вошло понятие «инклюзив», что ставит проблему школьной дезадаптации детей с ОВЗ как препятствия для интеграции в пространство обучения.

В современных исследованиях социально-психологической адаптации детей приобрело особую значимость значение защитных механизмов личности и формирования копинг-стратегий.

Цель исследования – выявление особенностей использования психологических защит и копинг-стратегий при решении задач социально-психологической адаптации к условиям обучения детей с бисенсорным дефектом и их здоровых сверстников. Исследование было призвано проверить гипотезы:

1) У детей с бисенсорным дефектом конструктивные механизмы психологической защиты встречаются намного реже, чем у здоровых детей.

2) Спектр элементов копинг-стратегий, используемых детьми с бисенсорным дефектом, значительно уже, чем у зрячеслышащих сверстников.

Участниками исследования стали первоклассники московской школы № 201 и воспитанники Сергиев-Посадского центра реабилитации на первом году школьного этапа обучения.

Е.В. Новикова предлагает следующую классификацию причин школьной дезадаптации.

1. Недостаточное овладение компонентами предметной стороной учебной деятельности в силу недостаточного интеллектуального и психомоторного развития.

2. Недостаточная произвольность поведения в силу неправильного воспитания в семье (гипоопека или доминирующая гиперпротекция).

3. Невозможность приспособления к темпу школьной жизни в силу соматической ослабленности, слабого или инертного типов нервной системы, нарушений органов чувств.

4. Дезинтеграции норм семейной общности и школьного окружения [5].

Р. Плутчик выделил 4 проблемы адаптации, которые могут быть решены с помощью механизмов психологической защиты: иерархия, территориальность, идентичность и временность, которые соответствуют 4 группам базисных потребностей онтогенеза (в безопасности, в свободе, в успехе, в признании) [1].

Личность в состоянии использовать не только бессознательные механизмы психологической защиты, но и предпринимать осознанные усилия – копинг-поведение. Копинг-механизмы позволяют преодолеть конфликтную ситуацию без искажения действительности и обеспечить адаптацию без отказа от реальности.

Исследователями выделено следующие 5 основных типов отношения родителей к ребенку с сенсорным дефектом [6].

1. Принятие ребенка и его дефекта.

2. Игнорирование факта наличия дефекта.
3. Гиперпротекция, гиперопека, жалость.
4. Скрытое отречение при внешних попытках выглядеть «хорошими родителями».
5. Открытое отвержение.

Как указывает Н.В. Терентьева, общение детей с сенсорными нарушениями в большей мере осложнено не восприятием вербальных и невербальных составляющих устной речи, а осознанием отрицательных оценок партнёров [7].

Для исследования особенностей защитных механизмов был применён опросник Р. Плутчика «Индекс жизненного стиля» [1], а также разработанная Н.В. Терентьевой [7] методика «Нарисуй и напиши». У зрячеслышащих детей различные конструктивные механизмы защиты применяются с частотой в диапазоне от 25% до 46%, у totally глухих детей с остаточным зрением – в диапазоне от 0% до 23%, у totally слепых детей с остаточным слухом – в диапазоне от 0% до 19%.

Для выявления формирования копинг-стратегий использован опросник «Копинг-стратегии для детей школьного возраста» [2]. Totally глухие дети с остаточным зрением не используют в среднем 26% рассматриваемых копинг-стратегий. Totally слепые дети с остаточным слухом не используют 38% копинг-стратегий. Здоровые дети не используют 10% копинг-стратегий.

По итогам анализа результатов исследования были сделаны следующие выводы:

1. Неконструктивные механизмы психологической защиты преобладают над конструктивными как у детей с бисенсорным дефектом, так и у зрячеслышащих. В то же время у здоровых детей выявлено намного более частое, чем у слепоглухих, использование конструктивных механизмов психологической защиты.

2. Дети с бисенсорным дефектом, при адаптации к условиям обучения, значительно реже зрячеслышащих сверстников используют элементы копинг-стратегий.

Таким образом, гипотеза исследования подтверждена.

Литература

1. *Вассерман Л.И., Ерышев О.Ф., Клубова Н.Б. и др.* Психологическая диагностика индекса жизненного стиля. СПб., 1998.
2. *Грановская Р.М., Никольская И.М.* Защита личности: психологические механизмы. - СПб., 1998.

3. *Корнилова И.Г.* Личностное своеобразие и его роль в процессе социализации подростков с патологией зрения. // Дефектология. 2001. № 2. С. 3-12.
4. *Мазурова Н.В.* Влияние внутрисемейных отношений на формирование личности глухого школьника: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1997.
5. *Новикова Е.В.* Диагностика и коррекция школьной дезадаптации у младших школьников и младших подростков // Проблемы психодиагностики, обучения и развития школьников. М., 1985. С.42-56.
6. *Пожар Л.* Психология аномальных детей и подростков - патопсихология. М.: Воронеж, МОДЭК, 1996.
7. *Терентьева Н.П.* Особенности психологической защиты у слабослышащих и слабовидящих подростков: Дис. канд. психол. наук. М., 2004.

К вопросу об особенностях статусной позиции и мотивации подростков

*Варенова О.А., Расходчикова М.Н.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
ovar1810@gmail.com, rashodchikovamn@mgppu.ru*

Среднее профессиональное образование (СПО) – это неотъемлемая часть Российской системы образования. Цель современного среднего профессионального образования - повышение эффективности и качества образования, выпуск специалистов высокого уровня профессиональной подготовки. Современному обществу необходимы специалисты, которые не просто владеют знаниями и навыками, но и умеют творчески, нестандартно подходить к решению поставленных задач, брать на себя ответственность, проявлять инициативу и работать в команде [1].

Всего этого можно достигнуть только при достаточно высоком уровне профессиональной и учебной мотивации обучающегося, так как именно мотивация является главной движущей силой в поведении и деятельности человека, а также в процессе формирования будущего профессионала [4].

Проблемами развития учебной мотивации занимались многие исследователи (О.Н. Арестова, Р.Р. Бибрих, Л.К. Божович, И.А.Васильев, А.К.Маркова, и др.), также проводились исследования, изучающие социально-психологические особенности

жизнедеятельности учащихся, но все это чаще затрагивало учебную деятельность студентов высших учебных заведений или школьников, а вот особенности обучающихся в системе СПО исследовались недостаточно.

В настоящее время очень часто в систему СПО приходят подростки с низким уровнем подготовки, с низкой мотивацией учения, часто сделавшие выбор профессии неосознанно или под влиянием родителей [2]. Кроме того, возраст, в каком приходят учиться подростки (15-16 лет), отличается сложностью и неоднозначностью. В этот период подросток стремится самоутвердиться среди сверстников, уйти из-под контроля взрослых, проявить свою значимость [3]. Все это также будет влиять на процесс обучения.

В своей работе мы изучили особенности статусной позиции и учебной мотивации подростков в системе СПО. В исследовании приняли участие обучающиеся колледжа города Москвы, возраст которых 15-16 лет, количество участников 130 человек. Цель исследования: выявить особенности взаимосвязи статусной позиции и учебной мотивации подростков. Объект исследования: статусная позиция и учебная мотивация подростков в условиях колледжа. Предмет исследования: взаимосвязь статусной позиции и учебной мотивации подростков в условиях колледжа. Гипотеза исследования: существует взаимосвязь между статусной позицией подростка в группе и учебной мотивацией. Для проверки выдвинутой гипотезы были использованы следующие методики: социометрия, референтометрия, диагностика учебной мотивации (А.А. Реан и В.А. Якунин, модификация Н.Ц. Бадмаевой) для определения учебной мотивации каждого члена ученической группы.

Исследования взаимосвязи между статусной позиции и мотивацией, которые проводились среди студентов высших учебных заведений и среди учеников средней школы, показали, что обучающиеся с благоприятным статусом имеют высокую учебную мотивацию, а обучающиеся с неблагоприятным статусом - низкую мотивацию, т.е прослеживается взаимосвязь.

Проведенные нами исследования не выявили явной связи между статусной позицией и учебной мотивацией обучающихся колледжа, т.е. что среди обучающихся с благоприятным статусом проявляется и высокая и низкая мотивация, тоже наблюдается и среди обучающихся с неблагоприятным статусом. Следует отметить, что среди обучающихся с благоприятным статусом чаще проявляется достаточно высокая мотивация. Полученные результаты можно объяснить особенностью возраста и контингента обучающихся,

приходящих в систему СПО. Сам возраст подростков говорит о том, что они настроены больше на общение, чем на получение образования и специальности.

Литература

1. *Жестокова Ю.Е.* Методические указания по мотивации студентов. Ярославль, 2014.
2. *Максимова М.В.* Моделирование формирования социокультурной среды в системе среднего профессионального образования как средства создания учебной мотивации обучающихся// Ученые записки Орловского государственного университета. Вып. №2(75), 2017. С. 265-269.
3. *Расходчикова М.Н.* Взаимосвязь этапов вхождения в ученическую группу и статусной позиции старшеклассников и студентов: Автор...канд. психол. наук – М., 2009. 24 с.
4. *Судуткина И.А.* Мотивация учебной деятельности студентов СПО. Саранск, 2015.

Позитивная социализация обучающихся с помощью проектной деятельности

*Горячева Н.В.
ГБОУ Школа № 1602, г.Москва
Natagor1177@yandex.ru*

Главная задача современной образовательной организации – повышение успешности каждого обучающегося путем раскрытия способностей, воспитания нравственной и патриотичной личности, готовой к жизни в высокотехнологичном, конкурентном мире, умеющей самостоятельно ставить цели и добиваться их, умело реагировать на разные жизненные ситуации.

Развивающая образовательная среда – это творческая среда, включающая совокупность влияний, условий и возможностей становления индивидуальности обучающихся, содержащихся в социальном, предметно-пространственном, технологическом и информационном компонентах среды [1].

ГБОУ Школа № 1602 г. реализует развивающую среду в следующих направлениях: здоровьесберегающая, познавательная, проектная, информационная, технологическая, обучающая. В данное

время наиболее перспективной является реализация развивающей среды с помощью проектной деятельности, которая обеспечивает саморазвитие свободной и активной индивидуальности.

Требования к результатам, структуре и условиям освоения основной образовательной программы основного общего образования учитывают возрастные и индивидуальные особенности обучающихся на ступени основного общего образования, включая как образовательные потребности обучающихся, так и развитие коммуникативной сферы, умения конструктивно общаться, т.е. позитивную социализацию.

Из вышесказанного следует, что обучающиеся, имеющие проблемы коммуникации и поведения, неохотно идут на контакт с педагогами для решения своих проблем, не умеют общаться по данному вопросу, чувствуют себя неуспешными, теряют стимул и мотивацию к учению. Оказать действенную помощь большинству обучающихся можно, вовлекая их в проектную деятельность.

Спектр проблем, для решения которых можно использовать метод проекта, чрезвычайно широк. Участие обучающихся в проектной деятельности способствует повышению мотивации к учению и достижению значимого личностного результата. Наиболее эффективно в проектной деятельности происходят изменения у обучающихся разных возрастов в коммуникационной и эмоционально-волевой сфере. Активно используя в своей работе проектную деятельность, педагоги замечают некоторое уменьшение проблем в познавательной сфере [2].

Проектная деятельность – совместный труд обучающегося и учителя, имеющий определённые цели, совместное выполнение определённых действий и операций.

Такая совместная деятельность может рассматриваться как содействие.

Педагог при разработке проекта учитывает необходимость совместной деятельности, как с обучающимися, так и с родителями. При решении сложных задач можно рассмотреть проблему более глубоко и расширить возможный круг воздействий на личность обучающегося, участвующего в проекте. Замечено, что, составляя вместе с обучающимися план реализации проекта, привлекая их к обсуждению последовательности выполнения проекта, у обучающихся меняется мотивация, стимулируется интерес к результатам, что повышает уровень активности коммуникационной и познавательной деятельности.

При работе по оптимизации и проектированию развивающей образовательной среды необходимо уделять её социальному и коммуникационному компоненту особое внимание.

Во время выполнения этапов проекта, работая с текстами, выбирая из множества информации необходимую, грамотно составляя фразы, формулируя гипотезу и необходимые выводы, наконец, подготавливая выступление для защиты проекта и самостоятельно выступая, обучающиеся имеют редкую возможность применить все многообразие форм коммуникации, как невербальные, так и вербальные.

Итогом подготовки проектной работы является защита проекта – публичное выступление. Практика показывает, что именно этот этап особенно сложен для обучающихся, так как им нужно не только грамотно подготовить выступление, но и уметь ориентироваться во время защиты, выступать с опорой на презентацию или стенд с материалами, мотивированно отвечать на вопросы жюри, иногда отстаивать свое мнение. В повседневной жизни вышеописанные умения формируются недостаточно. Поэтому именно в проектной деятельности обучающийся может максимально развить свою коммуникационную сферу.

Современное общество ориентировано на успешных людей. Успешные люди должны общаться грамотно, быть красноречивыми, иметь навыки правильного спора и уметь находить аргументы для оппонентов.

В своём выступлении на всемирном фестивале молодёжи и студентов в Сочи В.В. Путин затронул очень важные темы: умение находить и применять знания, коммуницировать с другими людьми и следовать духовно-нравственным принципам [3].

«Сейчас в мире, как вы знаете, идёт напряжённая борьба за интеллектуальные ресурсы. И для нас очень важно не потерять ни одного талантливого ребёнка. Работа по их выявлению и сопровождению по жизни, во всяком случае, в той её части, которая касается получения образования и профессиональных навыков, должна быть приоритетной», – подчеркнул президент России [4].

Решающим фактором в обеспечении эффективного функционирования социального компонента развивающей образовательной среды может стать повышение качества профессиональной подготовки педагогов в сфере практической психологии, в первую очередь, – психологии педагогического общения.

Нельзя не отметить лидирующую роль педагога в осуществлении проектной деятельности. Педагог должен увлечь обучающихся, найти

для них интересную и важную тему, подсказать, на какие этапы нужно разделить всю работу над проектом, кто из обучающихся будет наиболее эффективен в реализации данных этапов. Проводить такую работу нужно в сотрудничестве с обучающимися, коллегиально, выслушивая мнение каждого и мягко поправляя и направляя, когда педагог видит в этом необходимость. Во время работы над проектом допустимы ошибки, споры, высказывание неожиданных мнений. Важно, чтобы ошибки были проработаны, в спорах действительно рождалась истина и итоговый результат (практический продукт) был результатом деятельности всех участников работы над проектом.

Продукт проекта (макет, плакат, буклет) очень важен, он представляет итог большой и часто трудной работы. Обучающиеся могут подержать его в руках, ощутить его практическую значимость. По опыту могу сказать, что буклеты с рекомендациями по важным для них темам («Психология успеха», «Развитие мотивации к успеху», «Экзамены на 100 баллов без стресса», «Успех на кончиках пальцев», «Профорентация младших подростков») в электронном варианте обучающиеся размещали в соцсетях, демонстрируя тем самым их значимость, а также дарили своим любимым педагогам и размещали в библиотеках для открытого доступа.

Замечено, что после работы над проектом и его защитой перед жюри конкурса, обучающиеся становятся более вежливыми, толерантными, смелыми, умеют грамотно и красиво доносить свои мысли, аргументированно спорить с оппонентами, доказывая свою точку зрения, правильно отвечать на вопросы. Прислушиваются к мнению других людей. Умение грамотно общаться помогает им в дальнейшей жизни и помогает добиться личностного успеха.

Литература

1. *Карабанова О.А., Алиева Э.Ф., Радионова О.Р., Рабинович П.Д., Марич Е.М.* Организация развивающей предметно-пространственной среды в соответствии с федеральным государственным образовательным стандартом дошкольного образования. Методические рекомендации для педагогических работников дошкольных образовательных организаций и родителей обучающихся дошкольного возраста /О.А. Карабанова, Э.Ф. Алиева, О.Р. Радионова, П.Д. Рабинович, Е.М. Марич. М.: Федеральный институт развития образования, 2014.
2. *Ступницкая М.А.* Что такое учебный проект? М.: Первое сентября, 2010.

3. <https://www.youtube.com/watch?v=jE5vaqngzk4> Опубликовано: 14 нояб. 2017 г. Обращение 04.05.2018 в 12:30.
4. <https://profiok.com/about/news/detail.php?ID=3288#ixzz5EWyCCULK> Обращение 03.05.2018 в 19:50.

Динамика самооценки младших школьников

*Даниленко О.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
olgapositive@yandex.ru*

Самооценка традиционно относится к самым центральным личностным характеристикам, как в отечественной, так и в зарубежной психологии. Б.Г. Ананьев рассматривает самооценку как важнейшее личностное образование, ее центральный компонент, который непосредственно влияет на поведение человека [1]. В западной психологии самооценка рассматривается часто в русле Я-концепции, включающее в себя не только знание о себе, но и отношение к этому знанию [3]. При этом самооценка всеми исследователями признается важнейшим регулятором активности человека, формируясь, самооценка влияет на дальнейшее развитие личности. Очень интересны для понимания влияния самооценки школьников на успешность школьной деятельности мысли Л. И. Божович [2]. В своей статье «Проблемы формирования личности» она делает вывод, что специфика формирования самооценки заключается в том, что индивид оценивает успешность своих действий и проявлений через призму своей идентичности. Это значит, что человек прилагает большие усилия и получает от хорошего выполнения большее удовлетворение в том деле, которое он сам выбрал и считает для себя важным в нем достичь успеха [4].

Особенно важным является изучение становления самооценки ребенка в начале школьного обучения, период активного становления идентичности, так как именно на этот момент приходится наиболее интенсивное формирование самооценки и закладывается основа отношения к учебной деятельности в целом. В самом начале школьной жизни ребенок делает вывод о том, чем для него лично является учебная деятельность, что она может дать именно ему, может ли он в ней преуспеть. В зависимости от того, как конкретный ребенок решает этот вопрос, он либо становится активным участником учебного процесса, прилагает внутренние усилия, чтобы

преодолеть встречающиеся трудности, либо занимает пассивную позицию, отказывается от активности.

После поступления в школу формирование самооценки происходит особенно интенсивно, так как ребенок сталкивается с постоянным оценочным процессом, в котором всегда присутствует сравнение с другими сверстниками. В этот период к оценкам приковано и внимание родителей, которые также начинают активно сравнивать своего ребенка с одноклассниками или детьми своих знакомых.

В рамках мониторинга образовательных достижений и личностных результатов обучения в младшей школе обучению два раза в год (в конце сентября и конце апреля) Центр ОКО проводилось динамическое обследование учащихся в разных регионах РФ, начиная с первого класса, позволяющее оценить уровень сформированности познавательных процессов и психофизиологических функций, особенности личностной зрелости и социального функционирования ребенка, степень его эмоционального благополучия, особенности поддержки ребенка семьей и т.п. В ходе проекта самооценка измерялась с помощью методики Дембо-Рубинштейн (модификация А.М. Прихожан). Данная методика позволяет увидеть, как ребёнок воспринимает самого себя.

Результаты наблюдения показали, что с первого по четвертый классы включительно количество учащихся с высокой самооценкой последовательно сократилось с 44% в первом классе до 24% в четвертом. Количество учащихся с низкой самооценкой выросло с 30% в первом классе до 37 в четвертом.

Анализ результатов по отдельным шкалам показывает, что среди анализируемых показателей выделяется группа характеристик, которые сильно задействованы в учебном процессе и которые постоянно оценивает учитель на уроках. Распределения самооценки учащихся по этим показателям имеют схожую структуру. К ним относятся: «Аккуратность», «Дисциплинированность», «Ум», «Хороший ученик». Для всех этих качеств характерно наличие большего количества низких и средних самооценок.

Показатели, которые не так «нагружены» в учебном процессе, например, «Доброта» и «Веселость» имеют также схожие распределения, довольно мало низких и средних значений в самооценке.

Для выявления структурных связей характеристик самооценки младших школьников было проведено многомерное шкалирование полученных данных, которое показало, что характеристики самооценки как бы «Собраны» по группам. В одну группу попали

«Ум», «Аккуратность», «Дисциплинированность», «Хороший ученик» (правая часть рисунка). В эту же группу попало такое качество как «Доброта».

В другую группу попали такие качества как «Счастливый» и «Веселый», а также «Активный».

Отдельно стоят такие качества как «Здоровый», «Довольный собой», «Имеющий много друзей»

Эти данные требуют дальнейшего анализа, однако уже сейчас можно сделать вывод о часто негативном влиянии оценивания учащихся учителями по качествам, которые активно используются в учебном процессе.

На основе представленных данных можно сделать вывод, что в процессе обучения в начальной школе самооценка младших школьников постепенно снижается, что является тревожным фактом. Низкая самооценка может мешать успешной адаптации учащихся к школьному обучению и значительно понизить познавательную активность учащихся. Негативные показатели по шкалам, прямо или косвенно связанным с учебной деятельностью (умный, хороший ученик и т.д.) не только являются следствием учебных проблем, но и оказывают существенное влияние на дальнейшие успехи в учебе, ребенок постепенно все больше стремится избегать активности в учебной деятельности. Если в начале школьного обучения самооценка ребенка только формировалась, то в третьем классе она становится более осознанной и устойчивой.

Низкие показатели по отдельным шкалам: «здоровье», «аккуратность», «дисциплинированность», «доброта», «ум», «счастье», «активность», «хороший ученик», «веселый», «умелый», «много друзей», «довольный собой», демонстрируют индивидуальные точки уязвимости ребенка – сферы, в которых он чувствует себя неуспешным. Низкие показатели по многим шкалам – признак более выраженного неблагополучия, чем на предыдущем этапе - ребенок чувствует себя неудачником, он многократно убедился в этом. Это делает его уязвимым и может проявляться в снижении или неустойчивости настроения, раздражительности, ожидании дальнейших неудач, снижении активности в учебной деятельности: чтобы не допустить ошибки, лучше вообще ничего не делать.

Причиной могут быть завышенные ожидания родителей, перфекционизм, при котором только безупречно выполненное задание имеет право на похвалу, а также «выученная беспомощность» - ребенок не понимает истинной причины неудач и считает, что учитель к нему придирается, он не нравится учителю, и с этим ничего не

поделаешь. Если не работать с этой проблемой, учебный потенциал ребенка может остаться полностью нереализованным.

На уровне класса может анализ самооценки учащихся может характеризовать стиль педагогического взаимодействия: если у многих детей снижена самооценка, то, возможно, в работе с классом преобладает критика, указание на ошибки, не отмечаются успехи и личные достижения.

Положительная динамика самооценки указывает на успешное развитие и адаптацию ребенка. Снижение самооценки и сохранение низкого значения по многим пунктам указывает на то, что негативное представление о себе не ситуационно, а становится чертой личности, ребенок воспринимает себя как неудачника и это определяет его выбор дальнейшей стратегии поведения.

Обычно повышение самооценки означает повышении веры в себя и делает ребенка более успешным, более эффективным. Завышенная самооценка часто дает ребенку необходимый ситуативный ресурс: если очень верить в себя, прибавляется сил, можно сделать больше. С другой стороны, завышенная самооценка может вызвать смех окружающих: "Ну что ты из себя мнишь!" и может привести к неудаче.

Полученные данные позволяют сделать вывод о возможном влиянии учителя и учебного процесса на самооценку учащихся по качествам, которые проявляются в учебном процессе и оцениваются учителями.

В исследовании было также проведено сравнение распределения учащихся по уровням самооценки по результатам тестирования, а также по мнению учителей и родителей, которые одновременно с обследованием детей заполняли соответствующие анкеты.

Анализ этих данных показывает, что самые значимые в данный момент для ребенка взрослые, родители и учителя, очень плохо понимают его состояние и уровень его самооценки. Особую тревогу вызывает то, что взрослые не замечают заниженной самооценки ребенка, так как он остается один на один со своими проблемами, а взрослые продолжают взаимодействие именно в том стиле, который и сформировал проблему. Это может стать фактором, провоцирующим неадаптивное поведение подростка.

Сам ребенок в большинстве случаев не может сам улучшить свою самооценку, для этого ему необходима помощь взрослых, прежде всего родителей и педагогов, а также психолога. Проблема формирования самооценки должна быть включена в курсы повышения учительского мастерства, в систему работы с родителями.

Литература

1. *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания // Избранные психологические труды. В 2 томах. Т. 1. М., 1998.
2. *Божович Л.И.* «Проблемы формирования личности» // Журнал практического психолога. 2008. № 5. С. 44–65.
3. *Галкина Т.В.* Самооценка как процесс решения задач: системный подход.–М.: Инт психологии РАН, 2011.
4. *Савинова Е.Ю.* Исследование уровня самооценки младших школьников [Текст] // Педагогическое мастерство: материалы Междунар. науч. конф. (г. Москва, апрель 2012 г.). М.: Буки-Веди, 2012. С. 178-180. URL <https://moluch.ru/conf/ped/archive/22/2069/> (дата обращения: 08.05.2018).

К вопросу о социально-психологической адаптации пятиклассников

*Желябина М.В., Кадушкина Е.М.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
anne13@list.ru, kati070487@mail.ru*

Адаптация учеников и переход школьников из начальной школы в основную является наиболее важным и в тоже время одновременно сложным периодом. Так как именно в этот момент происходит изменение предметного обучения, учебный материал усложняется, происходит смена учителей, меняется состав класса, меняются аудитории, в которых проходят занятия, выдвигаются более высокие требования к учебной деятельности школьников, происходит рост числа педагогов. Все это способствует снижению работоспособность, повышает тревожность у школьников и вызывает состояние фрустрации [2]. Если раньше ребенок был самым старшим в младшей школе, то теперь он самый младший в средней школе. С этим не всегда просто мириться [3].

Психологическая адаптация пятых классов происходит постепенно и у каждого ребенка это разный период. Появляются новые люди в коллективе, меняется распорядок учебного процесса. Все это вызывает дискомфорт и выводит из состояния равновесия. У ребенка возникают чувство тревожности, незащищенности, он насторожен. За

счет новых дисциплин формируется теоретическое мышление, отношение к себе самому, появляются собственные взгляды и мнение на социальное окружение [1].

В современной школе проблеме адаптации все чаще стали уделять внимание. Вопрос адаптации чаще всего ассоциируют с обучением первоклассника, чуть реже этот вопрос касается пятиклассников и еще реже уделяют внимание адаптации в старших классах.

Наше исследование проводилось в ноябре 2017 года в одной из Московских школ. В исследование участвовали 89 учащихся пятых классов. Были использованы следующие методики: «Оценка уровня тревожности с помощью теста школьной тревожности Филлипса»; «Изучение направленности на приобретение знаний». Цель исследования – изучение особенностей адаптации пятиклассников. Объект исследования – социально-психологическая адаптация. Предмет исследования – особенности социально-психологической адаптации учеников пятых классов. В исследовании была сформулирована гипотеза: процесс социально-психологической адаптации у пятиклассников зависит от уровня тревожности, мотивации к познавательной деятельности и социометрического статуса в ученической группе.

Результаты школьной тревожности по методике Филипса показали, что почти у 50% учеников повышенный уровень тревожности переживания социального стресса. В свою очередь это означает, что эмоциональное состояние этих детей является очень напряженным, они испытывают сильный стресс при общении, подвержены стрессам в обществе. Фрустрация, потребность в достижении успеха составляет 36%, данный факт говорит о благополучном психологическом фоне в классах, который позволяет ребенку нормально развиваться, достигать высоких результатов, развивать свой успех, познавать новое. Высоким, около 70% преобладает в классе страх самовыражения. Эти цифры в большей степени показывают, что большинство детей испытывают негативные эмоции и страх при предъявлении себя другим, при раскрытии своих возможностей. В классах преобладает страх не соответствовать ожиданиям окружающих. Мнение окружающих очень важно для детей, так как оно складывается из оценки результатов, мыслей и поступков. Этот факт, скорее всего, свидетельствует о том, что желание социального одобрения присутствует у данных групп детей, но оно не является ведущим мотивом. Общая тревожность в школе высокая, составляет 61%. Такие показатели свидетельствуют о том, что эти дети склонны переживать тревожность разной степени интенсивности, находясь в школе: в процессе обучения, проверки и оценки знаний, а также, в процессе

общения и взаимодействия с учителями и сверстниками. По результатам изучения направленности на приобретение знаний можно сделать выводы об уровне мотивации в классах: более 67% пятиклассников мотивированны на получение знаний. Они с большим удовольствием посещают школу, выполняют домашние задания.

Наша гипотеза подтвердилась: высокий уровень тревожности и низкий уровень мотивации негативно влияет на социально-психологическую адаптацию учащихся к школе.

Литература

1. *Божович Л.И.* Личность и ее формирование в детском возрасте. М.: Просвещение, 2008.
2. *Каменская В.Г.* Адаптация к школе и учебной деятельности // *Детская психология с элементами психофизиологии: Учеб.пособие.* М.: ФОРУМ, 2005. С. 229-233.
3. *Хухлаева О.В.* Психология подростка. М.: «Академия», 2005.

Интернет-зависимость в студенческой среде

*Забегина К.В., Маринова Т.Ю.
ФБГОУ ВО МГППУ, Москва*

Трудно представить себе современное общество отдельно от Всемирной паутины. Сегодня, когда современный человек проводит у экранов монитора, планшета, смартфона и прочих гаджетов большую часть своего личного и рабочего времени, существует очень тонкая грань между приемлемым для психологического здоровья использованием интернета и интернет-зависимостью [1; 2; 4; 5]. Именно поэтому, говоря о симптомах интернет-аддикции, нельзя не упомянуть и о признаках нормального применения интернета в жизненном пространстве индивида. Здоровые пользователи всемирной паутины разумно тратят ограниченное количество время на достижение своих целей при работе в интернет-пространстве, при этом не испытывая психологического и когнитивного дискомфорта. Данные индивиды также спокойно разграничивают живое общение и общение on-line. Интернет для них является полезным средством для достижения своих профессиональных и личных целей. Интернет-зависимые люди, наоборот, в приоритет для себя ставят общение в киберпространстве, в котором легко найти собеседника, отвечающего любым требованиям и потребностям.

Студенческий возраст представляет собой особый период жизни человека, который является сензитивным для развития основных социогенных потенций человека [7]. Высшее образование оказывает огромное влияние на психику человека, развитие его личности. Общение в Интернете имеет свои специфические черты и особенности у студентов. В большинстве случаев его используют источник информации и способ приобретения навыков и знаний, он является помощником в учебе, местом для знакомств [6].

Одним из признаков зависимости является количество времени, проведенное в сети. Данный показатель должен соотноситься с особенностями работы учащегося. У студента, системного администратора или работника on-line компании, «сервера», оно должно выражаться не только количественно, по времени проведенному в Интернете, но и качественно, по целям и задачам, которые решаются с его помощью.

Как любой другой вид нехимической зависимости, Интернет-аддикция характеризуется тремя главными симптомами:

1. Увеличение времени, проведенного в сети.
2. Изменение формы поведения, когда Интернет начинает подменять формы реальной жизни.
3. Наличие синдрома отмены, выражающегося в ухудшении эмоционального самочувствия вне Интернета.

В настоящее время Россия входит в пятерку стран по количеству пользователей Всемирной паутины. Основную массу посетителей сети составляет молодежь в возрасте 17-25 лет, и в силу особенностей развития данной возрастной группы населения больше всего велик риск развития интернет-аддикции [2; 3; 4].

Нами было проведено исследование, которое позволило выявить наличие склонности молодежи к развитию интернет-аддикции. Исследование проходило на базе социальной сети ВКонтакте. В исследовании приняли участие студенты в возрасте от 17 до 25 лет. В результате исследования было выявлено, что средний стаж пользования интернет ресурсами среди респондентов более 5 лет.

Для диагностики интернет-зависимости и выявления особенностей личности респондентов был использован тест на Интернет-зависимость С.А.Кулакова. Данный тест позволяет только диагностировать факт наличия Интернет-зависимости, поэтому задавались дополнительные вопросы о предпочтениях в сети. В частности, было предложено выстроить список посещаемых видов Интернет-ресурсов по убывающим предпочтениям. При этом список составлялся по взаимному согласованию исследователя и

респондентов. В результате респонденты были подразделены на четыре группы, которые характеризуются следующим образом:

1. Пристрастие к виртуальным знакомствам, участие в различных виртуальных сообществах. Всего этот вид зависимости отмечен у 40 % человек.

2. Постоянные покупки или участия в аукционах - диагностировано только у 10 % человек.

3. Навязчивый web-серфинг - поиск информации по базам данных и поисковым сайтам. Этот вид зависимости обнаружен у 20 %.

4. Игра в онлайн-игры. Данный вид зависимости является доминирующим у 30 %.

Следует указать, что могут сочетаться разные формы, например такие, как web-серфинг и пристрастие к виртуальным знакомствам. Кроме того, интернет-зависимые студенты пользуются сетью для получения социальной поддержки (за счет принадлежности к определенной социальной группе: участия в чате или телеконференции); возможности творения виртуального героя (создания нового «Я»), что вызывает определенную реакцию окружающих, получения признания окружающих. Под социальной поддержкой имеется в виду не просто эмоциональная поддержка, а ощущение принадлежности к определенной группе людей, установление полезных контактов. Социальная поддержка в данном случае осуществляется через включение человека в некоторую социальную группу (чат, MUD, или телеконференцию) в Интернете. Как любое общество, культура киберпространства обладает своим собственным набором ценностей, стандартов, языка, символов, к которому приспосабливаются отдельные пользователи, в том числе и студенты.

Литература

1. *Зарецкая О.В., Кочетков Н.В., Маринова Т.Ю.* Интернет-зависимость как патология социального взаимодействия // В сб. Социальная психология в образовательном пространстве. Научные материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 2017. С. 120-122.
2. *Маринова Т.Ю., Зарецкая О.В.* Социально-психологические аспекты зависимости от компьютерных ролевых онлайн игр // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. №3. С. 109–119.
3. *Маринова Т.Ю.* К вопросу о влиянии интернета на психическое здоровье современной молодежи // В сб.

- Личность и группа в образовательном пространстве. Сборник научных трудов. Московский городской психолого-педагогический университет. М., 2011. С. 91-96.
4. *Маринова Т.Ю.* К вопросу об Интернет-зависимости у школьников // «Социальная психология малых групп» - материалы 2-ой Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессора А.В. Петровского, М., МГППУ, 2011, с. 493-497.
 5. *Маринова Т.Ю.* О восприятии телевизионной рекламы детьми и их родителями // Социальная психология и общество. 2013. Т. 4. №1. С. 155-161.
 6. *Феоктистова С.В., Рожкова Г.И., Маринова Т.Ю.* Диагностика функционального развития. Программа спецкурса. М., 1999.
 7. *Феоктистова С.В., Васильева Н.Н., Маринова Т.Ю.* Психология. М.: Академия, 2009.

Взаимосвязь уровня субъективного отчуждения и субъектной позиции разностатусных учащихся

*Иванова Ю.Э.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
formgppu@gmail.com*

Образовательный процесс включает в себя множество факторов, влияющих на его протекание и организацию. В исследованиях, проводимых еще в 1945 г., было продемонстрировано, что знания, получаемые в школе, по-разному усваиваются в зависимости от того, как сам ребенок относится к процессу учения, то есть, иными словами, от степени выраженности его субъектной позиции. Наличие интересов и стремление овладеть основами наук, желание познавать действительность с помощью приобретенных знаний, ощущение собственной ответственности за процесс обучения – все это становится основой для того, чтобы знания, полученные в школе, стали убеждениями ребенка и фундаментом формирования его мировоззрения. Наоборот, если школьник учится по внешнему принуждению и не понимает смысла его учебной деятельности, его знания будут носить крайне формальный и поверхностный характер. [1].

Нельзя не упомянуть в этой связи явление отчуждения от учебы. Б. Барнхардт и П. Джиннс [2] предложили теорию, согласно которой

отчуждение от учебы выражается в переживаниях бессилия, ощущении бессмысленности учебной деятельности, несоответствия учебы интересам школьника. Причинами могут послужить чрезмерная нагрузка, отсутствие поддержки со стороны преподавателей и структурированной системы требований, а также невозможность активации творческой деятельности. Все это выливается в снижение интереса и в поверхностный подход к учебе. Именно столь глубокое и значительное влияние вышеуказанных факторов обусловило актуальность нашего исследования: мы решили посмотреть взаимосвязь данных переменных между собой через призму проблематики интрагруппового статуса.

Целью нашей работы было выявление взаимосвязей уровня субъективного отчуждения и субъективной позиции у разностатусных учащихся общеобразовательной школы.

В качестве методической базы для определения статуса в группе были выбраны социометрия, референтометрия, методический прием определения неформальной интрагрупповой структуры власти в контактном сообществе; для диагностики отчуждения от учебы была использована шкала «Отчуждение от учебы» из опросника субъективного отчуждения учащихся (СОТЧ-У); также нами использовался опросник «Субъектная позиция» для определения выраженности субъектной позиции учащихся. Выборка составила 83 человека: 53 юноши и 30 девушек из двух среднеобразовательных московских школ.

Нами было выявлено, что средний балл по методике отчуждения от учебы возрастает соответственно от низкостатусных к среднестатусным и высокостатусным членам группы и представляет собой ряд 41,6-43,5-44,8 баллов соответственно.

Также возрастает и выраженность субъектной позиции: 4,1-4,2-5,0 балла в каждой статусной группе, а негативная позиция, наоборот, уменьшается: 2,6-1,3-0,9 балла. С ростом интрагруппового статуса уменьшается и выраженность объектной позиции: 3,6-2,9-2,6 баллов (низкостатусные, среднестатусные, высокостатусные).

Таким образом, можно увидеть, что у высокостатусных самые высокие баллы по субъектной позиции и самые низкие по негативной и объектной позиции школьника. Это говорит о том, что учеба важна для этих респондентов и с большей долей вероятности мотивируется внутренними факторами, а не внешними. Это подтверждается и тем, что среди высокостатусных школьников процент детей с субъектной позицией составляет максимальное значение: 72,7%, а с негативной и объектной – наименьшее: 9,1% в обоих случаях, тогда как среди

низкостатусных детей с объектной позицией столько же, сколько с субъектной (по 36,4%).

Артефактом является высокий балл по отчуждению в этой статусной группе. Для того, чтобы объяснить эти данные, требуется дополнительное исследование, однако можно предположить, что это происходит из-за чрезмерного вовлечения в учебный процесс и больших нагрузок, связанных не с содержательной стороной учебы, а с формальностями, таких, как подготовка к ЕГЭ.

Также полученные нами результаты показали, что по всей выборке, во всех статусных категориях существует обратная связь между выраженностью субъектной позиции и отчуждения от учебы ($r=-0,44$, $p\leq 0,01$) и прямая связь между отчуждением и негативной позицией ($r=0,53$, $p\leq 0,01$)

Опираясь на проведенное исследование можно посоветовать классным руководителям и школьному психологу уделить особое внимание феномену отчуждения, в частности среди высокостатусных членов группы, а также формированию субъектной позиции учащихся.

Литература

1. *Божович Л.И.* Проблемы формирования личности. М., 2001
2. *Barnhardt B., Ginns P.* An alienation-based framework for student experience in higher education: new interpretations of past observations in student learning theory // Higher Education. 2014. Vol. 68 (6).

Социальные представления об инклюзивном образовании

*Козлинская М.В., Хухлаев О.Е.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
marina_stvr@mail.ru*

Инклюзивное образование, которое интенсивно входит в практику современной школы, ставит перед ней много новых задач и сложных вопросов [5]. Как любое новое явление, инклюзивное образование вызывает противоречивые дискуссии как среди педагогов, так и в обществе в целом. С социально-психологической точки зрения наибольший интерес представляют вопросы о том, как эти перемены понимаются участниками самого образовательного процесса. В данной работе представлен обзор исследования социальных

представлений об инклюзивном образовании среди родителей учащихся общеобразовательных школ. Интерес к данной выборке определяется прежде всего тем, что они напрямую не заинтересованы в введении инклюзивного подхода в учебных заведениях своих, однако являются важными участниками образовательного процесса.

Принципы инклюзии определяют новую парадигму образовательных отношений, «... идея включения требует от всех участников не только «включить», но и «включиться» в процесс взаимодействия с другими, научиться быть открытыми для общения, видеть необходимость в изменении самих себя, уметь принять особенности и отличия других людей» [1]. Это предполагает социальную модель отношения, в соответствии с которой человек не обязан быть «готовым» к обучению в любом образовательном учреждении. Новый взгляд не только на образование, но и на место человека в обществе в большей степени отражает термин «включение» – инклюзия» [2].

В России процесс перехода к совместному обучению детей с разными особенностями развития начался всего несколько лет назад, он имеет правовую основу, однако далеко не все вопросы еще не решены. Сторонники данного перехода считают, что при совместном воспитании и образовании детей без каких-либо отклонений и «особенных» детей, последние со временем перестанут ощущать себя нездоровыми. Однако находятся и противники введения инклюзивного образования. Прежде всего, это родители здоровых детей: они полагают, что это негативно скажется на качестве образовательного процесса, их «нормальные» дети только пострадают, так как повышенное внимание воспитателей и учителей будет приковано именно к слабому, больному, ребенку [3; 4].

Авторами данного обзора было проведено исследование среди родителей школьников общеобразовательных школ Москвы. В качестве основного метода было выбрано анкетирование. Для выявления представлений об инклюзивном образовании была использована методика свободных ассоциаций П. Вержеса. Согласно данному методу, полученные в процессе анкетирования понятия были подвергнуты вначале прототипическому, а затем категориальному анализу, ориентируясь на два основных параметра: 1) частота появления того или иного понятия в ответах респондентов и 2) ранг появления понятия.

В исследовании принимали участие 107 человек, из них 68% были знакомы с понятием «инклюзивное образование», 15% только слышали это словосочетание, а 17% встретились с этим понятием впервые в ходе опроса. Всем участникам опроса было предложено

представить три последовательных ассоциации на фразу-стимул: «Дети с особенностями развития – одноклассники моего ребенка». Статистическому анализу были подвергнуты понятия, отмеченные не менее 5% респондентов.

По результатам обработки данных, в ядро социальных представлений попали такие понятия, как «нормально», «сложно» и «особенные». Само сочетание таких понятий в ядре говорит о том, что среди респондентов нет единых понятий о предложенной фразе-стимуле. Область II (часто употребляемые, но не важные по рангу) представлена двумя понятиями: «помощь» и «толерантность». Большинство ассоциаций попали в область III (редко употребляемые, но важные по рангу), среди них интересно отметить следующие понятия: «обычные» и «помогает моему ребенку». В то же время, такие ассоциации, как «проблема», «сочувствие», «терпение» редко употребляются и ставятся на низшие ранги, т.е. не имеют такого большого значения в целом, однако отражаются вызывают беспокойство у респондентов. В области IV, на периферии социальных представлений, выявлены два понятия: «поддержка» и «школа не готова».

Делая выводы из проведенного исследования, можно признать, что полученные результаты указывают на амбивалентность и несформированность социальных представлений в области совместного обучения здоровых детей и детей с особенностями развития. С нашей точки зрения, это связано с тем, что в России инклюзивный подход к образованию находится в стадии формирования, это отражается и в социальных представлениях. Тем не менее, наличие в периферийной структуре представления таких понятий, как «толерантность», «терпимость», «принятие», «хорошо» и др. говорит о потенциальных изменениях в социальных представлениях в будущем.

Литература

1. *Алехина С.В.* Принципы инклюзии в современном образовании. // «Аутизм и нарушения развития», №40 (1), 2013.
2. *Алехина С.В.* Инклюзивное образование в России // «Образование, благополучие и развивающаяся экономика России, Бразилии и Южной Африки».
3. *Волосовец Т.В.* «Инклюзивное образование: методология, практика и технология». Доклад, представленный на Международной научно-практической конференции, Москва, июнь 2011.

4. *Золотарева Л.И.* Состояние и перспективы развития инклюзивного образования в России и за рубежом [Электронный ресурс] //URL: <http://ext.spb.ru/site/7583-2015-04-12-09-50-02.pdf>
5. *Леонгард Э.И., Краснова Н.А., Пирожник Н.Т., Прудникова М.С.* Инклюзивное образование в различных условиях интеграции // Инклюзивное образование. Вып 1. М.: Центр «Школьная книга», 2010.

Взаимосвязь особенностей профессионального самоопределения и социальной мотивации подростков

*Косинец М.А., Хаймовская Н.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва*

Одной из задач современной системы образования является повышение мотивации учащихся и помощь в профессиональном самоопределении.

Ежегодно из общеобразовательных школ выпускаются сотни тысяч выпускников. Кто-то решает завершить среднее образование в 9 классе, кто-то в 11 классе. Большинство выпускников стремится продолжить свое обучение в высших учебных заведениях. Самым главным вопросом для выпускника становится вопрос профессионального самоопределения. Старшеклассники стараются учесть множество факторов: престижность профессии, возможность последующего трудоустройства, рекомендации родителей, друзей. Зачастую юноши и девушки сталкиваются с противоречиями между выбором, предлагаемым извне, и своими личными предпочтениями, одним из факторов влияющих на этот выбор является социальная мотивация. Желая получить одобрение извне школьники выбирают для себя профессии, в которых не видят возможности для дальнейшей самореализации.

В старшем школьном возрасте происходит становление личностного самоопределения. Старшеклассники начинают задумываться о мотивах собственной деятельности, смысле жизни, о своем месте в этом мире, строить планы на будущее.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что в подростковом возрасте остро стоит проблема выбора профессии и анализ факторов, влияющих на профессиональный выбор современных подростков, может сформировать представление об

оптимальном формате деятельности, направленной на профориентацию.

Объектом нашего исследования стало профессиональное самоопределение подростков.

Предметом - взаимосвязь социальной мотивации и профессионального самоопределения подростков.

В исследовании было выдвинуто 2 гипотезы:

1. профессиональное самоопределение подростков связано с социальной мотивацией;

2. подростки с высоким показателем социальной мотивации менее готовы к профессиональному выбору, чем подростки с низкой социальной мотивацией.

В проведенном исследовании приняли участие 100 школьников 13-17-лет. На протяжении недели участники посещали проект, направленный на профпросвещение.

До начала и после завершения проекта с участниками был проведен комплекс методик: «Мотивы выбора профессии» (Р.В. Овчаровой), «Мотивация учебной деятельности: уровни и типы» (И.С. Домбровская), «Методика изучения статусов профессиональной идентичности» (А.А. Азбель, А.Г. Грецов).

Результаты исследования показали, что до проведения работы на профессиональное самоопределение у опитантов преобладала социальная мотивация, при этом по методике «Изучения статусов профессиональной идентичности» большинство не имело четко выбранной профессии и находилось на стадиях: интерпретации (неопределенного состояния профессиональной идентичности) - 56%; навязанной профессиональной идентичности - 22%; мораторий (кризис выбора) - 13%, сформированная - 9%.

После проведения работы на профессиональное самоопределение показатели социальной мотивации снизились, а стадии профессиональной идентичности сместились на: интерпретация - 19%, навязанной профессиональной идентичности - 12 %, мораторий - 4%, сформированная - 75%.

Полученные результаты нашего исследования позволяют подтвердить выдвинутые гипотезы

Литература

1. *Божович Л. И.* Проблемы формирования личности: Избр. психол. тр. / Под ред. Д.И. Фельдштейна ; Рос. акад. образования, Моск. психол.-соц. ин-т. - 3-е изд. - М. : МПСИ ; Воронеж : МОДЭК, 2001.

2. *Маркова А.К.* Формирование мотивации учения в школьном возрасте: Пособие для учителя. — М.: Просвещение, 1983.
3. *Суццова Я.С.* Диагностика профессионального самоопределения: учеб.-метод. пособие— Ижевск: Издательство «Удмуртский университет», 2009.
4. *Хаймовская Н.А., Любарова Ю.М.* Социально-психологические проблемы работы психолога в образовательном учреждении // В сборнике: Личность и группа в образовательном пространстве. М.: МГППУ, 2007. С. 22-24.

Тип семейного воспитания и представления школьников о своей будущей семье

*Кутыга С.М., Орлов В.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
svetlanakutyga@gmail.com, vladimirorlov@bk.ru*

Во время существенных перемен в экономической, политической и идеологической сферах общества не может не произойти и серьёзное изменение семьи как социального института. К основным тенденциям можно отнести переход от расширенных к нуклеарным семьям, снижение количества зарегистрированных браков и повышение – так называемых гражданских, рост процента распавшихся семей, снижение ценности семьи и детей [2]. Появляется все больше исследований, посвящённых изучению различных аспектов семейной жизни. Такой интерес связан с той ролью, которую играет семья в процессе формирования и развития личности, а, следовательно, настоящего и будущего общества в целом.

Особый интерес для исследования вызывает отношение к семье детей школьного возраста, которые наиболее восприимчивы к переменам, происходящим в социуме [4]. Этот период в жизни каждого человека характеризуется активным становлением личности, возникновением и развитием значимых психологических новообразований, задействованных во всех проявлениях когнитивного и эмоционального отношения к миру, в оценке реальной действительности и окружающих людей, в прогнозировании своей социальной активности, в планировании будущего и самореализации, в формировании собственных представлений о своей будущей семье [5].

Как известно, от стабильности и сплочённости семьи зависит будущее любой страны и улучшение ее демографического положения [1]. Семья является важнейшим из феноменов, сопровождающим человека в течение всей его жизни. Значимость её влияния на личность, её сложность, многогранность и проблематичность обуславливают большое разнообразие подходов к ее изучению.

Целью нашего исследования было выявить взаимосвязь типа семейного воспитания и представлений школьников разного возраста о своей будущей семье. С. Московичи показал, что социальное представление – это сеть понятий, утверждений и объяснений, рождающихся в повседневной жизни в ходе межличностной коммуникации [3]. Мы предположили, что между представлениями школьников разного возраста о своей будущей семье и типом семейного воспитания существует связь. Выборка составляла 141 человек (62 семьи): учащиеся младшего (27%), среднего (42%) и старшего (31%) школьного возраста.

Для решения исследовательских задач использовался следующий инструментарий:

- проективная методика «Семейная социограмма» Э.Г. Эйдемиллера (сравнение представления о составе и структуре родительской семьи и своей будущей семье);
- методика «Стратегии семейного воспитания» Н.М. Рухленко (определение стиля семейного воспитания);
- опросник Д. Олсона (FASES–3) (определение сплочённости и гибкости внутрисемейных отношений);
- методика «Взаимодействие родителя и ребёнка» И.М. Марковской (анализ взаимоотношений детей и родителей);
- статистическая обработка данных с помощью программного пакета SPSS.

В результате исследования было выявлено, что наиболее распространённой моделью родительской семьи испытуемые считают нуклеарную семью (58,4%), состоящую из родительской пары и одного-двух детей. Модель будущей семьи также является нуклеарной и состоит из родительской пары и одного ребёнка. Методика «Семейная социограмма» показывает сплочённость и гибкость семьи. Если социограмма родительской семьи говорит о тесных связях между членами семьи, сплочённости и близости интересов, то в социограммах будущей семьи такого не наблюдается. Родительская семья в представлении испытуемых больше по численности, может включать ближайших родственников, более сплочённая. Будущая семья представляется испытуемым среднего и старшего школьного возраста как малая по численности, малолетняя, нуклеарная, менее

сплочённая, члены семьи в большей степени оказываются независимыми друг от друга (44,2% и 24,9% соответственно, различия значимы на уровне $p \leq 0,05$).

Анализ уровня сбалансированности родительской семьи (по методике Д. Олсона), показывает, что 39,5% семей школьников младшего, среднего и старшего возраста являются сбалансированными (это средние оценки по уровню сплочённости и гибкости). Более 40% являются среднесбалансированными и 20,5% – несбалансированными.

Результаты исследования показали, что среди подростков, по сравнению с младшими и старшими школьниками, чаще встречаются несбалансированные семьи (29,7% и 18,2% соответственно). Девочки среднего и старшего школьного возраста склонны говорить о своей семье как о несбалансированной (24,3 % и 7,8% – у мальчиков), а мальчики чаще описывают свою семью как сбалансированную (49,9% и 31,2 % – у девочек, различия значимы на уровне $p \leq 0,01$).

Ответы респондентов при описании своей будущей семьи чаще принимают крайние значения, что приводит к увеличению доли несбалансированных семей и уменьшению доли сбалансированных. Только 17,8% опрошенных описывают свою будущую семью как сбалансированную, более трети как несбалансированную (31,1 %) и чуть более половины – как среднесбалансированную (51,1%). Также полученные данные показали, что увеличение уровня сплочённости отмечено у 62,3% опрошенных.

На основании анализа данных, полученных по методике Д. Олсона, можно сказать, что существует положительная корреляция между показателями сплочённости и гибкости родительской семьи и представлениями о своей будущей семье. В представлениях о нынешней и о будущей семье отмечается высокий уровень сплочённости и гибкости семейной системы. В представлениях о будущей семье существует тенденция к увеличению показателей сплочённости и гибкости по сравнению с родительской семьёй, что приводит к значительному увеличению доли несбалансированных семей. Несмотря на то, что увеличение сплочённости больше, чем гибкости, при изначально высокой доле семей с экстремальным показателем гибкости (хаотичная семья) даже небольшое её увеличение существенно влияет на несбалансированность будущих семей.

В целом представления о своей будущей семье у школьников младшего, среднего и старшего возраста достаточно дифференцированы, конкретны, позитивны, но, в отличие от представлений о родительской семье, носят формальный характер.

Итак, можно сделать общий вывод о том, что семья существенно влияет на формирование личности, её ценностей и убеждений, определяет возможные способы взаимодействия с окружающим миром и построения межличностных отношений. Школьники разного возраста при формировании представлений о своей будущей семье ориентируются на уже известную им модель родительской семьи.

В заключение отметим, что фундамент будущего семейного благополучия ребенка закладывается в детстве в собственной семье. Поэтому требуется разработка и внедрение новых эффективных подходов, направленных на развитие у детей адекватного представления о родительской роли в семье и формирование качеств ответственного семьянина.

Литература

1. *Андреева Т.В.* Психология современной семьи. Монография. СПб.: Речь, 2005.
2. *Карпова В.М., Филиппова Е.В.* Представления о родительской и будущей семье в подростковом и юношеском возрасте // Психологическая наука и образование. 2013. № 4. С. 84–97. <http://psyjournals.ru/psyedu/2013/n4/66303.shtml>
3. *Московичи С.* Социальная психология. СПб.: Питер, 2007.
4. *Орлов В.А.* Характер взаимосвязи уровня гармоничности отношений в семье и статуса подростка в учебной группе // Социальная психология малых групп: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессора А.В. Петровского. 25-26 октября 2011 г., М., МГППУ, 2011. С. 126–129.
5. *Хачатрян Л.А.* Тенденции изменения современной российской семьи // Вестник Пермского университета. Серия: Философия. Психология. Социология. 2014. Выпуск 4 (20). http://www.psu.ru/files/docs/ob-universitete/smi/nauchnyj-zhurnal/philosophy-psychology-sociology/2014_4.pdf

Взаимосвязь рефлексии и отношения к соблюдению норм поведения у лиц, занимающихся йогой

*Лысов М.И., Пащенко А.К.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва*

lysov_mihail@mail.ru, a.k.pashchenko@mail.ru

Проблема рефлексии является одной из ключевых в психологии. Данное понятие широко обсуждается в рамках отечественных и зарубежных психологических исследований. Изучение структуры рефлексии и динамики ее развития представляет большой интерес в теоретических и практических исследованиях, поскольку позволяет подойти к пониманию механизмов формирования личности.

В ряде экспериментальных исследований «рефлексия» появляется не только как существенный компонент какого-либо другого субъекта, но и как объект специального психологического исследования, например: в исследовании «рефлексивных ожиданий» Н.И. Гуткиной о личности [1], М.М. Муканова – особенности рефлексии у представителей «традиционной культуры» [2], А.В. Захаровой, М.Е. Боцмановой и Е.Р. Новиковой – возрастные особенности рефлексии [3], А.В. Карпова – рефлексия как «процесс организации процессов» (управленческая психология) [4], И.Н. Семенова и С.Ю. Степанова – рефлексия в организации творческого мышления и саморазвития личности [5; 6], В.А. Лефевра – рефлексия сознания [7; 8], ГП. Щедровицкого – рефлексия мышления [9], В.Е. Лепского – рефлексивные процессы и управление [10].

В этом случае, в зависимости от области, в которой проводятся психологические исследования, выделяется та или иная «грань» отражения, подчеркивается тот или иной аспект. В целом анализ экспериментальных работ, посвященных изучению рефлексии, показывает, что он изучается в четырех основных аспектах: кооперативном, коммуникативном, личностном и интеллектуальном.

Без рефлексии процесс развития невозможен, включая самообразование и саморазвитие, «изменение в себе». Рефлексия способствует тому, чтобы человек осознал результаты своей деятельности, смог сравнить их с результатами других людей. Это поможет понять, что сделал человек и почему он это сделал. Анализируя свои действия и действия, человек может правильно их оценить и исправить ошибки в нужное время.

Мы предположили, что люди, практикующие йогу, будут иметь более высокий уровень рефлексии, чем другие люди. В процессе йоги

они оказываются в ситуации, когда есть время переосмыслить свою жизнь, понять свои ошибки и в будущем попытаться исправить их.

Рефлексия в этой ситуации будет действовать, как способность человека описывать содержание его собственной (внутренней, субъективной) сферы. Освоив рефлексю, человек, занимающийся йогой, может ответить за то, что он делает и говорит, и благодаря этому человеку есть внутренний локус контроля, который развивает в человеке ответственность за реализацию социальных норм и правил.

Таким образом, психология йоги такова, что человек не избавляется от внешней или внутренней деятельности, напротив, он проходит путь интенсивной сознательной деятельности, где теория и практика представляют собой единое целое. «Традиционная психология полагает, что внутренний мир – это тонкая копия внешнего мира, что внешний мир и культура являются причиной формирования и развития психики и сознания. В психологии йоги другой подход основан на положение внешнего мира является следствием, а внутреннее – причиной того, что внутренние и внешние силы являются двумя аспектами одной реальности» [11, с. 95].

Существуют разные йогические системы, учитывающие уровень развития человеческого сознания, поэтому каждый может заниматься йогой. Для активного, волевого человека это карма-йога, для эмоционального – йога преданности и любви (бхакти-йога), для любящего умственного труда – йога знания (джнана-йога). Хатха-йога начинается с асаны и пранаямы, которая укрепляет тело и психику, успокаивает ум, приносит новые знания о себе. Раджа-йога начинается там, где хатха-йога (то есть из-за контроля ума) заканчивается и заканчивается состоянием самадхи-нирваны.

В связи с вышесказанным можно предположить, что отражение напрямую связано с пониманием и принятием человеком правил поведения (локуса контроля), поскольку людей с высоким уровнем отражения можно сравнить с людьми, которые имеют внутренний (внутренний) локус контроля, то есть их поведение, их действия и ответственность за них. Это может означать, что у нас есть зрелая личность.

Объектом исследования являются уровень рефлексии и локус контроля у лиц, занимающихся йогой.

Предмет: взаимосвязь уровня рефлексии и локуса контроля у лиц, занимающихся йогой.

Цель исследования: выявить взаимосвязь уровня рефлексии и локуса контроля у лиц, занимающихся йогой.

Исходя из цели, были поставлены следующие задачи:

1) проанализировать теоретический материал по данной теме и раскрыть основные понятия;

2) выявить взаимосвязь уровня рефлексии и локуса контроля лиц, занимающихся йогой.

Гипотезы исследования: а) между рефлексией и локусом контроля, лиц, занимающихся йогой, существует связь; б) между мужчинами и женщинами, занимающимися йогой, существуют отличия в уровне рефлексии.

Методический инструментарий:

Методы теоретического исследования: анализ литературных источников, обобщение теоретического материала.

Методы эмпирического исследования: Методика определения индивидуальной меры рефлексивности (А.В. Карпов, В.В. Пономарева), Опросник Роттера УСК (уровень субъективного контроля).

Методы статистической обработки данных: t-критерий Стьюдента, коэффициент ранговой корреляции Спирмена и двухфакторный дисперсионный анализ.

В исследовании приняли участие 40 человек (20 женщин и 20 мужчин) в возрасте от 20 до 40 лет, занимающихся йогой.

Были получены следующие результаты: у всех опрошенных женщин, занимающихся йогой, среднее значение уровня рефлексии выше (133) чем у опрошенных мужчин, также занимающихся йогой (125).

По данным сравнительной статистики с применением Т-критерия Стьюдента, мы выявили, что пол не оказывает влияния на уровень рефлексии.

Таким образом, одна из выдвинутых нами гипотез между мужчинами и женщинами, занимающимися йогой, существуют отличия в уровне рефлексии, опровергнута.

Наиболее предпочитаемый вид рефлексии для группы мужчин и женщин, занимающихся йогой, – для мужчин – это рефлексия «настоящей и будущей деятельности», а для женщин – «рефлексия настоящей деятельности».

Результаты показали, что у мужчин и у женщин наиболее выражен интернальный локус контроля; локус контроля в целом выше у женщин, чем у мужчин (45 и 25 соответственно).

Результаты корреляционного анализа по критерию Спирмена показали наличие взаимосвязи уровня рефлексии и локуса контроля у мужчин и женщин, занимающихся йогой ($r=0,226$ при $p=0,003$). Таким образом, одна из выдвинутых гипотез – о том, что между рефлексией и локусом контроля у лиц, занимающихся йогой, существует связь, –

подтвердилась.

Литература

1. *Гуткина Н.И.* О психологической сущности рефлексивных ожиданий. В кн.: Психология личности: теория и эксперимент. М., 2002.
2. *Реан А.А., Коломинский Я.Л.* Социальная педагогика и психология. СПб.: издательство Питер, 1999.
3. История философии в кратком изложении / Пер. с чеш И.И. Богута. М.: Мысль, 2004.
4. *Карпов А.В., Пономарева В.В.* Психология рефлексивных механизмов управления. Монография. М.: ИП РАН, 2000.
5. *Семенов И.Н., Степанов С.Ю.* Современные проблемы психологии творчества, рефлексии и проектирования // Вопросы психологии. 1984, №5.
6. *Семенов И.Н., Степанов С.Ю.* Типы и функции рефлексии в научном мышлении. Куйбышев, 2003.
7. *Лефевр В.А.* Рефлексия. М., 2003.
8. *Локк Дж.* Опыт о человеческом разуме «Опыт о человеческом разуме» Избранные философские произведения в двух томах. Т. I. М., 1960.
9. *Юсупов И.М.* Социопатические предпосылки криминальных деяний. Казань: Изд-во Казан. Пед ун-та, 1996.
10. *Бурлаков В.Н., Гомонов Н.Д.* Патопсихологические особенности личности и механизм преступного поведения // Правоведение. С.-Пб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2001, №3.
11. *Мишра Рамамурти* Психология йоги: учебник: с точным переводом и разъяснением «Йога-сутр» Патанджали для всестороннего использования в современных психологических дисциплинах / Рамамурти Мишра (Шри Брахмананда Сарасвати); [Пер. с англ. М. Осиновского]. Киев: София, 2003.

К вопросу о влиянии методики «гимнастика мозга (brain gym)» на уровень тревожности у школьников 4-х классов

Лычкова О.В., Маринова Т.Ю.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
lychkova.ok@gmail.com

В жизни современных школьников 4 класс является рубежом, завершающим начальную школу. Именно на это время выпадает

самое большое количество проверочных и контрольных работ, режим учебы в школе становится максимально стрессовым. Важно в это время оказать ребенку психологическую помощь [3; 4; 5].

В тоже время, авторитет классного руководителя в этом возрасте (10-11 лет) высок, учитель оказывает огромное влияние на ребят [1; 2]. При поддержке учителей мы начали проект по обучению 4-классников антистрессовой методике «Гимнастика мозга», именно при их поддержке и участии мы проводим наши занятия. Практика показала, что, чем выше вовлеченность классного руководителя в занятия, тем больше эффект. Наибольший интерес к занятиям проявили классы, в которых учитель смог встроить гимнастику мозга в ежедневную учебную деятельность.

Необходимо помнить, что у детей 4-х классов ведущая деятельность еще остается учебной, мотивация к обучению высокая. В этой связи, давая возможность ребенку научиться регулировать свое поведение на данном этапе, мы закладываем базу для успешной саморегуляции в беспокойное время пубертатного периода.

Одним из характерных проявлений уровня стресса является тревожность, и для измерений влияния «Гимнастики мозга» на саморегуляцию мы рассматривали именно динамику тревожности у детей. Рефлексия своих поступков, действий, эмоционального фона развивается к 4-му классу уже в достаточной мере, что позволило применить следующий методический аппарат:

1. Метод незаконченных предложений (вариант по книге А.В. Микляевой, П.В. Румянцевой «Методы психологической диагностики школьной тревожности»);

2. Методика диагностики уровня школьной тревожности Филлипса;

3. Шкала явной тревожности для детей (The Children's Form of Manifest Anxiety Scale – CMAS) в адаптации А.М. Прихожан [6];

4. Шкала личностной тревожности А.М. Прихожан (модификация для школьников 10-12 лет).

После прохождения первичного тестирования дети в экспериментальных классах ежедневно делали гимнастику мозга. В качестве постоянных применялись 4 упражнения комплекса «Ритмирование» («вода», «кнопки мозга», «перекрестные шаги», «крюки Деннисона»), также постепенно дети осваивали и другие упражнения гимнастики («думательный коллап», «вытягивание рук», «ленивые восьмерки», «двойные рисунки», «позитивные точки»).

За время исследования дети освоили выполнение упражнений и сами напоминали учителям о необходимости сделать гимнастику мозга перед самостоятельными и проверочными работами.

По завершении курса освоения гимнастики мозга было проведено повторное тестирование экспериментальных и контрольных классов по перечисленным выше тестовым методикам.

Как отмечалось исследователями, работавшими ранее по методике «Гимнастика мозга», она дает устойчивый эффект повышения концентрации внимания, улучшения зрительного и слухового восприятия информации, координации и мелкой моторики, повышения активности, адаптивности и гибкости в принятии решений при регулярном ее применении. Для поддержания и закрепления эффекта были проведены специальные консультации со школьными психологами, которые планируют серию мер по адаптации участвовавших в исследовании учеников после перехода в 5-й класс.

Литература

1. *Бабанин П.А.* К вопросу об этапах вхождения личности в группу и уровне эмоционального выгорания // Социальная психология малых групп: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессора А.В. Петровского. М.: МГППУ, 2011. С. 61–62.
2. *Кондратьев М.Ю., Бабанин П.А.* Интерпретационно-коррекционный алгоритм профессиональной деятельности социального психолога-практика с малой группой // Социальная психология и общество. 2014. №4. с. 114–134.
3. *Маринова Т.Ю.* Здоровый образ жизни в структуре жизнедеятельности современного человека // Культурологические проблемы дошкольного образования в поликультурном регионе: сборник научных статей / Чуваш. гос. пед. ун-т; Чебоксары, 2011, с. 40-42.
4. *Смирнова С., Цыпленкова О.* Снятие учебного и рабочего стресса. Интегративная кинесиология. М., 2017.
5. *Феоктистова С.В., Рожкова Г.И., Маринова Т.Ю.* Диагностика функционального развития. Программа спецкурса. М., 1999.
6. Шкала явной тревожности СМАС (адаптация А.М.Прихожан) / Диагностика эмоционально-нравственного развития. Ред. и сост. И.Б. Дерманова. СПб., 2002.

Эмоциональная направленность как фактор социализации детей дошкольного возраста

*Маковская А.В., Барина О.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва*

varukute@gmail.com, ox16barin@yandex.ru

Проблема социализации детей дошкольного возраста вызывает большой интерес психологов. Тем не менее, отдельные аспекты процесса социализации изучены недостаточно. Существует недостаток исследований по эмоциональной сфере дошкольников, что определяет актуальность данного исследования.

В дошкольном периоде расширяется сфера социальных контактов ребёнка. Если до трёх лет он общался преимущественно с матерью или другим значимым взрослым, то после трёх большинство детей попадают в новую среду дошкольных общеобразовательных учреждений. В жизнь ребёнка входят новые значимые взрослые в лице воспитателей детских садов, педагогов секций и кружков. Расширяется круг общения среди сверстников, появляются друзья, «женихи» и «невесты». Ведущая деятельность – сюжетно-ролевая игра, в этом возрасте дети учатся играть вместе, а не просто рядом, как в раннем детстве, усваивают правила поведения и учатся их соблюдать [5].

Эмоциональная сфера – это совокупность переживаний человеком своего отношения к окружающему миру и к самому себе. Эмоциями называют особый класс психических процессов, связанных с инстинктами, потребностями, мотивами и отражающих в форме непосредственного переживания значимость действующих на индивида явлений и ситуаций для осуществления его жизнедеятельности. Эмоции служат одним из главных механизмов внутренней регуляции психической деятельности и поведения, направленных на удовлетворение актуальных потребностей [6].

Понятие «эмоциональная направленность» ввёл в употребление Б.И. Додонов, занимавшийся изучением эмоций и эмоциональной сферы и разработавший собственную классификацию эмоций. По Б.И. Додонову, эмоциональная направленность представляет собой стремление личности к тем или иным эмоциональным переживаниям и проявляется в ценностном отношении к определённым видам эмоциональных переживаний [3]. Выделяют несколько видов эмоциональной направленности: 1) альтруистическую, 2) коммуникативную, 3) глорическую, 4) практическую, 5) пугническую,

б) романтическую, 7) гностическую, 8) эстетическую, 9) гедонистическую, 10) акизитивную направленность.

Человек как личность формируется в течение всей своей жизни, но фундамент этой личности закладывается в детском возрасте. Попадая в среду дошкольных общеобразовательных учреждений, все дети ведут себя по-разному. Ребёнку приходится приспосабливаться к новой социальной ситуации, обучаться правилам в новой среде, адаптироваться к коллективу. Процесс социализации у детей протекает по-разному: одни адаптируются быстрее, другие медленнее, родители третьих не выдерживают и забирают их из детских садов, поскольку им кажется, что ребёнок не способен к нему привыкнуть.

Успешность социализации во многом зависит от того, какие эмоциональные переживания преобладают у ребёнка. В дошкольном возрасте дети только начинают учиться распознавать и понимать свои и чужие эмоции, этот период можно назвать сензитивным для развития эмоциональной чувствительности. Ребёнок учится не сам по себе, а рядом с понимающим его взрослым и через взрослого. Сначала он повторяет внешние образцы поведения, затем постепенно «присваивает» себе, – происходит процесс интериоризации, описанный Л.С. Выготским [2]. В возрасте 3-6 лет у детей ещё недостаточно развиты саморегуляция и произвольность, лишь к концу дошкольного периода у них появляется способность демонстрировать не ту эмоцию, которую они ощущают на самом деле. Дошкольники непосредственны, они ведут себя так, как чувствуют в данный момент, их эмоциональная направленность проявляется во всех видах деятельности, в том числе и в общении.

М.И. Лисина в своих трудах подчёркивает важность общения для развития детей дошкольного возраста. Она рассматривает общение как деятельность, но деятельность специфическую, субъект-субъектную. По её мнению, общение – это процесс взаимодействия, в котором активно участвуют обе стороны [4].

Общение, в свою очередь, невозможно без эмоциональной включённости каждой из сторон в данный процесс [1]. В младшем дошкольном возрасте у детей активно развивается речь, но она является не единственной составляющей процесса общения. Не менее важны и невербальные компоненты, такие, как жесты, мимика, пантомимика.

Эмоциональная направленность ребёнка непосредственно влияет на то, как будет протекать процесс общения, насколько ребёнок сможет включиться в новый коллектив и адаптироваться к нему. Например, дети с коммуникативной и альтруистической направленностью больше ориентированы на общение,

взаимодействие, помощь и содействие сверстникам, тогда как дети с глорической направленностью будут стремиться занять позицию лидера в коллективе.

Процесс социализации неразрывно связан с процессом общения, в который включается дошкольник, попадая из домашней среды в дошкольное общеобразовательное учреждение. Насколько быстро, просто и эффективно будет протекать этот процесс, зависит от целого ряда факторов, среди которых – эмоциональная направленность. То, какие эмоции преобладают у ребёнка, какие переживания более для него характерны, оказывает влияние на процесс общения со сверстниками и, как следствие, на процесс адаптации и социализации в новом коллективе.

Литература

1. *Абраменкова В.В.* Социальная психология детства. М., 2008.
2. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: Том 3. Проблемы развития психологии / Л.С. Выготский. М., 2012.
3. *Додонов Б.И.* Эмоция как ценность. М., 1978.
4. *Лисина М.И.* Формирование личности ребёнка в общении. СПб, 2009.
5. *Маковская А.В., Барина О.В.* Особенности связи психологического здоровья и негативных эмоций детей дошкольного возраста // Технологии здоровьесбережения в безопасной образовательной среде: конвергентный подход. М., 2018.
6. *Мотева Н.В., Барина О.В.* Практикум по психологической коррекции негативных эмоций детей младшего школьного возраста. М., 2017.

Социально-психологические установки личности у подростков, совершивших рискованные действия

Марченко Е.С.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
marakeshabadir@gmail.com

В настоящее время, по наблюдениям школьных психологов, растёт количество подростков, занимающихся рискованными увлечениями, появляется все больше форм экстремальных увлечений, которые могут приводить к серьёзным травмам и даже к летальному исходу.

Продолжают развиваться и всё быстрее набирают обороты своей популярности такие рискованные увлечения как ружфинг, зацепинг, околоспорт и т.п.

Существует большое количество поведенческих практик, которые приобретают форму рискованных в случае чрезмерного злоупотребления ими или при возникновении в конкретной рискованной ситуации. В качестве примеров можно привести занятия спортом, которые в умеренных дозах и в безопасных условиях полезны и повсеместно рекомендуются, а в случае экстремальных форм, таких как уличный паркур, моржевание и другое представляя угрозу для здоровья [2].

Несмотря на свою популярность, рискованные увлечения и причины их появления всё ещё недостаточно изучены. Для предотвращения травм и летальных исходов, связанных с рискованными действиями, требуется изучать этот аспект подросткового поведения.

Склонность к риску можно объяснить характеристиками подросткового возраста. Кроме этого, к рискованным увлечениям приводят и различные психологические особенности, и особенности социальной среды [1]. Но именно социальные установки определяют поведение человека, поскольку они влияют на то, как и каким образом будет проявлена та или иная психологическая особенность, каким образом человек адаптируется к условиям социальной среды.

Для изучения социальных установок подростков в разных сферах было опрошено 2 группы респондентов – подростки, учащиеся школ, от 13 до 18 лет. Первую группу составляли подростки, совершавшие рискованные действия, вторую группу, которую мы взяли в качестве контрольной, составляли подростки, не совершавшие рискованные действия. Для эмпирического исследования были выбраны следующие методики: методика диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере О.Ф. Потемкиной; опросник «Поведение родителей и отношение подростков к ним» Е. Шафера; методика диагностики отношения к школе В. Ясвина; методика диагностики степени готовности к риску А.М. Шуберта.

Результаты диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере показывают, что в случае сравнения социально-психологических установок личности таких как: ориентация на деньги, ориентация на альтруизм, ориентация на результат, значимых различий между двумя группами не обнаружено. В случае сравнения социально-психологических установок личности, таких как: ориентация на власть, ориентация на

свободу, ориентация на эгоизм, у подростков, совершавших рискованные действия, данные ориентации выражены больше чем, у подростков, не совершавших рискованные действия. В случае же сравнения таких социально-психологических установок личности, как ориентация на процесс, ориентация на труд, – у подростков, не совершавших рискованные действия данные социально-психологические установки личности выражены сильнее, чем у подростков, совершавших рискованные действия.

Результаты диагностики отношения к школе и отношения подростков к поведению родителей дают возможность глубже понять разницу между социально-психологическими установками личности подростков, совершавших рискованные действия и подростков, не совершавших рискованные действия.

Полученные результаты в этих областях позволили сделать следующие выводы.

1. Подростки, совершавшие рискованные действия, склонны воспринимать родителей хуже, чем подростки, не совершавшие рискованные действия.

2. Подростки, совершавшие рискованные действия, склонны оценивать образовательный процесс хуже, чем подростки, не совершавшие рискованные действия.

Литература

3. *Андреева Г.М.* Социальная психология. М., 2007.
4. *Шаболтас А.В.* Риск и рискованное поведение как предмет психологических исследований // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2014. № 3.

К вопросу о взаимосвязи мотивации к обучению и рефлексии у разностатусных учащихся (на примере студентов колледжа)

Моргунова Л.Н.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
larisa-astra@mail.ru

Глобальные социально-экономические изменения последних десятилетий оказали значительное влияние на российскую систему образования: на смену учебно-дисциплинарной модели пришел личностноориентированный подход, появились новые формы оценки знаний, введены новые образовательные стандарты. Внешняя

перестройка фундаментальных образовательных принципов не могла не отразиться на личностных и социально-психологических характеристиках субъектов учебной деятельности.

Важной задачей профессионального образования является построение эффективной обучающей системы, учитывающей динамику происходящих внешних и внутренних изменений. Поэтому детальное изучение процессов личностного развития и группообразования в рамках студенческих сообществ имеет особую актуальность. В контексте этой проблемы наше исследовательское внимание было направлено на такие важные для развивающейся личности психологические переменные, как мотивация к учебной деятельности и личностная рефлексия, связанные со спецификой межличностных отношений.

Мотивация лежит в основе любой человеческой деятельности, но мотивы, если рассматривать эту категорию с позиций отечественных исследователей (Л.И. Божович, В.А. Иванников, М.В. Матюхина, В.С. Мерлин, А.Н. Леонтьев), в отличие от целей, являются актуально неосознаваемыми. Осознание происходит в процессе социализации личности и, в свою очередь, невозможно без рефлексии.

Целью нашей работы является выявление взаимосвязи мотивации к обучению и личностной рефлексии у разностатусных студентов.

В качестве гипотезы выступило предположение о том, что мотивация к обучению и выраженность ее составляющих зависят от уровня рефлексии и различаются у студентов с разными внутригрупповыми статусами.

В ходе пилотажного эмпирического исследования нами были использованы следующие социально-психологические методики: социометрия, референтометрия, методический прием определения интрагрупповой структуры неформальной власти в контактном сообществе, методика изучения мотивации к обучению в вузе Т.И. Ильиной, методика определения уровня индивидуальной меры рефлексивности А.В. Карпова, В.В. Пономаревой.

Анализ полученных данных по социометрической и референтометрической методикам, а также методическому приему определения интрагрупповой структуры неформальной власти в контактном сообществе, позволил распределить выборку испытуемых (100 студентов колледжа) по статусным категориям. Группу высокостатусных студентов составили 17% испытуемых, низкостатусных – 24%, среднестатусных – 59%.

Результаты исследования мотивации к обучению в разностатусных группах продемонстрировали следующие данные (среднее по группе в баллах): в группе низкостатусных студентов превалирует внешняя

мотивация получения диплома (7,93), далее следует «овладение профессией» (6,81) и на последнем месте внутренняя мотивация получения знаний (4,26). В группе среднестатусных студентов ведущей является мотивация овладения профессией (8,25) и практически на одинаковом уровне находятся шкалы «получение знаний» (5,4) и «получение диплома» (5,28). Иерархия мотивов в группе высокостатусных студентов распределилась следующим образом: «получение знаний» – 8,82 баллов, «овладение профессией» – 6,9 баллов, «получение диплома» – 4,1 баллов.

По этим предварительным данным можно сделать вывод, что адекватный выбор студентами профессии и высокая степень удовлетворенности обучением, обусловленная внутренними ведущими мотивами, выявлена в группе высокостатусных студентов. Студенты из низкостатусной группы в основном ориентированы на формальное усвоение знаний и поиск обходных путей, не требующих приложения усилий при получении образования. На наш взгляд, это можно объяснить их малой успешностью в системе межличностных отношений, учитывая тот факт, что в юношеском возрасте общение с референтной группой имеет высокую значимость.

Исследование интегрального показателя индивидуальной меры рефлексивности показало, что в группе высокостатусных студентов – высокий уровень рефлексии, соответствующий 9 стеном (168,1 баллов, среднее по группе). В среднестатусной группе – средний уровень рефлексии, 7 стенов (143,4 балла, среднее по группе). В группе студентов с низким статусом также обнаружен средний уровень рефлексии – 4 стена (120,6 баллов, среднее по группе). Следует отметить, что 4 стена – это нижний порог среднего уровня рефлексии.

На этапе основного исследования с целью доказательства или опровержения гипотезы нами планируется подробное изучение структурных компонентов рефлексии у студентов с разными внутригрупповыми статусами и анализ корреляционных связей с помощью метода ранговой корреляции Спирмена.

На наш взгляд, полученные закономерности в ходе настоящего исследования могут дать основание для разработки научно-обоснованных программ для целенаправленной психолого-педагогической работы со студентами колледжа с целью формирования адекватной мотивации к учебной деятельности, повышения общего уровня рефлексивности с учетом специфики межличностных взаимоотношений в учебной группе.

Проблема психологических противоречий и конфликтов в ученических группах

Мосолова В.Ю.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва

www.billka.ru-95@bk.ru

Сачкова М.Е.

ФГБОУ ВО РАНХуГС, Москва

sachkova@list.ru

В современном мире человек постоянно вступает во взаимодействие с другими людьми. Ученическая группа в этом плане не является исключением. При этом в процессе деятельности в ученических группах возникают определенные противоречия, а также конфликтные ситуации и соответственно возможные проявления конфликтов. Чаще всего в ученических сообществах возникают противоречия, которые могут быть связаны с несоответствием взглядов, мнений, интересов одного индивида с другими. Однако также встречаются противоречия, которые связаны с выполняемой деятельностью.

Исзуемая проблематика, несомненно, является актуальной, так как противоречия и конфликты являются не только деструктивными факторами, но и могут быть источниками развития ученических групп.

В отечественной психологии проблема психологических противоречий и конфликтов рассматривалась такими авторами, как А.В. Сидоренков [4], Н.В. Гришина [2], Н.И. Леонов [3], С.В. Соколов [5]. Авторы, которые изучают конфликты, делают акцент на том, что в основе их лежат противоречия. Необходимо отметить, что хоть конфликты и противоречия имеют схожие черты, однако не всегда противоречие переходит в конфликт. В психологии под противоречиями понимают [5]:

- положение при котором одно явление исключает другое, которое не может быть совместимым с ним;
- объективное наличие противоположных свойств какого-либо явления.

В свою очередь под конфликтом понимают [1; 6; 7]:

- высшую стадию развития противоречий, стадию, которая непосредственно предшествует их разрешению;
- столкновение, вызванное противоречиями целей, взглядов, установок, ценностей и способов действия по отношению к определенному предмету или ситуации.

- относительно напряженный способ разрешения важных противоречий, который возникает в процессе взаимодействия субъектов конфликта и выражается в их противодействии.

Теоретический обзор литературы показал, что у противоречия есть схожие черты с конфликтами: биполярность и интересубъективность [2]. В основе становления определенного вида противоречия могут быть совершенно разные причины. Слабоизученной является проблема объективных и субъективных видов противоречий, которые проявляются в малых группах и среди ее структурных компонентов. В психологии выделяют три стадии развития противоречия: становление, развертывание и разрешения. Необходимо подчеркнуть, что существуют еще типы общественных противоречий, которые включают в себя: социально-факторные, социальные, межличностные, внутриличностные. Понятие «конфликта» в психологии интерпретируется крайне широко. В науке существует множество классификаций, из чего мы можем сделать вывод, что конфликт относится к многоуровневым и сложноструктурированным явлениям.

Однако на данный момент в психологии недостаточно работ, которые посвящены изучению именно психологических противоречий в ученических группах. В связи с этим мы поставили цель – изучить психологические противоречия в ученических группах, а также определить стратегии конфликтного поведения старших подростков с разным статусом в группах. Объектом исследования выступают психологические противоречия. Предмет исследования – типы и виды психологических противоречий в ученических группах, а также стратегии конфликтного поведения разностатусных учащихся.

В эмпирическом исследовании будет использоваться комплекс следующих социально-психологических методик: методика изучения социально-психологических противоречий в группе и подгруппах (А.В. Сидоренков), Тест К. Томаса «Стратегии поведения в конфликтных ситуациях», Я. Морено «Социометрия», референтометрия (Е.В. Щедрина), методический прием определения неформальной интрагрупповой структуры власти в контактном сообществе (М.Ю. Кондратьев). Основным контингентом исследования выступают обучающиеся подросткового возраста (8-9 класс). Полученные результаты можно будет использовать для консультационной, тренинговой работы по вопросам предупреждения и разрешения конфликтных ситуаций, а также для выработки конструктивных стратегий поведения учащихся в конфликте.

Литература

1. *Анципов А.Я., Шипилов А.И.* Конфликтология. – М.: ЮНИТИ, 2000.
2. *Гришина Н.В.* Психология конфликта. – СПб.: Питер, 200.
3. *Леонов Н.И.* Конфликтология: Учеб. пособие. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство НПО «МОДЭК», 2006.
4. *Сидоренков А.В.* Психологические противоречия в малых группах//Вопросы психологии. – 2003. № 1.
5. *Соколов С.В.* Социальная конфликтология: Учеб. пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001.
6. Психологический словарь / *Под. ред. В.В. Давыдова, А.В. Запорожца, Б.Ф. Ломова и др.* – М.: Педагогика, 1983.
7. *Щепаньский Я.* Элементарные понятия социологии. – М.: Издательство «Прогресс», 1969.

Особенности доверия у студентов первого курса

Никитин П.С., Шульга Т.И.
 ГОУ ВО МО МГОУ, Москва, Россия
 pnikitin94@yandex.ru, shulgatiana@gmail.com

Рассмотрение доверия как социально-психологического явления представлено в исследованиях О.В. Голубь, С.Л. Рубинштейна, Б.Ф. Поршнева, Т.П. Скрипкиной, Э. Эриксона, А.Б. Купрейченко, А.Л. Журавлева и др. В исследованиях авторов доверие рассматривается как стержневой элемент социального и психологического благополучия индивида в обществе [2; 7]. По мнению М. Селигмана доверие входит в такие психологические феномены как нравственные качества, переживание счастья, альтруизм, оптимизм, способность испытывать доверие к миру и к себе, которые являются важнейшими условиями и коррелятами жизненной успешности [8].

Доверие - одна из главных социальных категорий, которая является ключевым критерием, на основании которого индивидуум познает окружающую действительность и анализирует ее. Доверие является фундаментальной основой, а также надстройкой всех социальных отношений [3; 4; 6; 7].

По мнению ряда психологов, доверие является производной категорией от веры, ее проекцией в мир субъект-субъектных (прежде всего межличностных) отношений. Источники доверия, побуждающих отдалиться на веру, положиться на чью-то совесть, доверить кому себя, свои дела и судьбу, могут быть разнообразными [1; 7].

Учитывая то обстоятельство, что одной из важнейших составляющей студенческой деятельности является коммуникация, которая пронизывает не только учебную деятельность, но и общественно-значимую (волонтерство). Понятно, что адекватное и соразмерное доверие к другим помогает студенту регулировать и строить взаимоотношения с одногруппниками и преподавателями, глубже понимать мотивы их поступков и, обеспечивает эффективность социальной активности [1; 2; 3; 6].

Доверие является условием личностного и профессионального развития студента, поскольку выступает ценностным ориентиром, позволяет познавать объективную действительность, правильно оценивать ее и использовать результаты познания в будущей профессиональной деятельности, снижает риск профессиональной личностной деформации [4; 5; 6].

Для изучения доверия студентов было проведено исследование, целью которого являлось определение уровня доверия к себе и другим. Предположением служил тот факт, что у студентов 1 курса уровень доверия к себе и другим будет разным, преобладающим может являться доверие к себе.

Исследование проведено с использованием методик А.Б. Купрейченко, и Н.Б. Астаниной. Базой эмпирического исследования явились студенты 1 курса факультета психологии. Всего 40 человек, девушек больше в 3 раза, чем юношей. Результаты полученных данных позволили выявить, что в группе студентов субъективно-предвзятое отношение к людям, не оправдавшим их доверие выше, чем к людям, которым доверяют. В тоже время такие показатели доверия как надежность, единство, знание, приязнь и расчет относительно человека, которому доверяют, выше по отношению к человеку, которому не доверяют. Наиболее высокий уровень недоверия выявлен при проявлении недостатков у сверстников.

В группе студентов 15% оказалось эмоционально доверяющего типа. Эти студенты характеризуются тем, что склонны заменять подлинное доверие верой или расчетом. Тип доверия – понимающий других – составил 30%, их отличает низкая степень дифференциации отношения к человеку, которому они доверяют больше всего, и отношения к человеку, который доверия не оправдал. Среди студентов данной группы тип доверия – максималист составил 55%. Студенты характеризуются высоким уровнем показателей доверия по отношению к «человеку, которому доверяют больше всего» и самыми низкими показателями доверия по отношению к «человеку, который доверия не оправдал». Таким образом, поскольку изучалось доверие у студентов гуманитарного профиля (психологов) понятно, что доверие

для них характеризуется нравственно-этической категорией и опирается на их жизненный опыт.

По мнению Т.П. Скрипкиной, доверие к себе это специфическое отношение человека к своему внутреннему миру, к своей субъектности, как к ценности [7]. Если человек доверяет себе, то он способен управлять своими целями и потребностями; принимает и берет в расчет как сильные, так и слабые свои стороны, стремится к самосовершенствованию, к выходу за рамки прошлого опыта, к исследованию своих возможностей в ситуации неопределенности.

В проведенном исследовании низкий уровень доверия к себе выявлен почти у половины группы (45%). В группе достаточно много студентов с низкой оценкой своих возможностей, которая в большинстве ситуаций, особенно неопределенных, выражается в переживаниях страха, неуверенности, сомнений в своих способностях достигать поставленные цели. Они зависимы в принятии решения от мнения других, находятся в постоянном поиске подтверждения правильности своего выбора. По-видимому, это характерно для студентов 1 курса, которые еще не до конца доверяют себе, управляют собой, им нужен контроль, что требует кураторства преподавателей.

С высоким уровнем доверия к себе в группе оказалось 55% студентов. Это студенты, которые способны отстаивать свои границы под давлением внешних обстоятельств, имеют уверенное поведение на пути достижения цели, основанное на убеждении в правильности и ценности выбранного ими пути. Обладают высокой оценкой своих возможностей и способностью ориентироваться в ситуации, выбирать приемлемые способы реализации целей в соответствии с условиями в каждой конкретной ситуации. Можно предположить, что такие студенты поступили в университет, имея более четкие цели, проявляют уверенность в себе, умеют отстаивать свое мнение, проявляют правильность своего выбора будущей профессии, отличаются более высоким уровнем доверия к педагогам, активностью и самостоятельностью. Именно эти студенты проявили социальную активность, участвовали в волонтерской деятельности, а также во многих мероприятиях на факультете и в университете.

Вывод

1. Значение доверия, как социально-психологического феномена студентов, важно так как группа чувствительна к доверительным отношениям внутри образовательной среды и склонна реагировать на взаимоотношения в студенческой среде. Доверие к себе может рассматриваться как ресурс формирования у студента

самостоятельной, аутентичной, подлинно субъектной позиции в жизни.

2. Высокий уровень доверия студентов позволяет им проявлять социальную активность. По мере усиления близости общения в учебе, более тесном знакомстве студентов, а также участием в волонтерской деятельности количество критериев недоверия снижается, а доверия – растет.

3. Эмпирически выявлено, что доверие к себе преобладает у студентов 1 курса, а основной типологией доверия является максималист, что соответствует возрастному этапу развития личности. Показано, что доверие и недоверие занимают особое место среди регуляторов социальной активности, что особенно заметно в волонтерской деятельности студентов.

Литература

1. *Антоненко И.В.* Социально-психологическая концепция доверия. М.: Флинта, Наука, 2006.
2. *Астанина Н.Б.* Создание и апробация нового личностного опросника «Методика изучения доверия к себе» [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2010. № 3. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2010/n3/Astanina.shtml (дата обращения: 03.05.2018)
3. *Баранов А.А.* Уверенность личности в себе и доверие к другому // Зависимость, ответственность, доверие: в поисках субъектности. Материалы Международной научно-практической конференции. Кн.1. М.–Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2004. С.105–106.
4. *Бушмакина О.Н.* Конструкт «доверия» в концепте пост современного общества // Зависимость, ответственность, доверие: в поисках субъектности. Материалы Международной научно-практической конференции. Кн. 1. М.–Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2004. С. 9–13.
5. *Купрейченко А.Б.* Психология доверия и недоверия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
6. *Пухарева Т. С.* Психологические особенности доверия к себе и к другим у будущих юристов на этапе профессионального обучения в вузе: автореф. дисс.к.психол.н., Ростов-на-Дону. 2011.
7. *Скрипкина Т.П.* Психология доверия. М.: Издательский центр «Академия», 2013.
8. *Селигман М.* Новая позитивная психология. М., 2006.

Отношения референтности как фактор развития социальных навыков у студентов с ОВЗ

*Павлов Э.Е.
ФГБОУ ВО МГППУ
edward_pavlov@mail.ru*

Проблема социальной адаптации людей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) все чаще становится предметом психологических исследований. Во-первых, достаточно много детей и взрослых с особенностями развития нуждается в психологической поддержке. Во-вторых – психологи и педагоги все больше обращают внимание на эффективность социально-психологических средств помощи таким людям. Для того, чтобы индивид успешно адаптировался в обществе, необходимо, чтобы у него был достаточный для этого уровень развития социальных навыков – то есть уверенного умения совершать действия, необходимые для адекватного решения повседневных задач. Только тогда можно рассчитывать на его нормальное взаимодействие с другими людьми. Однако приобретение социальных навыков сильно затруднено у части людей с ОВЗ, в связи с их интеллектуальными и физическими особенностями. Именно поэтому создаются образовательные учреждения, в том числе – колледжи, включающие программы обучения и воспитания студентов с ОВЗ. Перед педагогическим коллективом такого колледжа стоит задача выпустить не только квалифицированного специалиста, но и развитую, социально адаптированную личность. Поэтому психолого-педагогические исследования в данной предметной области во многом направлены на поиск эффективных путей социализации студентов с ОВЗ.

Наиболее известными в настоящее время являются следующие психолого-педагогические подходы к разработке эффективных средств обучения социальным навыкам.

1. Экологические изменения. Подход основан на изменении структуры деятельности индивида – например, его распорядка дня, видов занятости. Существенным средством повышения эффективности обучения студента является изменение состава группы, в которой он обучается (например, инклюзивное образование) [2].

2. Использование сопутствующих навыков. Подход основан на том, что индивид обучается игровым и учебным навыкам (чтение,

письмо и т.д.), которые предполагают его взаимодействие с другими людьми [4].

3. Использование референтной группой сверстников происходит за счет общения между особенными студентами и обычными, которые развиваются традиционно, то есть являются более компетентным в общении [2].

4. Комплексный подход, который предполагает сочетание нескольких средств повышения эффективности социальной адаптации [4].

Как видим, в каждом из подходов содержится социально-психологический аспект – то есть учет влияния на человека с ОВЗ не только взрослых и референтных для него людей (педагога, психолога, родителей), но и сверстников, прежде всего – одноклассников. Это позволяет предположить, что эффективность развития социальных навыков у особенных студентов в процессе их взаимодействия с референтным окружением во многом определяется общими закономерностями развития личности.

Методологически это можно объяснить с помощью идей Л.С. Выготского, в первую очередь – заложенных в его культурно-исторической концепции. Также важным методологическим основанием для изучения влияния референтного окружения на развитие социальных навыков у особенных детей являются данные о происхождении высших психических функций.

В частности, Л.С. Выготский предлагает в психолого-педагогической работе по развитию дефективного ребенка «...отправляться от общих законов детского развития, а потом изучить их своеобразие в приложении к ненормальному ребенку» [1, с. 196-219]. В связи с тем, что психические функции первоначально возникают как интерпсихические, индивид сначала усваивает социальный способ поведения, а затем только начинает самостоятельно его использовать.

Кроме того, развитие особенного ребенка часто идет «не по прямым, а по обходным путям» [1, с. 206]. Примером может служить добровольное объединение в неформальные группы, отстающих детей с различным уровнем умственного развития, что свидетельствует о референтности такой группы для ее членов. В подобных группах ребенок с более развитым интеллектом способен «проявить свою социальную активность в отношении менее одаренного и активного. Последний, в свою очередь, черпает в социальном общении с более активным то, что ему еще недоступно, что нередко является неосознанным идеалом, к которому стремится интеллектуально недостаточный ребенок» [1, с. 208]. С точки зрения социальной

психологии, здесь можно говорить о взаимной референтности детей в группе: менее компетентный ребенок нуждается в лично-значимой для него информации, которую он стремится получить от более компетентного в социальном плане индивида.

Подробнее механизм отношений референтности с точки зрения культурно-исторической теории Л.С. Выготского рассмотрен в работе О.Б. Крушельницкой, где подчеркивается, что основной функцией референтности является лично-развивающая [3].

Понятно, что в работах Л.С. Выготского речь идет о развитии детей, а не студентов колледжа, многие из которых достигли раннего юношеского возраста. Тем не менее, на наш взгляд, высказанные Л.С. Выготским идеи являются методологической основой, исходя из которой можно эффективно разрабатывать средства повышения социальной адаптации студентов с ОВЗ на основе включения их в социально значимую деятельность. При этом развитие социальных навыков у студентов с особенностями происходит более эффективно.

Литература

1. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5. Основы дефектологии. М.: Педагогика, 1983. 369 с.
2. *Кондратьев Ю.М., Расходчикова М.Н.* Социально-психологическая соотнесенность интегративных и инклюзивных образовательных программ [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2013. №2. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2013/n2/61309.shtml (дата обращения: 25.08.2015)
3. *Крушельницкая О.Б.* Феномен референтности с точки зрения культурно-исторической теории Л.С. Выготского // Культурно-историческая психология. 2014. Т.10. №3. С.30–37.
4. McFall R. A review and reformulation of the concept of social skills. *Behavioral Assessment*, 1982. Vol. 4, pp. 1–33.

Социально-психологические особенности мотивации первокурсников

Патракеева О.В., Расходчикова М.Н.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
opatrakeeva@gmail.com, rashodchikovam@mgppu.ru

Проблематика особенностей учебной мотивации важна для будущих работодателей, так как на современном рынке труда

востребованность «своего» студента как будущего специалиста достаточно велика. При этом эффективность учебного процесса в будущем в вузе, связана с тем, насколько высока учебная мотивация у школьников. Актуальность изучения особенностей учебной мотивации непосредственно связана с тем обстоятельством, что старшеклассники современных школ имеют довольно слабые представления о своей будущей профессии, у большинства наблюдается низкая учебная мотивация. Присутствуют такие явления, как несоответствие ожиданий с реальным содержанием учебного процесса [1].

Важно учитывать, что учебную мотивацию образует система мотивов, состоящая из стремлений, интересов, мотивационных установок, познавательных потребностей, целей, идеалов и других структурных компонентов, определяющих особенности мотивации учебной деятельности и придающие ей активность, содержательный смысл и целенаправленность.

Процесс обучения студентов в вузе и качество их профессиональной подготовки во многом зависит от желания обучаться конкретной профессии, от их потребностей в новых знаниях, новой информации, от мотивации учения. Студенческий период жизни совпадает с наибольшими потенциальными возможностями человека. Студент стремится к профессиональной самореализации и успеху, он наиболее мобилен, может сформировать свой путь к достижению целей в выполняемой деятельности, и, в первую очередь, на это влияет мотивация достижения успеха в учебной и профессиональной деятельности [3]. Для изучения учебной и профессиональной мотивации были опрошены студенты 1 курса ФГБОУ ВО МГППУ в количестве 33 человек. Нами была использована методика диагностики учебной мотивации студентов (А.А.Реан и В.А.Якунин, модификация Н.Ц. Бадмаевой) [2]. Цель применения данной методики – диагностика учебной мотивации студентов, а именно коммуникативных, профессиональных, учебно - познавательных, широких социальных мотивов, а также мотивов творческой самореализации, избегания неудачи и престижа. Результаты обрабатывались по семи шкалам, где необходимо было высчитать средний показатель по каждой шкале опросника. По итогам проведения методики у первокурсников мы получили следующие результаты: профессиональные и учебно-познавательные мотивы преобладают у студентов первого курса над остальными мотивами. Следовательно, студенты ориентированы на изучение учебной программы, для того чтобы успешно обучиться своей будущей профессией и стать квалифицированным психологом. При этом стоит

отметить недостаточное понимание испытуемыми студентами особенности психологической профессии, позволяющей самореализовать свой личный творческий потенциал. Продуктивность деятельности психолога в большой степени зависит от уровня развития его творческого потенциала, который проявляется в оригинальности и гибкости мышления, способности находить нестандартные решения возникающих профессиональных задач, способности к созидательной деятельности, творческой инициативе.

Литература

1. *Асеев В.Г.* Мотивация поведения и формирования личности. М., 2016.
2. *Бадмаева Н.Ц.* Влияние мотивационного фактора на развитие умственных способностей: Монография. Улан-Удэ, 2004.
3. *Расходчикова М.Н.* Взаимосвязь этапов вхождения в ученическую группу и статусной позиции старшеклассников и студентов: Автор...канд. психол. наук. М., 2009. 24 с.

Бифобия как социально-психологический феномен в контексте образовательного учреждения

*Попович Ю.А.
ГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
juliaropovichpsy@yandex.ru*

В образовательном русле действуют различные документы и нормы, в том числе и декларация принципов терпимости, которая была принята на генеральной конференции ЮНЕСКО в 1995 году. В образовательных учреждениях чаще всего обращают внимание на остросоциальные проблемы, решение которых пропагандируется государственной политикой. На данный момент, идет упор на поликультурное образование, которое позволяет людям с разной этнической, религиозной принадлежностью быть не изолированными от отличающихся от них по этому параметру людей [2]. Но концентрация на одной проблеме не позволяет увидеть другие, не менее важные и требующие решения, вопросы. Одним из них является блок проблем, связанный с сексуальностью.

Не секрет, что есть проблемы и отклонения, связанные со сферой сексуальности, которые в целом можно описать термином

«трансгендерность». Расхождение биологического и социального пола свойственно для представителей всех культур, религиозных убеждений, полов, возрастов и других переменных. Несмотря на то, что это достаточно острая проблема, попытки ее решения до сих пор остаются «дикивинкой», по крайней мере, в России. А так как большинство ценностей формируется в школьном возрасте, и образование играет очень важную роль в этом, то и проблемы, связанные с сексуальностью, должны решаться на этом уровне. Гомофобия довольно распространенное явление в Российской Федерации, это можно увидеть даже на законодательном уровне – закон о «пропаганде нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних». В научной литературе описан такой феномен как бифобия – неприятие людей, испытывающих влечение к людям двух гендеров [3].

О бисексуальности в русле психологии написан ряд работ (Кинси А., Кон И.С., Фрейд З. и т.д.), но, несмотря на то, что на Западе это тема начинает набирать популярность, в российском научном сообществе эта тема не получила признания, если судить по масштабам.

Американская психологическая ассоциация в 1974 году утвердила, что бисексуальность, наряду с гетеро- и гомосексуальностью, является устойчивой моделью эмоционального, романтического и сексуального поведения к представителям обоих полов и не представляет собой болезнь, какого-бы ни было плана. Однако бифобия является распространенным феноменом и проявляется как со стороны гетеросексуальных людей, так и гомосексуальных. В первом случае, она идентична гомофобии. Но почему гомосексуальные люди, на которых оказывается давление общества, сами становятся угнетателями для бисексуалов? Бифобию можно рассматривать как форму ксенофобии. Она имеет фундамент из иррациональных стереотипов, ее основа – заблуждения и пробелы в науке и образовании. Все могут стать жертвами этих вещей, поэтому даже угнетаемые группы, в данном случае – гомосексуалы, могут становиться угнетателями для других меньшинств. Человек привык делить людей на «своих» и «чужих», и там, где для него проходит эта незримая граница, заканчивается и толерантность по отношению к другим.

Социальные психологи связывают ксенофобию с авторитарным типом личности. Авторитарная личность – человек, безусловно подчиняющийся властям и авторитетам, при этом желающий подавлять более слабых по средствам унижений [1]. Для таких людей

нет понятия «равенство», всегда есть люди, наделенные и не наделенные властью.

Бифобия, будучи частью ксенофобии, основана на страхе людей быть той личностью, которой они являются, а также на желании подавлять те социальные общности, которые защищены наименьшим образом. С точки зрения франкфуртской школы, это помогает людям справиться с их внутренними конфликтами и принятием себя. А для людей с гомосексуальной ориентацией, на которых «давит» гетеросексуальное общество, это способ вымещения обиды и подавленной агрессии.

Как и в случае с гомосексуальными детьми и подростками, бисексуальные подвергаются стигматизации, исходящей от других детей. Разумеется, нельзя делить буллинг и его последствия на более и менее травмирующий, но все-таки предположим, что травля по признаку сексуальной ориентации является одной из наиболее болезненных, т.к. сексуальность является более интимной сферой, чем этническая и национальная принадлежность. Значит, и профилактика агрессивного поведения к школьникам-бисексуалам является одной из важнейших задач педагогов-психологов, занимающихся формированием толерантности.

Литература

1. *Адорно Т.* Исследование авторитарной личности. М.: Астрель, 2012.
2. *Хухлаева О.В., Хакимов Э.Р., Хухлаев О.Е.* Поликультурное образование. Учебник для бакалавров». М.: ЮРАЙТ, 2014.
3. *Eliason M.J.* The prevalence and nature of biphobia in heterosexual undergraduate students // Archives of Sexual Behavior. 1997. V.26 (3), pp. 317-326.

К вопросу о влиянии стиля воспитания в семье на одаренность детей

*Рунов И.А., Мешкова Н.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
runovia@26kadr.ru*

На сегодняшний день большинство психологов согласны с тем, что уровень и характер развития одаренности и одаренного ребенка являются результатом сложного взаимодействия природных задатков

и социокультурной среды. При этом особое значение имеют также и собственная активность ребенка и психологические механизмы саморазвития личности, находящиеся в основе формирования и реализации одаренности.

Опыт зарубежных авторов показывает, что самое негативное влияние не только на проявление и развитие интеллектуального потенциала одаренного учащегося, но и на дальнейшую его профессиональную жизнь оказывает сочетание некомпетентности в области одаренности у педагогов и родителей. Важно, что отсутствие знаний об особенностях одаренных детей приводит к тому, что родители не могут оказать помощь таким детям, которая могла бы ориентировать их на дальнейшие достижения [1]. Например, J. Mudrak и K. Zabrodská [2] проанализированы две группы неуспешных взрослых, считавшихся в детстве одаренными детьми. Оказалось, что стратегии, которые использовали учителя и родители во взаимодействии с детьми, были идентичными. Так, учащиеся из первой группы подвергались постоянному давлению со стороны взрослых, т.к. и родители, и учителя ожидали немедленные результаты от вовлечения своих подопечных в соревнования с другими учащимися. В результате дети потеряли всякий интерес к учебе и в дальнейшем выбрали профессию, не связанную с их способностями. К детям из второй группы также с высокими достижениями в учебе, но при этом не испытывающим никаких трудностей в учебе в младшем школьном возрасте, как родители, так и учителя не проявляли никакого внимания. По мере усложнения материала в учебе, требовавшего приложения усилий и занятий, подростки воспринимали возникающие трудности в учебе как то, что их потенциал закончился, что привело к потере мотивации к учебе [2]. Зарубежные авторы, изучавшие учащихся с низкой мотивацией достижения, показали, что только грамотная помощь и поддержка одновременно родителей и учителей способствуют реализации высокого интеллектуального потенциала в академические достижения у таких детей [3].

Понятно, что дети с высоким интеллектуальным потенциалом нуждаются в особых семейных условиях. Отношение родителей к одаренному ребенку, оценка уровня его способностей, их представления об одаренности, состав семьи, образование родителей, семейный климат оказывают влияние не только на реализацию потенциала в академических достижениях, но и на социальную компетентность детей. Исследования демонстрируют наличие общих социодемографических характеристик в семьях различной культурной принадлежности, оказывающих позитивное воздействие на

одаренность детей: высшее образование родителей в сочетании с теплым отношением к ребенку, поддержкой, но при отсутствии доминирующего контроля над ним [1].

Учитывая все вышесказанное, представляется важным исследовать, какие стили воспитания в семье наиболее продуктивны для одаренных младших школьников. Для этой цели мы выбрали следующий блок методик: опросник Рензулли «Поведенческие характеристики одаренных детей», методику анализа семейного воспитания Эйдемиллера и Юстицкиса, тест креативности Торренса и «Прогрессивные матрицы Равена».

Литература

1. *Мешкова Н.В.* Зарубежные исследования одаренности: социально-психологический аспект [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2015. Т.4. №1. С.26–44. URL: <http://psyjournals.ru/jmfp/2015/n1/76175.shtml>
2. *Mudrak J., Zabrodska K.* Childhood Giftedness, Adolescent Agency: A Systemic Multiple-Case Study // Gifted Child Quarterly. 2015. Vol. 59, no. 1. P. 55–70.
3. *Ziegler A., Stoeger H.* The role of adaptation and regulation processes in the acquisition of excellence: The role of educational and learning capital // Motivation, self-regulation, and excellence (promoting talent – developing expertise – achieving excellence). Muenster: LIT. 2011. Vol. 9. P. 131–152.

Проблема адекватности восприятия межличностных отношений в школьном возрасте

Сафонова С.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
Hobbits@bk.ru
Сачкова М.Е.
ФГБОУ ВО РАНХуГС, Москва
sachkova@list.ru

Проблема адекватности восприятия межличностных отношений является крайне актуальной на сегодняшний день. Это связано с тем, что межличностное взаимодействие является неотъемлемой частью жизни человека, поэтому более глубокое его изучение может способствовать нахождению оптимальных путей по развитию

межличностных процессов, избеганию конфликтных ситуаций, налаживанию социально-психологического климата в организациях разного типа, в том числе, образовательных учреждениях. Несомненно, важно изучать и адекватность межличностных отношений, т.к. правильно выстроенная социальная перцепция в ученических группах способствует не только оптимизации самых отношений учеников, но и может стать залогом в целом успешной образовательно-воспитательной деятельности подрастающего поколения.

В отечественной психологии проблемой межличностных отношений и их адекватности у школьников и студентов занимались Я.Л. Коломинский [1], М.Ю. Кондратьев [2; 3], Ю.М. Кондратьев [3; 4], М.Е. Сачкова [5] и другие авторы. В работах были обнаружены факторы и особенности, присущие разным возрастам. Было установлено, что с возрастом адекватность восприятия начинает расти, потому что человек развивается, он начинает глубже осознавать, что в принципе из себя может представлять межличностное взаимодействие, у него развиваются и обогащаются межличностные отношения, растет уровень рефлексии. Если в 1-2-м классах более привлекательным для сверстника обычно является ученик, имеющий успехи в учебе, то к 4-му классу, положение ребенка в классе будет зависеть больше от его личностных качеств и от особенностей группы. В средней школе адекватно себя и остальных воспринимают только среднестатусные и высокостатусные учащиеся. В старшей школе у учащихся адекватность восприятия находится на высоком уровне, у них полноценно функционируют межличностные отношения, они становятся все более избирательными и значимыми для школьников.

На наш взгляд, адекватность восприятия отношений в группе напрямую связана со статусом человека в контактном сообществе. Более адекватно воспринимают себя и окружающих чаще всего среднестатусные дети, они довольно популярны в классе, не страдают неадекватной самооценкой и доброжелательно настроены ко всем остальным членам группы. Высокостатусные и низкостатусные же индивиды могут испытывать сложности с самовосприятием, иметь неадекватно завышенную или заниженную самооценку, не принимать свое место в классе, мысленно его принижать или завышать свое статусное положение. В связи с этим целью нашего исследования в рамках магистерской диссертации является выявление уровня адекватности межличностного восприятия у разных статусных категорий учащихся, находящихся на разных этапах обучения в школе. Нами будут исследованы учащиеся 4, 6 и 8 классов. Данные

возрастные категории выбраны были нами для того, чтобы посмотреть динамику изменений и сравнить результаты на переходных ступенях обучения. Данное исследование будет проводиться с помощью комплекса социально-психологических методик, включающего социометрию, аутосоциометрию, референтометрию, аутореферентометрию и методический прием определения неформальной интрагрупповой структуры власти в контактном сообществе.

Полученные результаты и зафиксированные зависимости будут представлять интерес для школьных психологов, потому что благодаря данной информации можно будет найти более оптимальные пути взаимодействия с детьми разных статусных категорий и наладить их взаимодействие. Эта работа возможна благодаря более глубокому пониманию процессов взаимодействия между разными статусными слоями и возрастными особенностями детей и подростков в школьных классах.

Литература

1. *Коломинский Я.Л.* Социальная психология взаимоотношений в малых группах. Минск, 2000.
2. *Кондратьев М.Ю.* Социальная психология закрытых образовательных учреждений. СПб., 2005.
3. *Кондратьев М.Ю., Кондратьев Ю.М.* Психология отношений межличностной значимости. М., 2006.
4. *Кондратьев Ю.М.* Социальная психология студенчества. М., 2006.
5. *Сачкова М.Е.* Социальная психология среднестатусного учащегося. М., 2017.

Взаимосвязь особенностей детско-родительских отношений с уровнем креативности детей дошкольного возраста

*Стриго А.А. Красило Т.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
tkrassilo@yandex.ru, Lyale-chka@yandex.ru*

В настоящее время креативность выступает одним из важнейших факторов успешности человека. В наше время происходит острая борьба за талантливых и творческих людей во всех сферах – культуре, экономике, политике и различных сферах профессионально-трудовой

деятельности. Креативность – необходимое свойство личности, которое помогает ориентироваться в современном мире, быстро осваивать и самому придумывать новое. По этой причине будущее остается за креативными людьми, способными на творческую самореализацию, а становление их происходит именно в семье. Дошкольное детство представляет собой сензитивный период становления креативности ребенка. В связи с этим нашей задачей стало изучение взаимосвязи особенностей детско-родительских отношений с уровнем образной и вербальной креативности детей дошкольного возраста.

В исследовании, проводившемся в 2016-2018 гг., приняли участие 74 ребенка в возрасте 5-7 лет и их родители. Нами были использованы опросник родительских отношений А.Я. Варга и В.В. Столина и методика «Рисунок семьи» для определения особенностей детско-родительских отношений, тест Е. Торренса для определения уровня образной креативности и тест Е.Е. Туник для определения уровня вербальной креативности детей.

Исследование показало, что 59% родителей придерживаются стиля воспитания «Симбиоз», 25% – «Авторитарная гиперсоциализация», 9% – «Кооперация» и 7% – «Маленький неудачник». По показателям образной креативности 22% детей имеют высокий уровень креативности, 68% – средний уровень и 10% – низкий уровень. По показателям вербальной креативности 18% детей имеют высокий уровень креативности, 38% – средний и 44% – низкий уровень.

Изучение взаимосвязи особенностей детско-родительских отношений с уровнем креативности показало, что существует отрицательная значимая взаимосвязь между шкалой «Маленький неудачник» и уровнем образной креативности, а также уровнем вербальной креативности. Таким образом, чем больше родитель инфантилизирует, старается оградить ребенка от трудностей и строго контролирует его действия, тем ниже у ребенка уровень образной и вербальной креативности ($p \leq 0,05$). Также существует отрицательная значимая взаимосвязь между шкалой «Кооперация» и образной креативностью ($p \leq 0,05$). Это свидетельствует о том, что социально желательный стиль родительского отношения может препятствовать развитию способности ребенка давать уникальные ответы, которые требуют «творческой силы» и детально разрабатывать их.

Большинство существующих программ обучения и развития детей ориентированы преимущественно на их интеллектуальное развитие. Однако в настоящее время система образования переходит из логики репродуктивного усвоения материала к логике проектной деятельности, которая предполагает определенный уровень

креативности, закладывающийся, по нашему мнению, в семье. Повышение компетентности родителей в вопросах воспитания и развития детей является важнейшей задачей, решение которой предусмотрено в ФГОС ДО. В связи с этим необходимо повышать психолого-педагогической культуру родителей, с целью формирования у них умения направлять ребенка к поиску творческого начала.

Исследование самооценки и статусной позиции школьников в творческой сфере

*Федорова М.Д., Расходчикова М.Н.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
rishaari@mail.ru, rashodchikovamn@mgppu.ru*

В процессе своего становления человек постоянно получает оценку своим поступкам и действиям как со стороны окружающих людей, которые занимают важное место в его жизни, так и от общества в целом. На основании этих позиций в течение социализации происходит развитие самооценки, которая оказывает существенное воздействие на функционирование особых компонентов психической активности личности как самодисциплины и самоконтроля. Самооценка индивида является компонентом Я-концепции личности, а точнее его оценочной стороной. Я-концепция представляет ядро личности и основывается на знаниях, которые были получены в течение жизни человеком представлений о себе и под непосредственным влиянием его самооценки [4]. Самооценка влияет на все сферы жизни человека, его жизненные установки. Она начинает формироваться с раннего детства и сопровождается эмоциональными переживаниями. Она может быть адекватной или неадекватной, в последнюю входят два вида самооценки: завышенная и заниженная. Будет человек жить в гармонии с окружающим миром, и насколько удачно он выстроит взаимоотношения с другими зависит от оценки самого себя [1].

В современной социальной психологии, в частности, если речь идет о малых группах, мы не можем не упомянуть о трехфакторной модели А.В. Петровского, в которой фигурирует такое понятие как «значимый другой». «Значимый другой» — личность, оказывающая влияние на других людей, что выражается в качественном изменении их смысловых образований и поведенческой активности» [цит. по: 2]. В теории имеется три фактора обозначающиеся как референтность,

аттракция и власть. По методикам «Социометрия», «Референтометрия» и «Определение неформальной интрагрупповой структуры власти» можно отследить «звезд» по каждому фактору соответственно [3]. В своем исследовании мы решили посмотреть различия между уровнем самооценки статусной позицией у школьников, которые состоят в творческом (театральном) кружке и не посещают студию.

Эмпирические данные были собраны в феврале 2018 года. Исследование проводилось в групповой форме. Выборка составила 24 человека в возрасте от 12 до 15 лет. Цель работы – провести исследование взаимосвязи самооценки и статусной позиции школьников, которые состоят в творческой группе. Объект исследования – самооценка и статусная позиция. Предмет исследования – взаимосвязь интегрального статуса и самооценки школьников. Гипотезой выступило предположение о том, существуют различия между интегральным статусом и уровнем самооценки подростков, посещающих творческую студию и не посещающих. Для исследования уровня самооценки у школьников мы использовали методику Дембо-Рубинштейн (адаптация А.М. Прихожан), а также методики на изучения статусных позиций школьников в своем классе, такие как: «Социометрия», «Референтометрия» и «Определение неформальной интрагрупповой структуры власти». Результаты всех методик были определены в номинативной шкале измерений. Для методики на самооценку были использованы категории: завышенный уровень, высокий, средний, заниженный, а для остальных методик на статусные позиции школьников использовались такие категории, как: высокий, средний, низкий.

В творческой группе выявлено преобладающее большинство (66,7%) респондентов с высокой самооценкой, что является адекватной самооценкой, так как она не занижена и не завышена. В группах не выявлено значимых различий в интрагрупповом статусе. Показатели интрагруппового статуса свидетельствуют о том, что в творческой группе больше процент среднестатусных. Уровень притязаний в творческой группе намного выше, чем в обычной группе. Наша гипотеза исследования подтвердилась частично: значимые различия в самооценки у творческой и обычной группы есть, но по статусным позициям различия оказались незначимыми.

Литература

1. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. М.: «Прогресс», 1986.

2. *Кондратьев М.Ю.* Психология отношений межличностной значимости. М.: ПЕР СЭ, 2006.
3. *Расходчикова М.Н.* К проблеме соотнесенности интрагруппового статуса развивающейся личности и этапа ее вхождения в ученическую группу// Социально-психологические проблемы образования: вопросы теории и практики. Вып. 6. М., 2008. С. 70-74.
4. *Столин В.В.* Самосознание личности. М.: Изд. Московского Университета, 1983.

Взаимосвязь социального интеллекта и психологического благополучия у школьников с ограниченными возможностями передвижения

*Харитонов А.Б., Орлов В.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
garitonov@gmail.com, vladimirorlov@bk.ru*

В современном мире все больше внимания уделяется лицам с ограниченными возможностями здоровья в целях их вовлечения в социум и полноценного функционирования и развития как личности. Общество недооценивает их потенциал и личностные ресурсы, между тем как их реализация может обогатить социокультурную среду и внести вклад в развитие экономики. В 2015 году по данным ЮНЕСКО, два миллиона российских детей имеют особенности в физическом и психологическом развитии. Изоляция лиц с ОВЗ и отсутствие профилактики иждивенчества приводит к многомиллионным убыткам со стороны государства.

В этой связи следует выделить в особую группу детей с ограниченными физическими возможностями без дефектов в умственном развитии. Ведь у этой категории есть все возможности для профессиональной реализации. К этой категории относятся и дети с несовершенным остеогенезом – генетическом заболеванием, влияющим на хрупкость костей. Из-за большого числа переломов к подростковому возрасту более 32% [2] из них весьма ограничены в передвижении и вынуждены использовать инвалидную коляску. Обучение для таких детей ведется на дому или дистанционно.

Целью нашего исследования была попытка обнаружить взаимосвязь между социальным интеллектом и психологическим благополучием детей и подростков с несовершенным остеогенезом.

При этом под психологическим благополучием понимается: интегральное социально-психологическое образование, включающее оценку и отношение человека к своей жизни и самому себе [4]. Это характеристика личности, которая связана с социальными аспектами развития личности и эмоциональным интеллектом [3; 4]. Исследованиями целого ряда следующих ученых подтверждена связь социальных факторов с личностью индивида.

Так, по мнению Д.В. Ушакова показатели социального интеллекта связаны с личными особенностями людей, проявляющимися в социально-психологическом взаимодействии [1].

А. Кепалайте установлены связи интеллекта (измеренного с помощью WAIS) с преобладающим эмоциональным состоянием. Жизнерадостность, оптимизм помогают в решении задач. Испытуемые с депрессивными переживаниями менее успешно справляются с невербальными заданиями [2].

Големан также популяризировал соединение эмоционального и социального интеллектов и утверждал, что развитой эмоциональный интеллект считается умением или способностью идентифицировать, оценивать и управлять своими эмоциями, а также эмоциями других людей или групп [1].

В исследовании Н. Радхакришнана «Могут ли социальные навыки предсказать благополучие?», приведены результаты исследований с помощью методик: К. Рифф «Шкала психологического благополучия» и «Оценка жизненных навыков». Ученый пришел к мнению, что социальные навыки всегда связаны с уверенностью в себе, а также со стремлением быть любимым, чувствовать себя принятым [3; 4].

В рамках диссертационной работы было проведено исследование влияния социальных факторов на уровень психологического благополучия у детей с ограниченными возможностями передвижения. Выборка составляла 30 школьников с несвершенным остеогенезом, обучающихся на дому или дистанционно. Результаты исследования показали, что у таких детей затруднено взаимодействие с социальной средой. Так, 90% детей испытывают сложность в формировании позитивных отношений с окружающими, 76% имеют показатель по шкале «Самопринятие» ниже нормы, 80% имеют показатель ниже нормы по шкале «психологическое благополучие».

Показатели по методике Дж. Гилфорда «Социальный интеллект» также показывают, что подавляющее большинство (около 87%) школьников с несвершенным остеогенезом имеют низкий уровень развития социального интеллекта.

Таким образом, общий уровень психологического благополучия и социального интеллекта у детей с ограниченными возможностями

передвижения (на нашей выборке – 30 человек) в целом оказался ниже нормы. Дополнительно на основании проведенного анализа полученных данных сделано предположение о влиянии социальной изоляции и семейной ситуации на перечисленные параметры, которое требует дальнейшего анализа в рамках перспективного исследования.

Литература

1. Азбука социального психолога-практика. М.: ПЕР СЭ, 2007.
2. Пономарева К.А. Социокультурная деятельность как фактор социализации детей с ограниченными возможностями. // Научно-исследовательские публикации. г. Воронеж, 2014. №10 (14).
3. Segrin C., Hanzal A., Donnerstein C., Taylor M. & Domschke T.J. Social skills, psychological well-being, and the mediating role of perceived stress // Psychology of Well-Being. 08 Aug. 2007. P. 321-329.
4. Wigtil C.J., Henriques G.R. The Relationship Between Intelligence and Psychological Well-Being in Incoming College Students // Psychology of Well-Being. December, 2015.

Психологические особенности представлений студентов о патриотизме

*Шарабарин Д.В., Крушельницкая О.Б.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
denis-sh92@yandex.ru, social2003@mail.ru*

На современном этапе развития российского общества одним из актуальных вопросов является психологически обоснованное воспитание патриотического сознания детей и молодежи [2; 3]. За последние десятилетия характер общественных процессов в нашей стране, идеологических ориентиров и мировоззренческих ценностей людей сильно изменились. В то же время, без глубокого понимания отношения современных юношей и девушек к патриотизму, а также роли и места патриотизма в общественной жизни, невозможно безошибочно определить отношение молодежи к отечественной истории, культуре, интернационализму и национализму, к стратегиям возрождения России, обеспечению ее безопасности и защиты. Поэтому одной из актуальных для психологического исследования

тем является изучение особенностей представлений людей о патриотизме.

Представления о патриотизме в различных слоях современного российского общества неоднозначны. Существуют как положительные, так и отрицательные суждения по поводу значения понятия «патриотизм»; также можно выделить различные аспекты отношения к этому явлению. Очень важно изучение представлений о патриотизме у студентов – людей, которые уже сейчас во многом определяют идеологический и моральный облик страны, ее устойчивость к внутренним и внешним опасностям, а в недалеком будущем станут передовым отрядом развития государства и будут формировать общенациональную идеологию. Результаты такого исследования позволят более эффективно строить программы развития истинного патриотизма у школьников и студенческой молодежи.

Представления детей, подростков, юношества и молодежи о патриотизме рассматриваются в работах многих современных исследователей (Э.М. Андреев, В.Л. Дубровин, И.Е. Кузьмина, Кузьмина И. Е., Подольская Л. П., Ялышева И. А., Н.В. Муращенкова, А.С. Панарин, П.М. Рогачев, О.Е. Хухлаев и др.). Изучаются структурные элементы представлений об экстремизме и патриотизме, вопросы идентификации личности с Родиной, особенности соотношения патриотизма и национализма. Большинство исследований имеют философский, социологический или педагогический характер. Результаты социально-психологических исследований в научной литературе можно встретить гораздо реже [3; 4]. Особенности патриотического сознания зависят от многих характеристик индивида (ценностные ориентации, особенности семейных отношений, личностная зрелость и пр.). Они в значительной мере обусловлены убеждениями и социальными установками, в том числе социально-психологическими установками личности в мотивационно-потребностной сфере.

Учитывая высокую актуальность и недостаточную разработанность данной темы, мы предприняли собственное исследование представлений студентов о патриотизме. Его участниками стали 245 студентов различных московских вузов, в возрасте от 17 до 23 лет (96 юношей и 149 девушек). Методические средства исследования – опрос, анкетирование, тестирование, статистическая обработка данных с помощью программного пакета SPSS.

Результаты пилотажного исследования показали, что большинство опрошенных считают наиболее правильным такое определение слова

«патриот», в котором акцентируется любовь к Отечеству, гордость за его историческое прошлое и настоящее, готовность защищать интересы Родины и сограждан. На втором месте по количеству выборов оказалось высказывание, подчеркивающее, что настоящий патриот должен подмечать недостатки и уметь жестко сказать что-то тяжелое о стране, а не славословить ее. Третье по количеству выборов место получило лаконичное определение патриотизма как любви и преданности Родине. Меньше всего выборов пришлось на определение, утверждающее, что патриотизм – искусственное и неестественное чувство, причина многих конфликтов между народами (различия, согласно критерию χ^2 , значимы на уровне $p \leq 0,05$).

Затем студенты ответили на ряд вопросов, характеризующих их представления о патриотизме. Большинство респондентов, как выяснилось, допускают, что истинный патриот может критиковать власть своей страны, предпочитать зарубежную литературу и искусство отечественным, не знать государственного гимна, не ходить на выборы. Но студенты не считают возможным назвать патриотом человека, равнодушного к родной природе, не интересующегося историей своей страны или стремящегося уехать жить и работать за границу.

Истинный патриотизм, по мнению большинства студентов, проявляется в укреплении семьи и воспитании детей в духе патриотизма, а также в профессиональной работе с полной отдачей сил на благо общества, в конструктивной критике существующих в стране недостатков. Что же касается разговоров и бесед со знакомыми на патриотические темы, голосования на выборах, участия в деятельности патриотических организаций и празднования исторических событий, то они, с точки зрения студентов, не являются свидетельствами истинного патриотизма ($p \leq 0,05$).

Наиболее распространенными признаками, по которым студенты определяют понятие «патриотизм», являются любовь к родному дому, городу и стране; верность национальной культуре, традициям, укладу жизни; национальное самосознание, гордость за принадлежность к своему народу; труд на благо общества. Непримируемость к представителям других наций и народов студенты сочли абсолютно не соответствующими понятию «патриотизм». Кроме того, большинство опрошенных считает, что для современной молодежи патриотизм – это не романтический образ или литературная выдумка, а вполне актуальная система нравственно-политических принципов.

Дальнейшее исследование с помощью «Методики диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере» О.Ф. Потемкиной [1] показало наличие связей

(использовался критерий Спирмена) между представлениями о патриотизме и установками студентов.

Чем сильнее установка на результат деятельности, тем в большей мере студенты считают себя патриотами и выражают уверенность в том, что истинный патриотизм проявляется в укреплении семьи и воспитании детей в духе любви к Родине.

Студенты, ориентированные преимущественно на процесс деятельности, склонны считать, что патриот может предпочитать иностранную литературу отечественной, а признаком истинного патриотизма является голосование на выборах за патриотические партии. Установка на эгоизм положительно связана с убежденностью в том, что патриот может предпочитать иностранную литературу отечественной. Установка на альтруизм положительно коррелирует у студентов с убежденностью в том, что патриотом не может быть человек, не знающий гимна своей страны. Также выявлена отрицательная корреляция между установкой на альтруизм и уверенностью, что истинный патриотизм проявляется в конструктивной критике недостатков в стране.

Девушки, по сравнению с юношами, выражают большую уверенность в том, что патриот должен знать гимн своей страны и не стремится покинуть свою страну навсегда.

Полученные нами данные показывают, что представления о патриотизме наиболее гармоничны для студентов с ярко выраженными установками на альтруизм, труд и результат деятельности. А у студентов с более выраженными установками на процесс деятельности и эгоизм представления о патриотизме характеризуются фрагментарностью и внутренней противоречивостью. Эти результаты, на наш взгляд, можно объяснить социально значимыми возрастными особенностями студентов (обостренным чувством справедливости, особым вниманием к морально-нравственным вопросам, а также стремлением к идеальному, не завершенным формированием личностного самоопределения у части опрошенных). Результаты нашего исследования также свидетельствуют о необходимости дальнейшего изучения представлений студентов о патриотизме, с учетом их социально-психологических личностных качеств. Это позволит, на наш взгляд, сделать важные для разработки программ патриотического воспитания молодежи выводы.

Литература

7. Методика диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере

- О.Ф.Потемкиной / Практическая психодиагностика. Методики и тесты. Учебное пособие. Ред. и сост. Райгородский Д.Я. – Самара, 2001. С.641-648.
8. *Муращенкова Н.В.* Структура социальных представлений молодежи об экстремизме и патриотизме // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал), №12(20), 2012.
 9. Социальная психология образования (учебное пособие). М.: Вузовский учебник, ИНФРА-М, 2015.
 10. *Хухлаев О.Е.* Психология национализма в зарубежных исследованиях // Социальная психология и общество. 2012. № 4. С. 15–29.

Актуальность исследования межличностных отношений современных китайских студентов

*Ян Ибо, Леганькова О.В.
БГПУ имени Максима Танка, Минск, Беларусь
faith285002@163.com, leganykova@mail.ru*

Роль межличностных отношений в процессе взаимодействия индивида с социальной средой – обеспечение адаптации, контроля и изменения неудачных условий, достижение гармоничных отношений между удовлетворением потребностей индивида, социальной среды и государственным балансом (А.А.Амельков, А.А.Бодалев, Я.Л.Коломинский, М.Ю.Кондратьев, В.Н.Мясищев, А.В.Петровский и другие). Анализируя взаимоотношения студентов в разных жизненных сферах (семейной жизни, учебной и профессиональной деятельности, с учетом разнообразия социальных и физических условий и других аспектов) важно определить влияние основных факторов на их эффективность, универсальные и специфические тенденции формирования.

Развитие социальной психологии в Китае, в том числе связано с проблематикой изучения межличностных отношений. На сегодняшний день существует около 20 монографий посвященных межличностным отношениям, межличностному общению и социальному этикету в Китае (Zheng. R, Yu.G и др.), включая исследования психологии межличностного общения студентов университета, взаимосвязи межличностных отношений и трудоустройства студентов и другим проблемам. Больше внимания в них уделяется отношениям студентов колледжей, чем исследованиям

межличностного поведения и адаптации студентов университета. Часть исследований носит междисциплинарный характер (социология, управление и др.). Исследования на этом этапе в основном фокусируются на культивировании межличностных навыков студентов университета и межличностных отношений в общежитии, влиянии сетевой информации и других факторов на межличностные отношения. Тем не менее, пока еще недостаточно исследований влияния учебной группы на отношения между студентами и способов эффективного улучшения межличностных навыков студентов университета.

Надо отметить, что согласно данным социологических исследований, актуальность изучения и психологического анализа динамики сферы социальных отношений между людьми для жителей Китая связана с расширением традиционных сфер взаимодействия и стремлением к получению преимущества в межличностных отношениях [1], при этом в целом в стране растет недоверие между представителями разных социальных ролей, а также к людям в целом, что часто приводит к обострению общественных конфликтов [6].

Культурные связи – постоянный и существенный компонент общения между народами и государствами, в результате чего происходит взаимное обогащение разных культур. В современных условиях активно происходит развитие культурных связей в образовании. Составным элементом межкультурной компетентности выступают культурно-специфические знания, которые служат основой для адекватного толкования коммуникативного поведения представителей иной культуры, предотвращения непонимания и изменения собственного коммуникативного поведения в интерактивном процессе. Одной из наиболее активно реализующих академическую мобильность стран является Китайская народная республика [4].

Китай является ключевым стратегическим и торговым партнером многих стран, в том числе Республики Беларусь. Нарастает экспорт образовательных услуг на уровне высшего образования. Данный факт отражен в активизации исследования адаптации китайских студентов [2; 3; 5]. Таким образом, на настоящий момент является актуальным пополнение знаний об особенностях взаимоотношений китайских студентов как условия профессиональной и личностной социализации.

Научная новизна связана выделением специфики социально психологических характеристик студентов на разных этапах профессионального обучения с учетом культурно-специфических характеристик. Практическая значимость определяется

необходимостью совершенствования социально-психологического сопровождения развития студентов с учётом этнокультурных традиций и национальных особенностей.

Литература

1. В Китае вышла «Синяя книга о социальной психологии» // «ПСИ-ФАКТОР». 10.05.2011. URL: <http://psyfactor.org/news/chinabook.htm>
2. Ван С., Петанова Е.И. Личностные адаптационные ресурсы китайских студентов-первокурсников // Вестник СПбГУ. Сер. 16. 2016. Вып. 3.
3. Даниленко О.И., Сюй Идань Субъективное благополучие китайских студентов на разных этапах обучения в вузах России и Китая // Российский психологический журнал. 2016. Том 13. № 4.
4. Китай принимает больше всего иностранных студентов // Газета «Жэньминь Жибао» он-лайн. 03.04.2018. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2018/0403/c31517-9445353.html>
5. Кошелева Е.Ю. Учебные и поведенческие стратегии китайских студентов: социокультурный анализ // Портрет образовательного мигранта. Основные аспекты академической, языковой и социокультурной адаптации / Научн. ред. Е.Ю.Кошелева. Томск, 2011.
6. «Синяя книга о социальной психологии»: уровень доверия в китайском обществе продолжает падать // Газета «Жэньминь Жибао» он-лайн. URL: <http://russian.people.com.cn/31516/8084134.html>.

IV. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТРЕНИНГ И КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ

Роль групповой психологической работы в развитии интимно-личностного взаимодействия и открытости семейной системы

*Дмитриева И.В., Хаймовская Н.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
ziv77@mail.ru, tatisheva@yandex.ru*

В современном мире сильно меняется роль семьи. Раньше семья была жесткой системой, которая определялась и руководствовалась правилами, передаваемыми из поколения в поколение. И поэтому была стабильной и устойчивой, и в какой-то степени удовлетворяла потребности людей.

В 20 веке вместе с техническим прогрессом начались серьезные изменения, которые мы можем видеть в большинстве западных стран. Совершенно не секрет, что современная семья переживает кризис. Семья больше не является необходимым инструментом. Все больше людей задаются вопросом «А зачем мне вступать в брак?» Ищут и экспериментируют с альтернативными формами брака и супружеских взаимоотношений. Ни для кого не секрет, что в современных семьях происходит заметный процесс эгалитаризации и демократизации отношений. Растет роль личности, ее потребностей, предпочтений и самоопределения [1].

Многие, как отечественные, так и зарубежные исследователи в области семейной психологии, такие как Шнейдер Л.Б., Андреева Т.В., Алешина Ю.Е., Гозман Л.Я., Дубовская Е.М., Сатир В., Витакер К., Лебо М., Лебо Л, Варга А. Я., исследовали эту проблему с разных сторон, предлагая свое видение семейных отношений. Однако, учитывая важность и глобальность происходящих процессов, необходимо продолжать исследования в данной области для нахождения наиболее эффективных и реалистичных решений в этой сфере.

В данной работе мы продолжим изучение семейных отношений и попробуем глубже понять каковы взаимосвязи внутри семейной пары, и что на них влияет, как дать возможность современному браку быть более устойчивым и удовлетворять потребности как отдельных людей, так и общества в целом. И как возможно повышать естественную устойчивость семьи, а не навязанную какими-то нормами извне. От

психологического самочувствия современной семьи и будет зависеть какое поколение будет жить и работать в будущем [3].

Цель нашего исследования заключается в изучении взаимосвязи уровня удовлетворенности браком с такими факторами как интимно-личностное общение в паре и открытость семейной системы. А также рассмотреть влияние групповой психологической работы на интимно-личностное общение в супружеской паре и формирование открытости семейной системы и, на уровень удовлетворенности браком.

По Е.Г. Силяевой «Общение и взаимоотношения супругов в благополучных семьях характеризуют открытость, интимность, доверие друг другу, высокий уровень взаимной симпатии, конструктивность, рефлексивность, гибкий, демократичный характер распределения ролей в семье, моральная и эмоциональная поддержка» [2].

Поэтому методики, с помощью которых мы проводили эмпирическое исследование следующие.

1. Методика «Общения в семье» (Ю.Е. Алешина, Л.Я Гозман, Е.М. Дубовская).
2. Методика «Реакции супругов на конфликт» (А.С. Кочаряна).
3. Методика «Распределение ролей в семье» (Ю.Е. Алешина, Л.Я Гозман, Е.М. Дубовская).
4. Методика В.В. Бойко «Диагностика уровня эмпатии».
5. Опросник «Удовлетворенность браком» (Ю.Е. Алешина)

В исследовании приняли участие 120 человек (60 супружеских гетеросексуальных пар из разных точек России в возрасте от 23 до 55 лет).

Наибольшие корреляции выявлены между удовлетворенностью браком и определенными типами защитных механизмов в ситуации конфликта: шкала протективных механизмов шкала дефензивных механизмов, шкала депрессии и шкала фиксация на психотравме.

Результат планируемой нами работы может быть полезен для понимания того, как характер общения и открытость семейной системы влияет на удовлетворенность браком супругов, а также для разработки техник раскрытия потенциала интимно-личностного общения в супружеской паре и освоения навыков ненасильственного общения.

Был разработан психологический тренинг, в котором использовались техники американского психолога Маршалла Розенберга, который создал метод ненасильственного общения [4].

Литература

1. *Андреева Т.В., Пипченко Т. Ю.* Потребности женщин и мужчин в брачно-семейных отношениях. СПб., 1999.
2. *Силева Е.Г.* Психология семейных отношений с основами семейного консультирования: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2002.
3. *Обозов Н.Н. Обозова А.Н.* Диагностика супружеских затруднений // Психологический журнал. Т. 3. 1982. № 2. С. 147-151.
4. *Розенберг М.* Язык жизни. Ненасильственное общение. М: София, 2009
5. *Хаймовская Н.А.* Зависимость между характером взаимодействия и особенностями привязанности ребенка к взрослому. Дисс... канд. психол. наук. М., 1998.

Особенности применения коучинга в работе психолога с многодетными матерями

*Допшинская А.А., Барина О.В.
ООО «Новая Структура», г.Москва
psy.danna@gmail.com, ox16barin@yandex.ru*

Современные социально-экономические условия жизни, деформация ценностно-смысловой сферы общества, рост информатизации и компьютеризации окружающей среды, кризис семьи как общественного института – все эти параметры негативно сказываются на материнстве, порождая новые трудности взаимодействия матерей и детей, приводя к ряду деформаций детско-родительских отношений.

Традиционно проблемы взаимодействия в многодетных семьях изучаются в контексте актуализации потребностей детей. Проблемы многодетной матери, сохранения ею эмоциональной стабильности, личностного благополучия и психологического здоровья рассматриваются значительно реже. Следовательно, особую актуальность представляют собой способы преодоления психологических трудностей многодетных матерей.

В научной литературе отмечается, что многодетные матери часто не могут самостоятельно справиться с проблемными ситуациями в жизни; они, находясь в эмоционально неблагоприятном состоянии, подвержены частым перепадам настроения, раздражительности, слезливости [5, с. 7].

Однако, они заинтересованы в обучении эффективному взаимодействию с социумом, выходу из сложных ситуаций без конфликтов [3, с. 92]. Соответственно, для данной категории лиц необходима более адресная и индивидуализированная психологическая помощь, с применением коучингового подхода с целью их личностного развития и решения жизненно важных задач.

Коучинг представляет пошаговую систему методов организации такого жизненного пространства, в котором субъект действует совместно с другими, активно создает мир и привносит в него свою индивидуальность.

В.Л. Измагурова указывает, что ключевой особенностью коучинга, как технологии достижения целей, является принятие на себя полной ответственности не только за результат процесса коучинга, но и за жизнь в целом [2, с. 125].

Термин «коучинг» (от английского coaching – «наставлять, воодушевлять») появился в России в конце 90-х гг. XX в. и с тех пор успешно используется во многих отраслях психологической практики.

Как показывает проведённый нами анализ, при всей многочисленности исследовательских направлений изучения коучинга, до сих пор не выработано единой терминологии.

И.А. Липенская и С.П. Зубова видят отличие коучинга от психологического консультирования в том, что в коуч-сессии основная цель состоит в раскрытии потенциала клиента, обеспечивающего последовательную реализацию поставленных задач. Отличие коучинга от психотерапии заключается в том, что, результат в коучинге достигается за счет акцентирования и раскрытия нереализованного потенциала клиента. От психологического тренинга коучинг отличается тем обстоятельством, что коуч не указывает готовое решение проблем, а стимулирует осознание клиентом своих возможностей [4, с. 27].

Т.е., коучинг - это набор психологических инструментов, система методов, направленных на работу с настоящим и будущим клиента, основанных на определении подлинных целей, поддерживающих мотивацию изменений.

При помощи коучинга обеспечивается формирование личностных компетенций - мотивации к саморазвитию, позитивное изменение жизненных ситуаций, принятие ответственности за свои решения, адекватная оценка внутренних и внешних ресурсов для достижения цели и т.п.

На практике процесс коучинга выражает концепцию непрерывного развития связки «коуч-клиент». Если требуются новые навыки, то клиентом выбирается обучение, которое поможет их приобрести [1, с.

68]. Т.е., клиентами осваивается способ коучингового мышления, используемый далее в их обыденной жизни.

Резюмируя вышесказанное, следует подчеркнуть, что коучинг является эффективной психологической и обучающей технологией, приводящей к личностному развитию. Коучинг возможно использовать в качестве инструмента в работе психолога с многодетными матерями как систему методов, повышающих самопонимание, проясняющих личностные цели и пути их достижения. При этом коуч не дает клиентам советов и рекомендаций, а осуществляет совместную работу с клиентом, решая жизненные задачи.

Литература

1. *Зиневич О.В., Петрова Э.Д.* Коучинг как средство саморазвития личности // Сибирский педагогический журнал. 2012. №8. С.172-177.
2. *Измагурова В.Л.* Концепция непрерывного совместного развития как методологическая основа коучинга // Непрерывное образование: XXI век. 2015. №1 (9). С. 123-132.
3. *Михайлова В.С.* Смыслжизненные ориентации многодетных матерей // В сборнике: Актуальные вопросы современной психологии Материалы III Международной научной конференции. 2015. С. 6-9.
4. *Образцова А.С., Бахчиева Э.П.* Самосознание многодетных женщин // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. 2014. № 36. С. 206-211.
5. *Оскирко О.В., Секачева В.М., Гульчевская Н.Е.* Коучинг как инструмент повышения эффективности обучения при подготовке студентов экономического профиля // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2016. №4 (24). С. 140-143.

Исследование роли эмпатии в эмоциональном выгорании психологов-консультантов

*Калякина Д.Ш., Погодина А.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва*

В практике гуманистического обучения консультированию исходят из того, что развитие эмпатии является залогом успешной

деятельности психолога и служит профилактикой эмоционального выгорания. Однако в научных исследованиях связи эмпатии и эмоционального выгорания в помогающих профессиях встречаются противоречивые результаты: уровень эмпатии выступает фактором риска выгорания, фактором профилактики или связь не обнаруживается [1; 4].

Нам видится перспективным подход к пониманию эмпатии, предложенный Карягиной Т.Д., которая рассматривает ее как высшую психическую функцию [2], а профессиональное становление эмпатии как развитие способности [3], итогом которого должна становиться трансформация функциональной, операционной и мотивационной компонент эмпатии в согласованную систему.

В рамках нашего исследования, направленного на изучение эмоционального выгорания психологов-консультантов разных практик, для диагностики эмпатии мы использовали методику М.Дэвиса, которая позволяет дифференцировать эмпатические процессы от результатов эмпатии и в первом приближении помогает отделить непрофессиональные компоненты эмпатии от профессиональных. Для надежности результатов, эмоциональное выгорание мы измеряли по двум методикам – по модели Маслач-Джексон и по опроснику В.В.Бойко.

Методика М. Дэвиса раскладывает самооценку эмпатии на 4 шкалы: децентрация РТ – склонность учитывать точку зрения другого человека; сопереживание FS – тенденция сопереживать персонажам художественных произведений; эмпатическая забота ЕС – оценивает симпатию и сочувствие к несчастьям других, желание помочь, личный дистресс PD – отражает чувства тревоги и дискомфорта в напряженном межличностном взаимодействии при наблюдении переживаний других людей.

Нами были собраны две группы испытуемых (по 32 человека в каждой) – с высоким и низким риском эмоционального выгорания – психологи-консультанты телефона доверия (далее ТД) и психологи, консультирующие очно. По критерию Манна Уитни [6] на уровне значимости 0,05 группы оказались однородными по полу, возрасту, опыту консультирования, по уровням эмпатии по каждой шкале. Как и ожидалось, статистически значимо группы оказались неоднородными по показателям эмоционального выгорания. У группы консультантов ТД более высокие показатели по деперсонализации, по редукции профессиональных достижений по методике Маслач-Джексон и более выражена вторая фаза выгорания – резистенция – по методике В.В. Бойко.

Для консультантов телефона доверия в большей степени связанными с характеристиками эмоционального выгорания оказались такие шкалы эмпатии, как децентрация и эмпатическая забота. Далее в статье мы будем обозначать коэффициенты корреляции с одной звездочкой для уровня значимости 0,05 и двумя для уровня значимости 0,01. Уровень децентрации РТ оказался отрицательно связанным с уровнем деперсонализации, с редукцией профессиональных достижений по методике Маслач Джексона, а также с выраженностью резистенции, истощения и общим индексом выгорания по Бойко (-0,44*; -0,54**; -0,45**; -0,42*; -0,46**). Уровень эмпатической заботы показал отрицательную связь с выраженностью фазы резистенции (по Бойко) и с редукцией профессиональных достижений по методике Маслач-Джексон (-0,4*; -0,54**).

В группе психологов, консультирующих очно, наиболее значимой шкалой эмпатии стало сопереживание FS. Выявлена положительная корреляция этой шкалы с эмоциональным истощением (Маслач-Джексон), фазой напряжения и общим индексом эмоционального выгорания по Бойко (0,39*; 0,45**; 0,35*).

Для обеих групп консультантов имеет место корреляционная связь между уровнем личного дистресса PD и показателями выгорания. В группе очных консультантов проявилась средняя по силе связь личного дистресса PD с эмоциональным истощением, с деперсонализацией, с редукцией профессиональных достижений (Маслач-Джексон), с фазой напряжения и с общим индексом выгорания по Бойко (0,5**; 0,36*; 0,37*; 0,57**; 0,45**). В группе консультантов ТД обнаружена прямая связь между уровнем личного дистресса PD и формированием фазы напряжения по Бойко, с коэффициентом 0,4*.

Таким образом, для консультантов телефона доверия наиболее вероятными факторами риска эмоционального выгорания могут выступать децентрация и эмпатическая забота. Чем в меньшей степени консультант учитывает точку зрения клиента, тем легче формируются негативные установки по отношению к нему и тем быстрее наступает профессиональное истощение. У психологов, консультирующих очно, фактором риска выгорания значимо чаще является фактор сопереживания. Как возможный фактор риска эмоционального выгорания в обеих группах стала компонента эмпатии – личный дистресс.

Также внутри каждой группы мы провели корреляционный анализ компонент эмпатии и сопоставили их друг с другом по критерию ранговых сумм Уилкоксона для связанных выборок [6]. Критерий Уилкоксона показал, что в группе консультантов ТД три компоненты

эмпатии – децентрация РТ, сопереживание FS, эмпатическая забота ЕС – попарно однородны и выше по значению, чем показатели личного дистресса PD. В группе очных консультантов сопереживание FS статистически выше, чем другие компоненты эмпатии, и так же попарно ниже других показателей проявляется уровень личного дистресса PD. Корреляционный анализ показывает, что в группе консультантов ТД есть положительная связь между децентрацией РТ, эмпатической заботой ЕС и сопереживанием FS (причем, между первыми двумя коэффициент корреляции выше и равен 0,68**), и отрицательная связь наблюдается между децентрацией РТ и личным дистрессом PD, и между эмпатической заботой ЕС и личным дистрессом PD. Корреляционных связей между компонентами эмпатии во второй группе обнаружено не было.

На основе этих данных мы можем предположить, что формирование профессиональной формы эмпатии у психологов-консультантов и ее связанной структуры может быть профилактическим фактором по отношению к эмоциональному выгоранию. Высокий уровень такой компоненты эмпатии, как личный дистресс, в консультативной практике может выступать фактором риска эмоционального выгорания.

Литература

1. *Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С.* Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб, 2009.
2. *Карягина Т.Д.* Некоторые проблемы изучения эмпатии в контексте психологического консультирования и психотерапии // *Культурно-историческая психология.* 2009. № 4.
3. *Карягина Т.Д.* Профессионализация эмпатии: постановка проблемы // *Консультативная психология и психотерапия.* 2015. Том 23. № 5.
4. *Карягина Т.Д., Кухтова Н.В., Олифинович Н.И., Шермазян Л.Г.* Профессионализация эмпатии и предикторы выгорания помогающих специалистов // *Консультативная психология и психотерапия.* 2017. Том 25. № 2.
5. *Погодина А.В.* Феномен эмоционального выгорания и организационная культура образовательных учреждений // *Ученые записки РГСУ.* 2009. №4. С. 170-175.
6. *Сорокова М.Г.* Математические методы в психологии: непараметрическая статистика. М.: МГППУ, 2011.

Зависимость удовлетворенности браком от совместного или раздельного проживания с родителями

*Силаева К.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
poormouse@yandex.ru, nnvt@list.ru*

Несмотря на большой интерес психологов-исследователей к семье как важнейшему институту общества, отдельные ее аспекты остаются недостаточно изученными [3, с.169]. Статистика говорит, что 2/3 пар распадаются в первые 5 лет брака, т.е. в самом начале супружеской жизни. Целый ряд проблем в жизни семьи в нашей стране возникает вследствие непростых отношений, которые складываются с родителями одного или обоих супругов, особенно в случае совместного проживания с ними.

Удовлетворенность браком всегда будет интересовать исследователей, так как она имеет большое значение для развития отношений между супругами и стабильности семьи. Одним из способов оценки супружеских отношений является показатель удовлетворенности браком [2, с.56].

Одной из гипотез проведенного нами следования выступило предположение о связи удовлетворенности браком с таким фактором, как совместное или раздельное проживание семьи с родителями одного из супругов. Для проверки этой гипотезы был использован тест-опросник удовлетворенности браком (авторы В.В. Столин, Т.Л. Романова, Г.П. Бутенко) [1, с.54].

В исследовании приняли участие семьи, проживающие в Москве. Выборка была разделена на две группы: семьи, проживающие вместе с родителями (группа А), и семьи, проживающие отдельно от родителей (группа Б). Респондентам был предоставлен ряд анкет, которые они должны были заполнить самостоятельно и отдельно друг от друга. В каждой из опрошенных семей в опросах участвовали оба супруга. Возраст участников исследования – от 24 до 61 года, все они состоят в законном и при этом первом браке от полугода до 34 лет. Все семьи проживают в собственном (не съемном) жилье. Всего в исследовании приняли участие 30 супружеских пар, по 15 в каждой группе. Результаты представлены в таблице.

Удовлетворенность браком (в %) в семьях, проживающих отдельно от родителей (группа А) и отдельно от них (группа Б)

Параметры удовлетворенности браком	% респондентов по группам	
	А (n=15)	Б (n=15)
Абсолютно удовлетворенные	46,6	50,0
Благополучные	16,6	36,6
Скорее благополучные	20,0	6,6
Переходные	3,4	3,4
Скорее неблагополучные	3,4	0
Неблагополучные	0	3,4
Абсолютно неблагополучные	10,0	0

Если объединить первые три параметра («Абсолютно благополучные», «Благополучные», «Скорее благополучные»), то в группе А удовлетворены браком 83,2%, а в группе Б 90,2%. Если объединить три последние параметра («Скорее неблагополучные», «Неблагополучные», «Абсолютно неблагополучные»), то менее удовлетворенными браком оказываются супруги в тех семьях, которые проживают совместно с родителями одного из них (группа А). Таких оказывается 13,4%, а то время как в группе Б их 3,4%.

Ограничения нашего исследования связаны, в первую очередь, с относительной малочисленностью выборки. Однако полученные данные позволяют выявить определенную тенденцию: удовлетворенность браком выше в семьях, которые проживают отдельно от родителей. Выявленная взаимосвязь удовлетворенности браком и совместного/раздельного проживания с родителями может служить основанием для определения мишеней психологической помощи в процессе семейного социально-психологического консультирования.

Литература

1. Столин В.В., Романова Т.Л., Бутенко Г.П. Опросник удовлетворенности браком // Вестник Московского университета. Серия 14. 1984. № 2. С. 54–60.
2. Сычев О.А. Социально-психологические факторы удовлетворенности браком в молодых супружеских парах // Социальная психология и общество. 2017. № 1. – С. 56-74.
3. Филиппова Е.В. Семья как институт социализации и развития личности // Социальная психология развития. В 2 ч. Часть 1: учебник для бакалавриата и магистратуры / под ред. Н.Н.Толстых. М.: Издательство Юрайт. 2017. С. 169-216.

Психологические факторы успешности решения профессиональных и жизненных проблем у женщин в период зрелости

*Соколовская Н.Е.
sokolovskaya.n.e@gmail.com, nnvt@list.ru
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва*

В современных условиях трансформации мирового сообщества динамичные изменения претерпевает социальный статус женщины. Современные тенденции диктуют необходимые условия для успешного взаимодействия с миром и социумом.

Женщины современного мира стремятся самоактуализироваться, получить хорошее образование, найти достойную работу, построить успешную карьеру или бизнес, стать материально обеспеченными и не зависимыми от кого-либо. На достижение этих целей затрачивается колоссальное количество времени и сил. В этих обстоятельствах построение семьи нередко отодвигается на второй план, и в результате зачастую это приводит к неудовлетворенности положением дел в личной жизни женщины в период зрелости.

В центре внимания нашего исследования оказывались психологические проблемы женщин, достигших профессионального успеха в карьере, бизнесе, но, вместе с тем, обращающихся к психологам, коучам, тренерам за решением вопросов своей личной жизни, поиска спутника жизни и построения долгосрочных отношений с ним.

Целью исследования было разобраться, что может лежать в основе описанной проблемы.

В исследовании в сравнительном плане были проанализированы некоторые психологические и социально-психологические особенности профессионально-успешных женщин, удовлетворенных и неудовлетворенных качеством личной жизни.

Общая гипотеза исследования состояла в предположении о том, что профессионально-успешные женщины, удовлетворенные и неудовлетворенные своей личной жизнью, отличаются по таким характеристикам, как выраженность перфекционизма, особенности мотивации достижения, временной перспективы и субъектности личности.

В эмпирической части исследования использовались следующие методики:

- опросник Ф. Зимбардо по временной перспективе (Zimbardo Time Perspective Inventory / ZTPI);
- опросник Т. Элерса для изучения мотивации достижения успеха;
- опросник М.А.Щукиной «Уровень развития субъектности личности (УРСЛ)»;
- опросник перфекционизма Н.Г.Гараян и А.Б. Холмогоровой.

В исследовании приняли участие 22 женщины с высшим образованием в возрасте от 25 до 47 лет, которые оценивают себя как профессионально-успешных, занимающих активную жизненную позицию. Все они находятся в процессе построения карьеры или бизнеса, имеют удовлетворяющий их достаток и уровень жизни и не имеют проблем со здоровьем. Респондентов были разделены на 2 группы:

1-я группа – женщины, состоящие в браке или имеющие постоянного партнера, которые указали, что удовлетворены качеством личной жизни;

2-я группа – женщины, не состоящие в браке или не имеющие постоянного партнера, которые указали, что не удовлетворены качеством личной жизни.

Анализ результатов исследования позволяет сделать следующие выводы:

1. По результатам методики Ф. Зимбардо, у всех респондентов выявилась высокая степень ориентации на будущее, что говорит о наличии у них целей и планов на будущее. Примерно на таком же высоком уровне оказались и показатели фактора «гедонистическое настоящее», что свидетельствует о стремлении к удовольствиям и наслаждениям «здесь и сейчас». Также отметим высокий показатель по фактору «позитивное прошлое». Факторы «фаталистическое настоящее» и «негативное прошлое» выражены в значительно меньшей степени. Таким образом, можно сказать, что обе группы респондентов демонстрируют наилучшее сочетание факторов временной перспективы, не различаясь между собой.

2. В обеих группах выявлен умеренно высокий уровень мотивации достижения успеху, по методике Т. Элерса.

3. С помощью методики «Уровень развития субъектности личности (УРСЛ)» выявлены в среднем весьма высокие показатели субъектности личности участниц опроса из обеих групп. Это говорит о высоком уровне самоуправления и способности управлять в целом.

4. Исследование уровня выраженности перфекционизма выявило следующее:

- суммарный показатель перфекционизма в 1-й группе (удовлетворенных личной жизнью) оказался ниже, чем у участниц во 2-й группе;

- показатели по шкале «Восприятие других людей как делегирующих высокие требования (при постоянном сравнении себя с другими)» в обеих группах на уровне нормы и не различаются между собой;

- показатели по шкале «Завышенные притязания и требования к себе» в 1-й группе оказались на уровне нормы, а во 2-й группе – значительно выше нормы;

- показатели по шкале «Высокие стандарты деятельности при ориентации на полюс "самых успешных"» в 1-й группе на уровне нормы, а во 2-й – превышают норму;

- показатели по шкале «Поляризованное мышление – "все или ничего"» в обеих группах находится в пределах нормы, но в 1-й группе несущественно выше, чем во 2-й.

Таким образом, оказалось, что из всех выбранных для исследования психологических характеристик две группы респондентов различаются лишь по характеру перфекционизма.

Модерация и фасилитация: зарубежный опыт

*Сухоручкина А.В., Хухлаев О.Е.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
anbakhti@gmail.com*

Модерация и фасилитация вошли в привычную практику многих организаций и всемирных корпораций, деятельность предприятий малого и среднего бизнеса, некоммерческих структур и общественных организаций. Раньше эти два понятия разделялись. Модератор на мероприятиях, встречах и встречах - как очных, так и в рамках сетевых ресурсов, будет сосредоточен на том, чтобы поддерживать обмен информацией и информацией прозрачным и доступным для всех, кто участвует в коммуникативном взаимодействии. У фасилитатора должны быть отличные социальные навыки, и он должен обеспечить открытую и комфортную среду доверия для всех, кто участвует в конкретном мероприятии. Однако на сегодняшний день эти два понятия постепенно интегрируются в одно. Для того, чтобы обеспечить соответствующий информационный обмен, необходимо создать определенную социально-психологическую среду. Распространение данных практик и привлечение указанных

специалистов практически повсеместно заставляет задуматься о возможном наличии каких-либо универсальных категорий и техник модерации и фасилитации, которые можно было бы применить в каждом отдельном случае [3, с. 16].

Универсализация методов социальной психологии, тренинговых программ, способах коррекции организационной культуры и т.д. не способно в полной мере соответствовать современным реалиям. В каждом государстве существуют определенные национально-культурные особенности, которые отражаются на определенном типе мышления, способах и характерных черт коммуникации, поведенческих особенностях. Практические аспекты модерации и фасилитации в обязательном порядке должны основываться на упомянутых моментах. Именно анализ зарубежного опыта позволит определить те аспекты, которые возможно применить на российской почве, а также то, что неприемлемо в российских условиях.

Германия является первопроходцем в отношении как теории, так и практики модерации и фасилитации. Общие положения были сформулированы уже в 1970-х, а в 1980 году была представлена профессиональная публикация «Идеи модерации» [2].

На сегодняшний день можно выделить несколько основных «национальных» школ модерации и фасилитации: американская, европейская (включает в себя римскую школу, австрийскую, английскую) и российская. Каждая из школ характеризуется определенным перечнем как достоинств, так и недостатков.

На сегодняшний день бытует мнение, что именно для США характерно повсеместное использование социальных технологий, тренингов, мероприятий, в которых задействуются как модераторы, так и фасилитаторы. Все те традиционные инструменты, которые используются в модерационных практиках для передачи информации, находят широкое применение в американской традиции. Преимуществом выступает достаточно грамотное использование коммуникативных инструментов в представлении и распространении информации. Однако уже избыточное использование различных каналов коммуникации создает излишний информационный поток.

Европейская школа ориентирована на формальной стороне - структурализации информации, ее упорядочении, грамотном и четком представлении. С одной стороны в данном случае информация доступна и понятно, с другой стороны - единообразия представления информации предполагает единообразие в способах и образах мышления собравшихся людей, чего добиться достаточно проблематично [1, с. 13-16].

Подшколы в европейской группе отличаются лишь некоторыми чертами. В частности, в рамках римской школы предпочтение отдается так называемой «школьной атмосфере», благодаря которой с высокой степенью вероятности улавливаются и запоминаются основные моменты. То есть главным здесь выступает намерение и желание «донести» информацию. В то же время создание ситуации «театра одного актера» вызывает отсутствие желания активно включиться в обсуждения, выработку каких-либо рекомендаций и т.д. Австрийская школа модерации и фасилитации заключается в формировании обстановки «активного слушания» выступающих, а также довольно мягком направлении их выступления. Эмоциональная и ментальная позиция модератора / фасилитатора при этом нейтральна, но сохраняет высокую степень деловой вовлечённости. С одной стороны, «мягкая позиция» модератора позволяет участникам более активно включиться в мероприятие, с другой стороны, данный подход не может быть применим для той группы людей, которая отличается изначально слабой активностью. Для англичан характерно использование формата ролевой игры, основным достоинством которой выступает высокоэффективность за счет применения игровой формы, моделирования конкретной ситуации, погружения в проблему. Однако многим участникам довольно трудно примерить на себя чужую роль [4; 5].

На данный момент Россия находится на стадии формирования такого явления как модерация и фасилитация. Российская традиция модерации формируется на основе советской и новой российской культуры. Применение зарубежных практик должно проходить осмотрительно, с учетом опыта прошлого и современных реалий развития общества, которые и определяют особенности развития социальной сферы и социально-психологических технологий.

Литература

1. *Боровикова Н.В.* Модерация – конструктор изменений для вашего бизнеса. СПб.: БХВ-Петербург, 2017.
2. *Базаров Т.Ю.* Социально-психологические детерминанты эффективности медиации / Т.Ю. Базаров, А.С. Чиннова // Психологические исследования. 2012. 5(23), 11. URL: <http://psystudy.ru>
3. *Дудорова Л.Ю.* Фасилитация корпоративных мероприятий как новое измерение групповой работы. Корпоративная культура. 2009. 5(29). С. 11–17.

4. Do we need a moderator or a facilitator? // Michigan State University URL: http://msue.anr.msu.edu/news/do_we_need_a_moderator_or_a_facilitator
5. What is the role of a facilitator (and of a moderator, MC, chair etc.)? URL: <https://agilefacil.wordpress.com/2016/11/13/what-is-the-role-of-a-facilitator-and-of-a-moderator-mc-chair-etc/>

Эффективность тренинговых техник в работе с самопрезентацией подростков

*Шевчук С.А., Пащенко А.К.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
sofiasfr@yandex.ru*

Особенностью подросткового возраста выступает феномен «воображаемой аудитории» заключающийся в сопоставлении подростка с другими людьми, необходимостью оценки собственных качеств «извне». Данный процесс позволяет подростку выработать собственные критерии самооценки и совершить переход от взгляда «извне» на субъективный взгляд «изнутри» [1].

Противопоставление образа Я-реального Я-идеальному также имеет ключевое значение в формировании системы представлений подростка о собственном развитии и себе в целом. Именно с подросткового возраста сопоставление реальных и идеальных представлений о себе становится подлинной основой самооценки школьника [1]. При этом Я-концепция формируется не только благодаря собственному видению и ощущениям, но также и на основании мнений социального окружения.

Таким образом, в подростковом возрасте, фактором самоопределения в обществе, а также фактором определения и оценки подростка другими, выступает самопрезентация. Анализ исследований и публикаций показал, что феномен самопрезентации на сегодняшний день мало изучен [2]. Самопрезентация личности как социально-психологический феномен не имеет единственно устоявшегося определения, несмотря на неоднократные попытки ученых к систематизации и классификации видов.

В зарубежных исследованиях ученые зачастую обращаются к стратегиям самопрезентации в контексте самоопределения и независимости личности, чаще всего используя термин «управление впечатлением». Человек с высокой степенью самоопределения и

независимости менее стремиться задействовать себя в управлении впечатлением, и, напротив, человек с низкой самооценкой и степенью самоопределения зачастую стремится управлять впечатлением окружающих [4].

В данном исследовании под «самопрезентацией» понимается процесс регуляции производимого субъектом впечатления, с учетом специфики социальных ситуаций, и (или выражения) системы представлений о самом себе [3].

Возрастающее конкурентное профессиональное взаимодействие усиливает необходимость формирования грамотной самопрезентации, начиная с подросткового возраста. Именно в этом возрасте подростки начинают формировать представление о своей будущей профессиональной деятельности, разрабатывают планы на будущую жизнь. Однако нередко влияние на формирование будущих жизненных планов оказывает самооценка подростка. Социальный и возрастной кризис соприкасаются, что обуславливает необходимость формирования способности у подростка к саморазвитию и самоанализу для последующей адаптации к изменяющейся реальности.

Психологический тренинг представляет собой формат специально организованного обучения для совершенствования каких-либо навыков и решения определенных задач (развитие способностей, формирование положительной Я-концепции, актуализации потенциала личности). Развитие социально-психологической компетентности во время проведения тренинга проходит за счет активности участников, активизации групповых динамических процессов. Тренинг выступает одним из методов, способствующих социализации и адаптации подростков, помогает решить задачи самопознания, самооценки, развития социализации и профориентации.

Предметом нашей тренинговой работы выступили коммуникативные навыки, а также система отношений подростка к выбранной будущей профессиональной деятельности. В качестве исследовательской задачи выступило изучение особенности влияния тренинговых техник (тренинг профориентации) на самопрезентацию подростков, учащихся 9-11 классов общеобразовательной школы.

Особенность тренинга «Я-профессия» заключалась в специфике технологии ведения тренинга: ведущий являлся организатором процесса самопознания и приобретения новых навыков, а не просто носителем знаний. Авторский вариант психологического тренинга, помимо обучения навыкам профориентации опосредованно реализовывал технологии эффективной самопрезентации подростков.

Тренинг профориентации был нацелен на оказание психологической поддержки подросткам, стимулированию самопознания и создание условий в соответствии с выбранным направлением дальнейшей профессии, развитию навыков целеполагания.

Эффективность проведенного тренинга в ходе дальнейшей эмпирической части работы будет определена посредством сопоставления переменных Я-реальное и Я-идеальное у подростков. Выделенные различия между переменными выступят важными индикаторами сформированной самопрезентации подростка и признаком направленного воздействия тренинговых техник.

В современном мире и конкурентоспособной профессиональной среде большое значение имеет управление впечатлением. В процессе создания человеком впечатления о себе ключевым фактором выступает самопрезентация, в дальнейшем оказывающая влияние на процесс формирования социальной успешности человека и его личностного благополучия. Тренинг профессионального самоопределения способствует осознанию подростком своих личностных способностей, ее сильных и слабых сторон. Проведение «профориентационного» тренинга для старшеклассников способствует формированию целеполагания и планирования старшеклассниками своего профессионального пути, активизирует систему взаимоотношений с другими подростками.

Литература

1. *Прихожан А.М.* Диагностика личностного развития детей подросткового возраста. М.:АНО «ПЭБ», 2007. С.14
2. *Корягин А.М.* Самопрезентация при устройстве на работу: учебное пособие. М.:Академия, 2013.
3. *Хороших В.В.* Психологические факторы успешности самопрезентации: Автореф. дис.... канд. психол. наук., СПб., 2001.
4. *Melissa A.Lewis.* Self-Determination and the Use of Self-Presentation Strategies// The Journal of Social Psychology, North Dakota, 2005.

Актуальные задачи социально-психологического тренинга для старших подростков

*Щадина А.Н.,
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
shchadina@gmail.com*

Проблема социальной среды и ее влияния на становление и развитие личности подростка является важной и актуальной темой для социально-психологического исследования на протяжении длительного времени развития науки. Известно, что социальная среда оказывает наибольшее влияние на формирование и развитие всех познавательных процессов ребенка любого возраста, но с точки зрения онтогенеза, именно подростковый возраст является самым неустойчивым и легко поддающимся изменениям, связанным с социальными воздействиями различной степени силы и знака, которые оказывают максимальное влияние на личность через большое количество разнообразных социальных факторов. Это в значительной степени связано с тем, что формирование основных новообразований этого периода происходит в процессе совместной деятельности и общения со взрослыми и сверстниками [1].

Если мы сместим фокус внимания на социальную среду, то станет заметно, что в настоящее время она не просто постепенно меняется, а находится в зоне постоянных динамичных изменений. Можно даже сказать, что мы живем в транзитивном обществе, в котором трудно планировать и прогнозировать будущее. Исходя из этого, все ярче проявляется необходимость быстро приспосабливаться, и быть готовым менять свои профессиональные знания, способы коммуникации в каждый конкретный момент времени [5]. Всё чаще молодые люди не планируют своё будущее, периоды учёбы перемежаются с периодами работы и путешествиями, молодые люди не вступают в длительные отношения, не начинают регулярную работу и не планируют карьеру, редко задумываются о создании семьи [2]. В этих социальных условиях у личности снижается потребность в жесткой идентичности и не изменчивости образа «Я», и повышается потребность в развитии коммуникативной, гибкой, диалогичной связи с окружающим миром [3].

Всё это способствует большому интересу к подростковому возрасту в аспекте направленного влияния на него социальной среды,

способной задать для личности важные внутренние ориентиры [4]. Как помочь и поддержать развитие личности подростка в самый изменчивый период его жизни, когда социальная среда, которая в значимой степени влияет, постоянно меняется? Это основной вопрос, поиску ответа на который, также как и другие, связанные с активным, направленным влиянием на становление психологически зрелой личности, посвящено исследование «Влияние социально-психологического тренинга на развитие коммуникативных навыков подростков».

Для формирования качественных возрастных новообразований необходимо благоприятное общение с ближайшим окружением (семья, сверстники, референтные взрослые), интересные формы обучения и работы, участие в социально-психологических тренингах. Социально-психологический тренинг может быть не только высокоэффективным средством в поддержании и развитии коммуникативных навыков подростка, но, в целом помочь подростку менее болезненно и более эффективно пройти через изменчивый и неустойчивый период жизни, в соответствии с требованиями социальной среды и внутренними задачами развития.

В нашем исследовании были определены основные коммуникативные компетенции, которые используют подростки для общения со сверстниками и взрослыми для определения уровня и степени их проявления использовались следующие методические средства: тест коммуникативных умений (Л. Михельсон, перевод и адаптация Ю.З. Гильбуха), диагностика коммуникативных и организаторских способностей (КОС-2) (В.В. Сиявский и В.А. Федоришина), изучение уровня коммуникативного контроля в общении (М. Снайдер).

Результаты первичной диагностики показали, что компетентный стиль реагирования реже всего проявляется в ситуациях, требующих умения вступить в контакт и навыка реагирования на вступление в контакт собеседника. Также обращает внимание значительное проявление зависимого стиля реагирования в ситуациях, когда необходимо проявить умение принимать сочувствие и поддержку. Другими словами, подростки, желая общаться со сверстниками, умея поддерживать и поощрять диалог, сочувствовать и принимать сочувствие, испытывают максимальные сложности в момент начала диалога, когда нужно переступить внутренний барьер и начать взаимодействовать с партнером по общению, а также в момент, когда нужно своей адекватной реакцией откликнуться на акцию другого человека. А умение принять от другого сочувствие и поддержку часто связано у детей этого возраста с зависимыми формами поведения и,

как следствие, вызывает противоречивые внутренние чувства, которым свойственна сила и амбивалентность.

После первичной диагностики и определения основных проблемных зон в социальном взаимодействии подростков, нами была предложена программа тренинга. При этом, сама программа обсуждалась в режиме диалога и стыковки интересов со всеми участниками процесса. На первой встрече проходило обсуждение наиболее интересных тем, надежд и ожиданий подростков. Наибольший интерес был вызван следующими темами:

- новые знакомства, найти новую компанию по душе, найти больше друзей;
- влиться в компанию, быть в ней своей/своим, не чувствовать себя лишней/лишним;
- найти и поддержать темы для разговора;
- не дать другому человеку доминировать над собой, уметь отстаивать свое мнение.

Исследование ещё продолжается, но из результатов диагностики и обсуждения с подростками можно сделать вывод, что для детей этого возраста, наиболее значимая тема социального взаимодействия – это дружба, её создание и поддержание. Этот вывод приглашает к размышлению, о том, как умение создавать и поддерживать дружеские отношения может поддержать личность в постоянно меняющемся мире. Возможно, недостаточное внимание к развитию умения дружить, устанавливать партнерские диалогичные отношения, вступать в контакт со сверстником и прерывать его, гармонично переживая чувства, с этими процессами связанные, предлагать и принимать поддержку и сочувствие, привело к тому, что 20-30-летние юноши и девушки не стремятся планировать будущее, заводить серьезные отношения. Другими словами, они не делают это не потому что не хотят, не потому что, таких отношений нет на уровне ценностей, а потому, что не знают технологии, не знают как.

В завершение важно отметить, что смещение фокуса с проблем на возможности может позволить увидеть большую перспективу развития умения дружественности в подростковом возрасте. Например, как дружественность может помочь в процессе сепарации? Какие возможности есть у дружественности при борьбе с депрессией? Может ли дружественность защищать от буллинга? На эти вопросы мы попытались ответить с помощью разработанной нами тренинговой и диагностической программы.

Литература

1. *Обухова Л. Ф.* Возрастная психология. М.: МГППУ, 2006.
2. *Поливанова К.Н.* Детство в меняющемся мире [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2016. Том 5, № 2.
3. *Хаймовская Н.А., Бочарова А.Л.* Социально-психологические аспекты профессионального самоопределения в современном обществе [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование. 2016. Том 8. № 1. С. 105–113.
4. *Хаймовская Н.А., Ветер Т.В.* Особенности социально-психологической адаптации педагогов-психологов в образовательных учреждениях: дайджест / Хаймовская Н.А., Ветер Т.В. // Психология обучения. 2004. N 11. С. 53–55.
5. *Хломов К.Д.* Подросток в современном обществе. <https://postnauka.ru/video/78298>

Эффективность групповых методов работы в профессиональном самоопределении подростков

*Юнаева Г.М.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
gloryayunaeva@gmail.com*

На сегодняшний день существует множество способов профессионального самоопределения, начиная со школьной скамьи, и охватывая весь период профессиональной деятельности человека. Рассматриваются вопросы выбора профессии, определения профессионально важных качеств, профессионального развития.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что выбор профессии - это очень важный шаг в жизни человека, сложный и ответственный. Выбранные молодежью профессиональные ориентиры во многом определяют будущее общество. Изучения методов профориентационной работы и нахождение эффективных из них – немаловажная задача, способная помочь абитуриентам осознанно определиться с выбором будущей профессии, а университетам осуществлять подготовку замотивированных кадров для дальнейшей плодотворной работы на благо страны.

Классифицировать формы, виды и методы профориентационной работы можно по разным основаниям. Среди прочих, одним из основных делений является разделение на индивидуальные и групповые способы профориентации [1].

В индивидуальных методах работа ведется один на один с клиентом, напрямую или опосредованно. В групповых - происходит одновременная работа консультанта с парой, тройкой или же целой группой людей.

В рамках общеобразовательной школы актуальными действиями в сфере профориентации являются профпросвещение и профконсультация [2]. В процессе профпросвещения оптант (выбирающий профессию) овладевает информацией, необходимой для обоснованного выбора профессии: о мире профессий и о тех требованиях, которые предъявляются ими к личности; о потребностях общества в профессиональных кадрах; о специфике рынка труда; о качествах личности, значимых для осуществления выбора профессии; о системе учебных заведений, осуществляющих профессиональную подготовку.

В целом профпросвещение направлено на формирование у школьников положительного отношения к трудовой деятельности, на формирование умений ориентироваться в мире профессий, анализировать любую новую профессию, выделять в ней главное, соотносить требования, предъявляемые данной профессией к личности с конкретными индивидуальными особенностями. Профпросвещение в общеобразовательной школе может происходить как на уроках по различным учебным дисциплинам, так и во внеурочное время в ходе внеклассных занятий. Основной для профпросвещения является групповая форма работы. Профессиональная консультация, в отличие от профпросвещения, проводится прежде всего индивидуально, вместе с тем в ряде случаев и здесь возможно использование групповой формы работы, однако только с немногочисленными группами.

Наряду с общеобразовательными учреждениями ответственность за профориентационную работу взяли на себя и частные, коммерческие организации, выполняющие услуги по профессиональной ориентации как в индивидуальном, так и в групповом порядке.

Для оценки эффективности групповых методов работы в профессиональном самоопределении подростка, в нашем исследовании мы уделим большое внимание теоретическому анализу психолого-педагогической и методической литературы и разберём практический кейс действующей организации.

Целью работы является исследование групповых методов работы в профессиональном самоопределении подростка.

В задачи работы входит: рассмотрение профессионального самоопределения личности; изучение индивидуальных

психологических особенностей субъекта профессионального самоопределения, рассмотрение взаимосвязи между степенью осведомлённости о профессиональной деятельности и индивидуальными психологическими особенностями субъекта профессионального самоопределения; исследование групповых методов работы в профессиональном самоопределении подростка.

Были выдвинуты две гипотезы:

1. Групповые методы профориентационной работы являются эффективным способом повышения осведомлённости о профессиональной деятельности.

2. Существует взаимосвязь между степенью осведомлённости о профессиональной деятельности и индивидуальными психологическими особенностями (тревожностью и самооценкой)

В исследовании приняли участие 100 подростков московских школ. До и после проведения тренинга, состоящего в групповой работе, направленной на повышение осведомленности о мире профессий и профессиональной деятельности, опанты заполняли опросник профессиональной готовности Л.Н.Кабардовой; шкалу личностной тревожности А.М. Прихожан; тест на самооценку личности С.А. Будасси [3].

Полученные результаты нашего исследования позволяют подтвердить выдвинутое нами суждение о том, что существует взаимосвязь, а именно – прямая корреляция, между степенью осведомлённости о профессиональной деятельности и индивидуальными психологическими особенностями (тревожностью и самооценкой), что позволяет нам также подтвердить и вторую гипотезу о том, что групповые методы профориентационной работы являются эффективным способом повышения осведомлённости о профессиональной деятельности.

Литература

1. *Андреева Л.И.* Профессиональное самоопределение школьников в условиях инновационной деятельности образовательного учреждения: автореф. ... дисс. докт. пед. наук. Тольятти, 2010. 45 с.
2. *Волков Б.С.* Основы профессиональной ориентации: учеб. пособие для вузов / Б. С. Волков. - М. : Академический проект, 2007. 331 с.
3. *Прихожан А.М.* Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика. – М.:

Московский психолого-социальный институт. Воронеж: МОДЭК, 2000. С. 243–252.

4. *Климов Е.А.* Психология профессионального самоопределения: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям: Педагогика и психология, Соц. педагогика, Педагогика. - М.: Academia, 2004. – 301 с.
5. *Хаймовская Н.А., Любарова Ю.М.* Социально-психологические проблемы работы психолога в образовательном учреждении / в сб. «Личность и группа в образовательном пространстве». М.: МГППУ, 2007. С. 22-24.

У. ПРАКТИЧЕСКАЯ ЭТНОПСИХОЛОГИЯ

Связь ценностных ориентаций личности и ее отношения ко сну

*Батищев А.С.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
fess15rus@yandex.ru*

На сегодняшний день сон человека представляет собой весьма актуальную тему клинико-психологических и психиатрических исследований. Однако есть некоторые аспекты проблемы, которые могут быть рассмотрены в рамках социальной психологии.

Так, ценностные ориентации личности вполне могут быть источником данных о качестве сна и субъективном отношении индивида ко сну и сновидениям. Анализ связи между указанными явлениями стал целью данного исследования.

Обзор научной литературы по данному вопросу показал, что существует ряд факторов, имеющих значимую связь. К примеру, была обнаружена связь между ценностями личности и предпочитаемыми копинг-стратегиями [4]. Однако необходимо заметить, что в большинстве исследований [1; 2; 4] речь идёт в первую очередь о субъективных показателях, таких как оценка дневного состояния и количество и тематика запомненных сновидений.

В основу гипотезы данного исследования была положена идея о том, что существует связь между особенностями ценностных ориентаций и отношением человека ко сну. В связи с этим предположением возможна постановка и выполнение ряда задач.

Во-первых: сбор информации об актуальных ценностях испытуемых. Для этого используется уточненный ценностный опросник Шварца [6]

Во-вторых: сбор информации о предпочитаемых стратегиях копинга у испытуемых. Для этого используется опросник COPE второй версии [4]

В-третьих: использование клинической шкалы инсомнии и анкеты отношения ко сну [5] для установления субъективных представлений о качестве сна и отношении к данному процессу у испытуемых.

Таким образом, был сформирован план исследования, направленного на выявление взаимосвязей ценностных ориентаций и отношения ко сну.

Литература

1. *Вейн А. М., Хехт К.* Сон человека: физиология и патология. М.: «Медицина», 1989.
2. *Калина Н.Ф., Тимощук И.Г.* Основы юнгианского анализа сновидений. М.: «Рефл-бук», К.: «Ваклер», 1997.
3. *Малькольм Н.* Состояние сна. М.: Академический Проект, 2014.
4. *Расказова Е.И., Гордеева Т.О., Осин Е.Н.* Копинг-стратегии в структуре деятельности и саморегуляции: психометрические характеристики и возможности применения методики COPE // Психология. Журнал Высшей школы экономики 2013, Т.10, № 1, с. 82-118.
5. *Расказова Е.И., Тхостов А.Ш.* Клиническая психология сна и его нарушений. М.: Смысл, 2012.
6. *Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Липатова А.С.* Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал высшей школы экономики 2012, Т. 9, № 1, с. 43-70.

Особенности ценностных ориентаций у православных и буддистов

*Вертоградская Т.И., Александрова Е.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
afmatida@yandex.ru, aleksandrova.elenaandreevna@mail.ru*

Ценностные ориентации – важный фактор, определяющий поведение личности, его взгляд на мир, жизненные цели и приоритеты. Понятия «ценность» и «ценностная ориентация» – очень близкие, но в психологии имеются некоторые различия в их понимании.

Ценности – это идеальные категории, реализация которых служит разумному устройству действительности. Это те ориентиры, которых придерживается общество. В современной России декларируемые государственные ценности – патриотизм, социальная солидарность, семья, труд и творчество, наука, традиционные российские религии, искусство и литература, природа, человечество [5].

Ценностные ориентации – это 1) присвоенные личностью ценности социальных групп; 2) внутренние убеждения человека в том, что нужно стремиться к определенным целям и демонстрировать

определенное поведение; 3) критерии, которые используются людьми для выбора и обоснования своих действий, а также для оценки других людей, себя и событий [4].

Известно, что ценности разных культур и разных религий отличаются.

Для христианства характерны ценности: онтологические (христианское бытие, вера, духовность, вечная жизнь, Бог); антропологические (душа, дух, человек, разум, свобода воли, вера, надежда, любовь, смирение, Святые); этические (человечность, толерантность, добро и зло, прощение, спасение, добродетель, грех и праведность, совесть, долг и обязанности); эстетические (добродетель как красота); мистические (святые обряды и ритуалы); символические (нательный крестик, иконы); социальные (христианская община, человечество, мир) [3].

Основными духовными ценностями буддизма являются: человеческая жизнь, пробуждение как некое особое состояние сознания, самосовершенствование, мудрость, истина, праведное поведение, йогическое сосредоточение, нравственность [2].

У буддийской российской молодежи выражены ценности социальной защищенности, эмоционального комфорта, стабильности, коллективизма, приверженности традициям, отношений [7].

Религиозные ценности и национальные ценности могут совпадать, могут отличаться или находиться в сложных взаимосвязях. Несмотря на то, что буддизм – это мировая религия, буддисты-русские и буддисты-азиаты могут иметь различные ценностные ориентации, потому что на их религиозность накладывает отпечаток национальный менталитет и социально-бытовые особенности жизни. Как отмечает Е.А. Александрова, проблемы функционирования религии привлекают внимание многих исследователей [1].

Православие тесно «вплетено» в российскую ментальность, основными ценностями которой являются «коллективизм» и «духовность» (К.А. Абульханова-Славская) [6]. В связи с этим возник исследовательский вопрос о том, насколько ценности россиян-буддистов и православных отличаются.

В эмпирическом исследовании приняли участие буддисты учения Махаяны по линии Рипа Московского центра «Рипа» (25 чел.) и православные прихожане храма Пантелеймона г. Жуковского Московской области (25 чел.). Исследование проводилось с помощью Ценностного опросника Ш. Шварца [4]. Опросник выявляет ценности на уровне идеалов и на уровне индивидуальных приоритетов, проявляющихся в поведении людей.

Независимо от вероисповедания, главными ценностями для женщин являются «универсализм», «доброта» и «безопасность»; для мужчин – «универсализм» и «доброта». На последнем месте и у мужчин, и у женщин – «гедонизм». Это означает, что для женщин большое значение имеют терпимость, понимание, защита благополучия, отношения с близкими людьми, внутренняя гармония, стабильность общества; для мужчин – отношения с близкими, терпимость и понимание, защита благополучия.

Непопулярными ценностями у православных являются «власть» и «конформность», у буддистов – «стимуляция» и «власть». И для православных, и для буддистов малое значение имеют жизненные удовольствия, достижение социального статуса, положения, достатка и богатства. Для православных также незначим факт соответствия или несоответствия социальным ожиданиям («конформность»), для буддистов – разнообразие впечатлений и активности («стимуляция»).

Сравнение ценностных ориентаций мужчин и женщин в православной и буддийской выборке показало, что для гендерные различия у буддистов выражены в большей мере, чем у православных ($p < 0,01$).

Иерархия ценностных ориентаций православных: 1) доброта, 2) универсализм, 3) безопасность, 4) стимуляция, 5) самостоятельность, 6) достижения, 7) традиции, 8) конформность, 9) власть, 10) гедонизм.

Иерархия ценностных ориентаций буддистов: 1) универсализм, 2) безопасность, 3) доброта, 4) самостоятельность, 5) конформность, 6) достижения, 7) традиции, 8) власть, 9) стимуляция, 10) гедонизм.

Расчеты с помощью коэффициента корреляции Пирсона показали, что между ценностями православных и буддистов существует положительная связь ($p < 0,05$).

Таким образом, иерархия ценностей обнаруживает сходство у буддистов и православных, проживающих в России. Независимо от вероисповедания, ведущими ценностными ориентациями для них являются взаимоотношения с близкими людьми, личная и социальная защищенность, терпимость и понимание, внутренняя гармония. Наименее значимы для них категории чувственных удовольствий, власти, социального статуса, денег и богатства.

Литература

1. *Александрова Е.А.* Религиозная идентичность в российских культурно-антропологических исследованиях // *Культура и цивилизация.* 2015. № 6. С. 10-22.

2. *Бадмацыренов Т.Б.* Буддийская практика спасения в теории ступеней Пути пробуждения // Вестник Бурятского гос. университета. 2015. Вып. 4. С. 3-7.
3. *Баева Л.В.* Классические христианские ценности с позиции современной экзистенциальной антропологии // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2007. № 3-4. С. 70-83.
4. *Карандашев В.Н.* Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. — СПб.: Речь, 2004. С. 34.
5. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р г. Москва «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» // Российская газета. Федеральный выпуск № 6693 (122).
6. Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики / под ред. К.А. Абульхановой, А.В. Брушлинского, М. И. Володиковой. М., 1997.
7. *Хухлаев О.Е., Александрова Е.А.* Особенности религиозной идентичности у буддистской молодежи (на примере студенческой молодежи республики Калмыкия) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2017. Т. 19. С. 156-164.

Этнические стереотипы о русских в американском кинематографе

*Волкова Д.А., Александрова Е.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва*

volkova-dashuta@inbox.ru, aleksandrova.elenaaandreevna@mail.ru

Проблема этнических стереотипов достаточно хорошо разработана в социальной психологии. Данный термин определяется как «образ представителей того или иного этноса, эмоционально окрашенный и обладающий высокой устойчивостью» [3]. Но существует не так много исследований, касающихся использования подобных категорий в кинематографе. Кино стало не только инструментом познания общественной реальности, но также оно способно обогащать сознание социума, может влиять на преобразование общественной жизни, на восприятие того или иного объекта или события [1].

На сегодняшний день кинематограф занимает значительное место в современной культуре различных стран, особенно США, где данная индустрия находится на очень высоком уровне и используется как для

демонстрации определённых ценностей, так и для их пропаганды. «Рассматривая американскую версию массовой культуры, мы видим наложение общих принципов функционирования масскульта на свойства, присущие культуре американской. Американская современная культура мифологизирована в том плане, что на уровне выражения отчетливо выделяется противопоставление абсолютного добра и абсолютного зла, существование и непрерывная борьба которых не ставятся под сомнение. Наряду с пропагандой американских ценностей, американский масскульт говорит и об общечеловеческих интересах, ценностях и свойствах» [2].

В нашем исследовании рассматриваем, какие стереотипы о русских можно наблюдать в американском кинематографе.

Первым этапом нашего исследования было анкетирование с целью получить ответ на следующий вопрос: «Назовите американский художественный фильм, где присутствуют русский(ие) герой(и), персонаж(и)». В анкетировании участвовало 100 человек в возрасте от 19 лет до 55-ти.

Всего по результатам данной анкеты было выделено 37 фильмов, из которых мы выбрали пять самых часто упоминаемых нашими респондентами. А именно – «Красная жара», «Рокки 4», «Агент 007. Золотой газ», «Мстители», «Армагеддон».

Вторым этапом мы проанализировали эти пять фильмов с использованием метода контент-анализа. Для выделения категорий была использована методика Д. Каца и К. Брейли «Приписывание качеств», разработанная для изучения этнических стереотипов. В результате контент-анализа были выделены следующие качества (стереотипы): «агрессивные», «сильные», «уверенные в себе», «конкурирующие», «выносливые». Также качества «эмоциональные», «добросовестные» и «отзывчивые».

Объединяя всех русских персонажей проанализированных фильмов в один образ, мы можем сказать, что они проявляют агрессию, причем в основном физическую, при этом они достаточно сильны и выносливы. Также они предпочитают конкуренцию: как на уровне слов, так и на уровне действий, конкурентное взаимодействие демонстрируется и между героями, и между двумя странами и их идеологиями.

В результате проведённой работы нами были подтверждена общая гипотеза о наличии определённого образа русского в американском кинематографе. Таким образом, русский в американском кинематографе это сильный, выносливый человек, который часто проявляет агрессию, причем чаще физическую. Все наши герои уверены в себе и в своих действиях, как правило, именно в своей

победе и в том, что они лучшие. Очевидна связь выделенных категорий с профессиями героев, так или иначе связанных с военным делом: капитан милиции («Красная жара»), капитан советской армии («Рокки 4»), полковник космического агентства («Армагеддон»), бывшая летчица и бывший работник КГБ, программисты на секретных космических станциях («Агент 007. Золотой газ»), шпионка («Мстители»).

Также в ходе контент анализа нами были выделено и то, что изучаемый образ не статичен и изменяется: в зависимости от периода, к которому относится анализируемый художественный фильм, появляются такие характеристики, как «эмоциональные», «добросовестные» и «отзывчивые». На излёте XX века у русского персонажа появляются положительные характеристики, он более явно демонстрирует свои эмоции, переживает за близких, честно выполняет свои обязательства и не только перед родиной, но и перед другими персонажами; нередко рискует своей жизнью для того, чтобы исполнить долг.

Таким образом, по результатам исследования выделены характеристики образа русского в кинематографе США 1980-2004 годов; выявлена и описана его динамика.

Литература

1. *Агеев В.С.* Психология межгрупповых отношений. М.: МГУ, 1983.
2. *Александрова Е.А.* Массовая культура и мифология в начале XXI века (пример американских художественных фильмов, снятых на основе комиксов и произведений в жанре фантастики) // *Артикульт.* 2014. 13(1). С. 73-80.
3. *Боголюбова Н.М.* Межкультурная коммуникация и международный культурный обмен: учебное пособие. М.: СПбКО, 2009.

К вопросу об этнокультурной и религиозной специфике формирования ожиданий у клиентов

Забелин С.В., Лейбман И.Я.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва

В процессе психологической работы в любом ее формате – будь то психологическое сопровождение деятельности, групповая работа или

индивидуальное консультирование, значимую роль играют клиентские ожидания.

В русскоязычных источниках эта тема поднималась преимущественно применительно к взаимным ожиданиям сторон в отдельных областях – например, описывая работу психолога в школе, армии или в организации. Специфика этих исследований состояла в том, что в описываемых процессах участвовало более двух сторон – например, родители, ученики, педагоги и непосредственно психологи в школе, а в армии или гражданских организациях – военнослужащие (или сотрудники), их руководство и сами психологи. В таком формате акцентировать внимание только на ожиданиях одной из сторон, а тем более, на каких-то специфичных моментах, представляется крайне затруднительным для исследователя.

В связи с этим наше исследование посвящено достаточно узкой теме. Мы рассматриваем не клиентские ожидания в целом, а их формирование у клиентов с различной этнической и религиозной идентичностью.

Гипотеза исследования состоит в том, что этнокультурные и религиозные установки оказывают влияние на ожидания клиента от работы с психологом. Отбор респондентов производился в социальных сетях на основании публично декларируемой и внешне проявляемой идентичности – этнической и религиозной. Для этого была использована методика измерения ингрупповой идентификации К. Лича в адаптации Е.Р. Агадуллиной и А.В. Ловакова в отношении принадлежности к религиозной группе и методика Финни, измеряющая уровень выраженности этнической идентичности. После обработки было выявлено 4 группы респондентов:

- с низкими показателями уровня выраженности этнической идентичности и компонентов идентификации с религиозной группой;
- с высокими показателями уровня выраженности этнической идентичности и низкими - уровня выраженности компонентов идентификации с религиозной группой;
- с высокими показателями уровня выраженности компонентов идентификации с религиозной группой и низкими - уровня выраженности этнической идентичности;
- с высокими показателями уровня выраженности этнической идентичности и компонентов идентификации с религиозной группой

Далее каждая из групп была разделена на две подгруппы на основании наличия опыта взаимодействия с психологом. Мы предполагаем, что это также является значимым фактором в формировании ожиданий и хотим сравнить ожидания клиентов со

схожей степенью выраженности этнокультурных и религиозных установок по этому параметру тоже.

В процессе выравнивания было отобрано 64 респондента – по 4 на каждую подгруппу.

На следующем этапе исследования в ходе полуструктурированного интервью происходит непосредственно выяснение факторов, влияющих на формирование ожиданий. В дальнейшем исследование предполагается продолжить, расширив методический аппарат с целью возможности учета большего числа личностных характеристик, а также переработать вопросы интервью на основании результатов.

Литература

5. *Лебедева Н.М.* Этнопсихология. М., 2016.
6. *Орлов В.А.* Экспектации субъектов образовательного процесса относительно роли школьного психолога как фактор эффективности их взаимодействия : Дис. канд. психол. наук. Москва, 2006
7. *Павлова О.С., Миназова В.М., Хухлаев О.Е.* Религиозная идентичность студентов-мусульман (на материале изучения молодежи, проживающей в Чеченской республике) // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 4. С. 90—99.
8. *Радул Н.Н.* Особенности профессиональной самореализации военного психолога. Дис. канд. психол. наук. Москва, 2001.

Осведомленность психолога о специфике работы с клиентами иной этнической и религиозной идентичности

*Забелина Е.Н., Павлова О.С.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
zabelina.at.work@gmail.com*

Современный мир стремительно меняется во всех сферах – начиная с технического прогресса, заканчивая ценностными установками и коммуникативными практиками. Для облегчения адаптации психики к постоянным изменениям возникает потребность в актуализации идентичности. Публичная активность феминисток, представителей ЛГБТ-сообщества есть не что иное как акцентуация гендерной идентичности. Рост националистических настроений,

борьба за статус языка в государстве (например, на территории Украины) – акцентуация этнической, а протесты против проведения молитв на Курбан-Байрам или строительства храмов – соответственно, акцентуация религиозной идентичности.

В связи с этим особую актуальность в работе психолога приобретает необходимость учета специфики идентичности клиента. В частности, определенная этническая и религиозная идентификация предполагают наличие особой мирокартины, целого ряда ценностных установок, не говоря уже о специфике коммуникации и ролевых ожиданий. Для психолога знания в этой области могут стать хорошим подспорьем, возможностью наиболее эффективно применять те или иные методы работы.

Наше исследование посвящено сбору и анализу информации о специфике работы с клиентами иной идентичности в максимально открытой форме. Предварительно проведенные консультации позволили выявить, что формированию компетентности в этой области могут способствовать или же, напротив, препятствовать ряд факторов:

- Наличие системного базового образования. В настоящее время психологическое образование можно получить как за 6 лет (бакалавриат + магистратура), так и на курсах профессиональной переподготовки (до 2 лет). Однако часто можно встретить помогающих специалистов, образование которых в области психологии ограничивается курсами повышения квалификации. Набор предметов на таких курсах профильно ограничен, ввиду чего формирования цельной профессиональной картины мира не происходит.

- Наличие профильных предметов. В ряде вузов такой предмет, как «этнопсихология», является обязательным. В некоторых – факультативным. Однако в большинстве учебных заведений, где готовят психологов, такого предмета нет. Некоторое представление о границах в диаде «психолог-клиент» студенты получают из курса профессиональной этики, но на этнической и религиозной специфике клиента там акцент не делается.

- Выбранная парадигма работы. Дж.Берри пишет об индигенной психологии, основанной на определенной культурной традиции. Таким образом можно говорить не только о западноевропейской психологии, индигенной, по сути, однако, на основании проработанности, претендующей на универсальность, но о религиозной психологии в целом, об исламской или христианской психологии в частности, этнической психологии и т.п. Что из этого и в

какой форме ляжет в картину мира психолога, и как повлияет на его работу – вопрос открытый.

- Выбранное направление работы. Семейный психолог будет иметь дело с клиентами, существующими в рамках семейной системы, основанной на ценностях, идущих из этнической или религиозной группы, или их сочетания. Для него знание и учет этнической и религиозной идентичности клиента будут важны и актуальны. В то время как, например, коуч будет обращать внимание преимущественно на свойства личности, поскольку клиент ориентирован на быстрый и эффективный результат и ему нужны в первую очередь инструменты, а не процесс.

- Выбранные методы работы. Специалист в области проективных методик может столкнуться с различным пониманием тех или иных образов и символов в различных культурах. Библиотерапевт, обращаясь к литературе, может столкнуться с различным социально одобряемым отождествлением, в результате чего терапевтическая сказка будет понята клиентом совершенно иначе, чем планировал психолог. Нарративный практик может столкнуться с категорическим неприятием клиентом метода и положительным примером беседы со священнослужителем, который помогает клиенту, обсуждая с ним историю про душу и пути ее спасения.

На основании этого была сформирована выборка для исследования методом полуструктурированного интервью. Респонденты (психологи из Москвы) группировались по уровню образования (бакалавриат+магистратура\специалитет; бакалавриат; выпускники программ профессиональной переподготовки; выпускники курсов повышения квалификации) и выбранному направлению работы (семейные терапевты; коучи; арт-терапевты), всего 60 человек. Интервью представляло собой ряд вопросов, объединенных в тематические блоки:

- описание места этнической и религиозной идентичности в структуре личности клиентов;
- источники представлений психологов об этнокультурной и религиозной специфике;
- практический опыт взаимодействия с инокультурными и инорелигиозными клиентами, возможное влияние на процесс работы, ограничения или же, напротив, использование духовного ресурса и т.п.

В дальнейшем исследование планируется расширить, сделав выборку по нескольким крупным городам.

Литература

1. *Василюк Ф.Е.* Культурно-антропологические условия возможности психотерапевтического опыта // Культурно-историческая психология, №1. 2007.
2. *Берри Дж., Пуртинга А.Х., Сигалл М.Х., Дасен П.Р.* Кросс-культурная психология. Исследования и применение. Харьков, 2007.
3. *Каяшева О.И.* Библиотерапия и сказкотерапия в психологической практике. Самара, 2012.
4. *Суркова Е.Г.* Проективные методы диагностики: Психологическое консультирование детей и подростков: Учеб. пособие для студентов вузов, Москва, 2008
5. *Уайт М.* Карты нарративной практики: Введение в нарративную терапию, Москва, 2010.
6. *Чебаро М.* Кросс-культуральные исследования в изобразительном искусстве и психотерапии//Арт-терапия - новые горизонты // Под ред. А.И. Копытина. Москва, 2006.

Особенности автостереотипов у лиц без определенного места жительства

*Зоткина О.Л., Кузнецов И.М.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
Zotolg@mail.ru*

Стереотипы необходимы человеку, так как позволяют экономить усилия, делая обобщения. Однако они могут мешать объективному восприятию как социальных групп в целом, так и отдельных их представителей в случае, когда приобретают форму предубеждений. Исследователи отмечают, что «...предубежденность можно рассматривать как стойкое негативное отношение к какой-либо группе» [3, с.150]. Наличие в обыденном сознании предубеждений к какой-либо социальной группе негативно влияет на возможности ее представителей к самореализации и определению их места и роли в обществе.

Очевидно, что одной из социальных групп, подверженной стереотипизации и предубеждению, являются люди без определенного места жительства. Следовательно, можно предположить, что люди, оказавшиеся в силу различных причин в ситуации бездомности, теряют возможность возвратиться к нормальной социальной жизни,

быть полноценными членами общества, в том числе, под влиянием общественных предубеждений [1, с.55].

Изучив работы современных исследователей, мы пришли к выводу, что угроза подтверждения стереотипа у лиц без определенного места жительства исследована недостаточно [2, с.15]. Изучение этой проблемы имеет общественное значение, так как может помочь значительному количеству людей возвратиться к нормальной социальной жизни. Данные, полученные в результате проведенного исследования, могут быть использованы для разработки рекомендаций социально-психологическим службам, работающим с людьми, оказавшимися в ситуации бездомности.

Цель исследования: изучение влияния стереотипов на возможности ресоциализации, социальной адаптации и дальнейшего жизнеустройства представителей стигматизируемых социальных групп, на материале изучения лиц без определенного места жительства. При выполнении данной работы были использованы методы эмпирического исследования: диалоговое интервью и качественный анализ данных.

Испытуемые: мужчины от 31 до 61 года, проживающие в Центре социальной адаптации Люблино г. Москва. Выборку исследования составили 6 человек.

Изучив и проанализировав взятые интервью, мы пришли к выводу, что распространенные в обществе стереотипы о лицах без определенного места жительства оказывают существенное влияние на людей, относящих себя к этой группе. Подтверждением этого влияния являются высказывания самих респондентов.

Заявления респондентов об отношении других людей к их положению и «статусу: бомж» свидетельствуют о частых встречах с предубеждениями, бытующими в обществе. Большинство респондентов соглашались с негативным мнением о людях, не имеющих дома. Присутствует либо желание скрыть свой статус, либо подчеркнутая бравада им, связанная с переживанием превосходства «нормальных» людей над ними. Респонденты часто говорят о предвзятом отношении к ним, о сложности общения с «нормальными» людьми или полном отказе от такого общения и о том, что они к этому привыкли.

Рассказы респондентов о своем положении и социальном статусе также выявляют согласие и «привычку». Можно заметить сформированное негативное отношение к себе, ощущение своей ненужности, желание «стараться об этом не думать» и «жить одним днем».

Один из испытуемых описал свое положение в обществе метафорой: «Вот как рабы раньше ошейник носили, на них было

написано: я раб». Это яркая иллюстрация переживания стигмации представителей этой группы.

Названные респондентами чувства и эмоции, связанные с их социальным статусом и бытующими предрассудками, – отчаяние, вина, злость, раздражение, смирение, опустошенность.

Сообщения респондентов о влиянии на них существующих в обществе стереотипов содержат либо безусловное согласие с предрассудочным обществом, либо категорическое несогласие. Респонденты как бы оказываются на разных полюсах, но одинаково отчуждены от общества «социально нормального». Рассуждения респондентов о своем будущем выявляют страх, нежелание о будущем думать, самые пессимистичные прогнозы.

Таким образом, на основе исследования можно сделать вывод о том, что распространенные в обществе предрассудки по отношению к лицам без определенного места жительства негативно сказываются на их самовосприятии и способствуют формированию соответствующих негативных автостереотипов.

Полученные результаты могут быть использованы для дальнейших исследований психологических особенностей людей без определенного места жительства, а также для помощи в работе социальных служб по ресоциализации представителей данной группы.

Литература

1. *Алексеева Л.С.* Бездомные как объект социальной дискредитации // Социологические исследования. 2003. № 9. С. 52-60.
2. *Клюева Н.Ю.* Психология бездомного и бездомности // Сибирский психологический журнал. 2011. №41. С.15–19.
3. *Ениколопов С.Н., Мешкова Н.В.* Направления исследования предрассудочности в западной психологии межгрупповых отношений. URL: <http://psychlib.ru/mgppu/periodica/VP012007/EIp-148.htm#p148>

Ценностные ориентации и детско-родительские отношения в семьях разного вероисповедания

Карасёва А.К., Павлова О.С.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
anna.carasewa@yandex.ru

В последнее десятилетие на первом плане в дискуссиях по данной теме чаще всего находится вопрос о разрушении основных жизненных

ценностей россиян, об утрате ориентиров. Ценностные ориентации в философских и психолого-педагогических науках рассматриваются как показатели духовной направленности личности и имеют место в работах таких ученых как С.Ф. Анисимов, А.Г. Здравомыслов, С.И. Маслов, М.С. Каган и многих других [1; 2; 4; 5; 6].

Те или иные жизненные ценности имеют разную актуальность не только для разных социальных групп, но и для представителей разных конфессий. Нельзя не отметить то, что немаловажным дифференцирующим фактором является возраст. Ценность ребенка для молодых матерей оказывается сегодня менее значимой, чем для матерей среднего и пожилого возраста. В семейной ориентации части молодых россиян отсутствует установка на рождение детей [3; 7; 10].

И основной причиной современной депопуляции является изменение репродуктивных установок и ценностной роли ребенка у молодых женщин. Низкая рождаемость для наибольшего количества современных женщин является глубоко укоренившейся в образе жизни и системе ценностей. Данное обстоятельство и рассматривается в качестве главной проблемы нашего исследования.

В психологической литературе (преимущественно, зарубежной) довольно подробно рассматриваются биологические основы материнства, а также условия и факторы индивидуального развития его у человека [8; 9].

В связи с этим, представляется актуальным провести исследование ценностных ориентаций и культурного контекста детско-родительских отношений применительно к детям среднего школьного возраста.

Теоретической основой исследования послужили труды современных отечественных и зарубежных авторов по проблемам этнопедагогики и воспитания детей в различных культурах: К.А. Абульхановой-Славской, В.С. Агеева, Г.М. Андреевой, А.Ф. Дашдамирова, А.Н. Джуринского, А.В. Кабыща, И.С. Кона, В.Г. Крысько, В.П. Левкович, А.Р. Лурии, Г.В. Осипова, О.С. Павловой, А.В. Павловской, Л.Г. Почебут, Э. Соколова, Н.В. Уфимцевой и др.

Исследовательская работа велась в школах Москвы. В анализе РО использовались материалы только монокультурных семей, а именно 20 русских, 20 еврейских и 20 чеченских семей, в которых воспитываются дети среднего школьного возраста.

В процессе исследования использовались следующие психодиагностические методики: «Взаимодействие родитель-ребенок» Марковской И.М., «Экспериментальное исследование особенностей эмоциональной стороны детско-родительского

взаимодействия» Захаровой Е.И., методика «Диагностика ценностной направленности матери» Е.П. Захаровой и Н.С. Кукушкиной.

Результаты, которые мы получили, проведя исследование по данной теме, подтверждают выдвинутую нами гипотезу о том, что существуют различия как в ценностных ориентациях, так и в родительском отношении еврейских, чеченских и русских матерей. Они заключаются в том, что:

- у еврейских и чеченских матерей строгость и согласие в родительском отношении к детям, ориентация на состояние ребенка при построении взаимодействия и умение воздействовать на эмоциональное состояние ребенка являются доминирующими;

- у русских матерей доминирующими являются принятие и удовлетворенность отношениями с ребенком и понимание причин состояния.

Полученные данные позволяют сделать предварительные выводы о наличии статистически значимых различий в ценностных ориентациях и родительских отношениях к детям в семьях разного вероисповедания.

Литература

1. *Абульханова-Славская К.А.* Стратегия жизни. М.: Мысль, 2000.
2. *Анисимов С. Ф.* Введение в аксиологию. Учебное пособие для изучающих философию — М.: Современные тетради, 2001.
3. *Джуринский А.Н.* Концепции и реалии мультикультурного воспитания: сравнительное исследование. М.: Academia, 2008.
4. *Здравомыслов А.Г.* Потребности, интересы, ценности М.: Политиздат, 1986.
5. *Кон И.С.* В поисках себя. Личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1984.
6. Кросс-культурные психологические исследования и применение/Берри Джонс В., Дассен Пьер Р., Сигал Маршал Х., Пуртинга Айп Х./ изд-во Гуманитарный центр, 2007.
7. *Лурье А.Р.* Культурные различия и интеллектуальная деятельность // Практический психолог и логопед в школе и ДОУ: научно-методический журнал / ред. Т.П. Мищенко. 2012. №1, 2012. С. 17-32.
8. *Павлова О.С.* Чеченский этнос сегодня: черты социально-психологического портрета (монография). М.: Издательская группа «Сам Полиграфист», 2013. 558 с.

9. *Почебут Л.Г.* Взаимопонимание культур. Методология и методы этнической и кросс-культурной психологии. Психология межкультурной толерантности. Учебное пособие. Изд-во СПбУ, 2007.
10. *Шварц Ш.* Культурные ценностные ориентации: природа и следствия национальных различий // Психология. 2008. № 2. С. 36–67.

Социально-психологические аспекты изучения новой религиозности и феномена базового шаманизма в России

*Колесник М.А. Александрова Е.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
maryana@m-i.ru; aleksandrova.elenaandreevna@mail.ru*

Одним из закономерных следствий социальных и экономических перемен в нашей стране стало возрождение религиозности. Наряду с активизацией деятельности традиционных для России религий (православия, ислама и иудаизма), а также мирового учения буддизма стали появляться из пустоты атеизма 80-х – начала 90-х годов и совершенно новые формы религиозной и духовной жизни, среди которых значительное место заняли так называемые нетрадиционные религиозные движения (НРД) или новые религии.

Новую религиозность чаще всего обозначают следующими именами существительными: религии, движения, культы, секты, общества, объединения, организации; и прилагательными (определениями): новые, нетрадиционные, духовные, мистические, эзотерические, внеконфессиональные, тоталитарные, деструктивные [7, с.7].

Как отмечает в своей работе В.И. Харитонов [8, с.93], во второй половине XX века в культурной и духовной жизни светского общества каким-то невероятным образом снова появился шаманизм. Сам термин весьма условен и в данном контексте он «объединяет практики жречества и исцеления, требующие контакта с миром духов (или согласно К.-Г. Юнгу и его последователям, имагинальным миром)». Во многих исследованиях неошаманизм, как одно из движений New Age, относят к новым религиозным движениям [1; 2; 4].

В России это явление называют еще базовым шаманизмом [3, с.11], неошаманизмом, экспериенциальным, жизненным шаманизмом. Шаманизм, как и многие мистические практики, порожден глубинами психофизиологии человека [8, с.95]. Данная работа фокусируется на

основных кросс-культурных принципах шаманизма, не относясь к какой-либо определенной традиции.

На основании изученной литературы и ряда научно-исследовательских работ нами были выделены следующие аспекты, составляющие основу нового религиозного движения и отношения к нему «базового шаманизма».

Как писала В. Воронина [3, с.12] в своем исследовании феномена экспериенциального шаманизма, не являясь имитацией какой-либо культурной традиции, он хорошо подходит для использования представителями современной культуры, в том числе городской, которые ищут систему контакта с миром духов, которую можно адаптировать и интегрировать в повседневную жизнь. Это позволяет отнести базовый шаманизм к современному культурно-религиозному явлению.

Согласно индуктивному подходу к выявлению признаков новой религиозности, НРД противопоставляются традиционной религиозности, поэтому отметим, что шаманизм является основой, из которой затем, по мере эволюции, выросли все основные мировые религии и учения [6], а значит и неошаманизм также имеет под собой базис из традиционных верований.

А из дедуктивного подхода следует [2; 4], что НРД присущи новые, оригинальные идеи и новации, выражающие новое мироощущение и созвучные интуитивным идеям, потребностям людей в их религиозном выражении. Согласно этому определению, базовый шаманизм не дает новых, оригинальных идей и новаций, так как в своей основе содержит практику общения с имагинальным миром, которая насчитывает несколько тысячелетий. Но мы можем согласиться с тем, что неошаманизм отвечает некоторым потребностям людей, в том числе в их отношениях с миром нуминозным, Божественным.

Согласно критерию социальной организации религиозной общности, предложенной Васильевой [2, с.157] большинство религиозных движений возникают вокруг какого-либо харизматичного лидера, а также для них характерны выработка правил, уставов, ритуальных действий. Также для участников НРД характерна сплоченность и наличие признаков, характерных для всех членов группы. По имеющимся у нас данным пилотного исследования не было выявлено наличие общности ритуалов и практик, а также общих признаков для всех членов группы.

По признаку религиозной общности, который характеризуется религиозной верой, предполагающей диалог с гипостазированными существами, мы можем отнести базовый шаманизм в эту категорию,

так как практика любого шаманизма включает в себя, в первую очередь, веру в существование духовных существ и контакт с ними. Если допустить, что религия хоть в какой-то мере отображает эволюцию человеческого сознания, то шаманизм можно считать не только первобытным культом, но и некой особенностью, присущей человеческой психике в целом. Творчество, интуицию, создание рассказов, мифов, спонтанность, способность к прямому контакту и взаимодействию с миром невидимым, миром «духов» можно считать проявлениями этой особенности.

По данным, приведенным в [3, с.14] люди, практикующие базовый шаманизм, углубляют контакт с духовной частью реальности, т.е. шаманские практики становятся практиками духовного развития и познания мира; а также дают возможность получить непосредственный опыт реальности духовного мира. Практикующий получает возможность найти ответы на экзистенциальные и трансцендентные запросы, что сближает неошаманизм с современной психологией.

По результатам пилотного исследования по использованию основных практик и техник базового шаманизма, проведенного в декабре 2017 года с участием 21 шаманского практика, проживающих в Москве, возраст от 29 до 67 лет, с учетом вышеприведенных критериев мы можем сделать следующие выводы.

Базовый шаманизм – одно из интересных явлений современной культуры и духовной жизни в социальной жизни общества. Он является феноменом социальной жизни и занимает свою нишу на стыке религии, глубинной психологии, психотерапии и эзотерики. В силу своей не обусловленности жесткими предписаниями, он дает источник реализации человеческим потребностям в религиозных ресурсах, общения с духовным миром; возможность выходить за пределы собственного эго, ощущать причастность к силам и смыслам большим, чем он сам.

Литература

1. Балагушкин Е.Г. Нетрадиционные религии в современной России: морфологический анализ Ч.2 М.; 2002.
2. Васильева Е.Н. Новые религиозные движения: понятие и специфика // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2016. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-religioznye-dvizheniya-ponyatie-i-spetsifika> (дата обращения: 11.04.2018). КиберЛенинка: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-religioznye-dvizheniya-ponyatie-i-spetsifika>

3. *Воронина В.Ю.* Исцеление в традиции базового шаманизма// Медицинская антропология и биоэтика. 2012 - №2(4). URL http://www.medanthro.ru/?page_id=1136 (дата обращения 12.04.2018).
4. *Григорьева Л.И.* Религии «Нового века» и современное государство. (Соц.-философ. очерк). Красноярск: СибГТУ, 2002.
5. *Мартинovich В.А.* Нетрадиционная религиозность в Беларуси. Тенденции и опасности. Минск; 2010.
6. *Тайлор Э.* Первобытная культура. М.; 1989.
7. *Филиппов Ю.В.* Традиции и инновации в новых религиозных движениях (на примере групп, представленных в г. Москве). Дис. канд. историч. наук. М. 2002.
8. *Харитоновна В.И.* Диалог культур на языке шаманизма // Вестник истории, литературы, искусства. Альманах Отделения ИФН РАН. 2013. С. 93-112.

Взаимосвязь особенностей формирования знаний о сексуальной культуре и профиля культурных ценностей

*Лейбман И.Я., Сундуков З.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
irina.leybman@gmail.com, zakhar.sundukov@gmail.com*

Сексуальная культура – сложный социальный феномен, изучаемый представителями разных областей: социологами, сексологами, педагогами, психологами, культурологами и историками. Представители различных подходов сосредотачивают свое внимание на разных аспектах сексуальной культуры.

В социологии и культурологии сексуальная культура рассматривается как часть культуры, как особый вид человекотворческой деятельности. В ней человек творит особые формы социальной реализации своего полового влечения. Сексуальная культура, понимаемая в широком смысле как культура взаимодействия двух полов, не может быть сведена только к системе знаний и умений, определяющих половой акт. Она представляет собой совокупность правил, норм, ценностных ориентаций и установок, регулирующих отношения между мужчиной и женщиной во всех сферах их совместной жизнедеятельности.

В узком смысле сексуальная культура представляет совокупность тех знаний и практик, которые характеризуют телесные и социально-

психологические отношения, возникающие между людьми в процессе реализации полового влечения. Социальные нормы, включающие в себя эстетические, нравственные регуляторы, а также особые чувственно-эмоциональные переживания, обозначаемые терминами «любовь», «влюбленность», позволяют человеку преодолеть чисто природную форму реализации полового влечения³.

Сексуальная культура не просто запрещает или разрешает те или иные проявления природной сексуальности, она определяет ее социальную, этическую и эстетическую ценность, и таким образом, осуществляет регуляцию мотивационно-ценностных аспектов полового влечения. И очевидно, что взаимосвязана с нормами и традициями той культуры или субкультуры, в которой живет каждый человек.

Сексолог, психолог и социолог И.С. Кон под сексуальной культурой понимает совокупность знаний и умений, позволяющих людям наиболее успешно и безопасно достигать своих сексуальных целей. В качестве основных компонентов сексуальной культуры Кон выделяет:

- 1) сексуальный символизм – знаки и символы, в которых осмысливается сексуальность, включая представления о природе половых различий, любви, деторождении, полового акта;
- 2) установки и ценностные ориентации, в соответствии с которыми люди воспринимают, оценивают и конструируют свое сексуальное поведение;
- 3) социальные институты, в которых протекает сексуальная жизнь граждан;
- 4) нормативные запреты и предписания;
- 5) обычаи и обряды, посредством которых оформляются соответствующие действия (бракосочетание, инициации и пр.);
- 6) структуры и формы (паттерны) типичных сексуальных практик, отношений и действий¹.

В другой своей книге И. Кон определяет сексуальную культуру как «отношение к сексуальности, сексуально-эротические ценности и соответствующие им формы поведения»².

При этом мы в своем исследовании предполагаем, что сексуальная культура, как неотъемлемая часть понятия культуры в целом, находится во взаимосвязи с культурно-ценностными особенностями человека.

Нидерландский социолог Г. Хофстеде в период с 1963 по 1971 гг. провел большое социологическое исследование, направленное на выявление различий в менталитете жителей разных стран. Согласно его исследованиям, в культуре СССР преобладали: 1) коллективизм. В

коллективистской культуре групповые цели превалируют над индивидуальными (чувство «Мы» преобладает над «Я»), люди проявляют изначальную заинтересованность в крепко связанных и сплоченных группах; 2) мужественность. В «мужских» культурах доминируют ценности «настойчивость», «самоуверенность», «теплых личных отношений», «забота о слабых», «солидарность». В таких культурах обычно присутствует двойной стандарт поведения для мужчин и женщин, четкое разделение социальных ролей по полу; большие различия между ценностями, поддерживаемыми мужчинами и женщинами; 3) приверженность стабильности и традициям, низкая толерантность к переменам, стремление жить по существующим правилам; 4) выраженное уважение к представителям власти, к начальству, к авторитетам без критической оценки уровня их компетентности и личностных качеств⁴.

Эти общекультурные особенности не могли не отразиться на сексуальной культуре Советского Союза и новой России. Например, для стран с высокой дистанции власти власти информационный поток носит избирательный характер, и в «СССР секса не было». За годы перестройки этот показатель значительно снизился, а информация о сексуальной культуре стала доступной. Так же можно рассмотреть изменения показателя индивидуализм-коллективизм. Изменения в сторону индивидуализма, побуждают человека больше заботиться о себе во всех сферах жизни, в том числе, повышать знания в более интимных областях, что ведет к изменению сексуальной культуры.

Дальнейшее исследование особенностей формирования знаний о сексуальной культуре жителей России разных поколений интересно как с точки зрения динамики их изменений, так и с практических позиций выстраивания процесса просвещения в вопросах сексуальной культуры.

Литература

1. *Кон И.С.* Сексология: учебное пособие. – М.: Академия, 2004. – 384 с. – С. 67-68.
2. *Кон И.С.* Клубничка на березке. Сексуальная культура в России. – М.: ОГИ, 1997. – 464 с. – С. 5.
3. *Пичугина Т.А.* Особенности сексуальной культуры в современной России: социологический анализ: автореферат дис. канд. социол. наук. – Екатеринбург, 2003. – 20 с. – С. 11-12.
4. *Хофстеде Г., Маккрэй Р.* Возвращаясь к обсуждению личности и культуры: связь личностных черт и культурных

осей. перевод В.В. Солонников // Социологический журнал.
2010. № 4. – С. 9-41.

Визуальные методы исследования обрядов: фиксация видимых социокультурных смыслов этнических культур

*Обухов А.С.
ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ, Москва
aobuhov@hse.ru,
Ткаченко Н.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
Tata.tkachenko@gmail.com*

Человек существо целостное и неразрывно связан с социокультурным контекстом развития и жизнедеятельности. Культура также целостный и системный феномен, находящейся в постоянном изменении. Культура любой социальной общности – относительно самостоятельна, но при этом включена в общесоциальные процессы, межгрупповое взаимодействие и межкультурную коммуникацию. Социокультурная психология изучает развитие и жизнь человека в контексте непосредственной культуры локальных социальных общностей, в системе социальных отношений и взаимодействий, культурных традиций, межпоколенческой трансмиссии.

Понимание социума и человека в контексте культуры складывалось внутри трёх основных теоретических ориентаций:

1 – абсолютизма, который опирается на понимание, согласно которому психологические феномены одинаковы во всех культурах;

2 – универсализма, приверженцы которого полагают, что все люди на земле в своих базовых психологических характеристиках идентичны, а культура определяет собственно различия между ними;

3 – релятивизма, который основывается на понимании, что все психологические феномены абсолютно специфичны для данной конкретной культуры [3].

Реальность для исследователя может открываться в результате контакта с подлинной, живой культурой: через непосредственную встречу с носителем культуры, через соприкосновение с уникальными культурными практиками. Это возможно осуществить именно в полевой практике, опираясь, в основном, на релятивистский подход в познании.

Соотношение человека и культуры может рассматриваться в контексте теоретико-методологических подходов в изучении и понимании культуры, которые представляют собой три основных направления:

1 – примордиализм, где этничность понимается как врождённое свойство человека идентифицировать себя с группой, имеющее объективные основания либо в природе человека, либо в социуме;

2 – ситуационизм (инструментализм), которые определяют этничность как продукт этнических мифов, создаваемых элитой общества для достижения определённых выгод;

3 – социальный конструкционизм, согласно которому этничность – это процесс социального конструирования воображаемых общностей, основанной на вере в то, что они объединены естественными и даже природными связями, единым типом культуры и идеей или мифом об общности происхождения и общей истории [1].

Внутри данных направлений сформировались определённые традиции изучения человека. Они определяются не только исследовательскими задачами, но в том числе пониманием места (позиции) исследователя и принимаемым инструментарием, определяемым в основном уровнями качественной методологии [4].

Один из основных вопросов, который стоит перед исследователями, строится вокруг познания *живого человека (конкретного носителя культуры, а не статистическая единица в big data), его судьбы, системы отношений и др. в конкретной этнокультурной ситуации. То есть изучения его жизни, его мысли, его действий. То есть одним из исследовательских фокусов является вопрос: Как понимать человека в контексте культуры как абстрактного? Когда он всегда конкретен в уникальных обстоятельствах жизни и социальных отношениях. При этом есть универсалии природы человека и общности, в рамках которых каждый конкретный случай специфичен, самобытен, является особенным. Так как человек живёт не в абстрактной группе, а в реальных социальных отношениях.*

Одним из возможных направлений здесь мы видим в развитии полевых исследований в рамках методологии визуальной антропологии, позволяющей системно фиксировать (и тем самым присвоить жизненному событию статус факта) жизнь человека и социальной общности во всей полноте наблюдаемых культурных практик.

Ключевые видимые проявления культурных смыслов, определяемых жизненные ориентиры и ценности общности, мы можем наблюдать в обрядах, сопровождающих жизнь этнической

общности и человека во взаимодействии с миром. Обряд, имея устойчивую структуру и этапы, видимые факты проявлений – легко поддается визуальной фиксации, что на следующем этапе позволяет его анализировать как культурный текст. Обряд, по сути, это мировоззрение культуры в действии, в видимом проявлении. Многие обряды (обрядовые практики) сохраняются, изменяются, обновляются в этнических общностях (по многом выступая видимым средством культурной трансмиссии и этнической идентификации). Функциональная классификация и типология обрядов (какие психологические и социальные универсальные потребности сопровождаются, регулируются в обряде) позволяет сравнивать обрядовые практики в разных культурах; сравнивать культуры социальный контекст развития человека; изучать ценности, верования, убеждения в сравниваемых культурах (сообществах) [2].

Исходя из того, что обряд – это аккумуляция, удержание и трансляция ключевых смыслов культуры общности в действии и взаимодействии людей – мы видим продуктивность визуальных исследований именно обрядов:

1 – первичная фиксация непосредственно наблюдаемых ритуальных действий (социокультурная реальность здесь становится ценностью как первичная данность, вне теоретических шор и рамок);

2 – на втором шаге – запись интерпретаций наблюдаемых действий, предметов, текстов, которая дается участниками обряда, в том числе при просмотре с ними снятых материалов (субъективная реальность носителей культуры может рассматриваться как самостоятельная ценность при анализе видимого);

3 – и только на третьем этапе – историческое и теоретическое описание, сравнение конкретных обрядов с аналогичными в этой и других культурах (в том числе через применение различных теоретических конструктов для анализа и интерпретации непосредственно зафиксированной данности).

Литература

1. *Лебедева Н.М.* Этнопсихология: Учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2016. – 491 с.
2. *Обухов А.С.* Психология личности в контексте реалий традиционной культуры. – М.: Прометей, 2006. 352 с.
3. *Стефаненко Т. Г.* Этнопсихология. М.: Институт психологии РАН, «Академический проект», 1999.

4. Улановский А.М. Качественные исследования: подходы, стратегии, методы // Психологический журнал. 2009. Т. 30, №2. С. 18–28.

Этническая идентичность и самооценка подростков

*Ташаева Б.С.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
bela35.35@mail.ru*

Сегодня, как никогда ранее, в связи с тем, что во всем мире происходят как политические, так и социальные, и национальные преобразования, на первое место выходят этносоциологические и этнологические исследования. Анализ научной литературы и исследований, тематически связанных с социальной идентичностью, показывает, что вопросы изучения особенностей этнической идентичности и её связи с самооценкой личности не были предметом специального исследования, что и послужило целью данного исследования [5; 6; 7; 8; 9]. В работе предполагается проверить существование связи этнической идентичности и самооценки подростков 14-17 лет (на примере русских и чеченских подростков).

Теоретико-методологической основой исследования явились работы современных отечественных и зарубежных авторов по проблемам этнопедагогики и социализации подростков: А.Г. Асмолова, Е.П. Белинской, И.Г. Бозиной, Л.С. Выготского, Е.В. Голуб, А.В. Григорян, Н.Л. Иванова, О.С. Павловой, О.Е. Хухлаева [1; 2; 3; 4 и др.].

Апробация гипотезы будет осуществлена в выборке, включающей 50 русских старшеклассников и 50 чеченских старшеклассников. Для изучения особенностей этнической идентичности и самооценки подростков используются стандартные и модифицированные методики: тест «Кто Я?» Куна-Макпартленда, позволяющий изучить содержательные характеристики идентичности личности; методика Дж. Финни, измеряющая выраженность этнической идентичности; школьный опросник О.Л. Романовой для исследования этнической идентичности детей и подростков; методика «Самооценка личности старшеклассника» (старший школьный возраст).

Данные, которые мы получим в результате исследования, позволят сделать предварительные выводы о наличии связи этнической идентичности и самооценки подростков.

Полученные результаты могут представлять интерес для консультационной работы в различных дошкольных и школьных организациях, семейно-психологических центрах и службах, занимающихся педагогической и коррекционной деятельностью. Сделанные в данной диссертации выводы могут быть применены как в педагогическо-просветительской деятельности, так и при регулировании межэтнических отношений в группах подросткового возраста.

Литература

1. *Асмолов А.Г.* Психология личности. Культурно-историческое понимание развития человека, 3-е издание испр. и доп., Москва, 2007.
2. *Белинская Е.П.* Особенности «будущего Я» в подростковом возрасте // *Личность и группа в образовательном пространстве.* Сборник научных трудов. Вып.1 / под ред. О.Б. Крушельницкой. М.: МГППУ, 2008. С. 70 – 84.
3. *Бозина И.Г.* Социализация старших школьников в условиях образовательного учреждения: автореф. дис. психол: наук: 19.00.07. Кемерово, 2007.
4. *Выготский Л.С.* Проблемы культурного развития ребенка // *Вест. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология.* 1991. С. 12.
5. *Голуб Е.В., Паина Л.И.* Этническая идентичность подростков как педагогическое явление (на материале Оренбургской области // *Сибирский педагогический журнал (научно-практическое издание).* 2009. №3. С. 215-221.
6. *Григорян А.В.* Научно-теоретические основы формирования нравственного облика подростков на традициях народной педагогики / А.В. Григорян // *Педагогическое обозрение и наука.* 2008. № 3. С. 47 - 49.
7. *Иванова, Н.Л.* Изменения этнической и гражданской идентичности в новых общественных условиях / Н.Л. Иванова, Г.Б. Мази-лова // *Вопросы психологии.* 2007. - С. 83 - 93.
8. *Павлова О.С.* Воспитание толерантности через знакомство с культурой и традициями народов // *Многообразие культур как основа толерантности (монография) / отв. ред. М.Г. Котовская:* М. ИИЦ МГУДТ, 2010. С. 22-31
9. *Хухлаев О.Е., Руссита Т.Э.* Этническая идентичность и значимое социальное окружение индивида (исследование

Социальные представления о Европе и Европейских ценностях у российских студентах обучающихся на разных направленностях

*Усубян.Ш.А., Хухлаев О.Е.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
us.shusha@gmail.com, huhlhev@mail.ru*

Постановка проблемы влияния социальных институтов на формирование социальных стереотипов приобретает особенное значение в условиях современного мира, мировой политики.

Кризисные ситуации в различных сферах, в том числе и жизни общества в целом, приводят к трансформации не только социальных институтов, социальной дифференциации, но и к изменению ментальностей в обществе. Поэтому очень важно на данном этапе выявить и сравнить содержание социальных представлений о Европе и Европейских ценностях у российских студентов обучающихся на различных направленностях.

Проблема социальных стереотипов достаточно хорошо разработана в социальной психологии. Данный термин определяется как - «способы интерпретации и осмысления повседневной реальности; определенная форма социального познания, предполагающая когнитивную активность индивидов и групп» [2]. Но существует не так много исследований, касающихся социальных представлений о Европе и Европейских ценностях у российских студентах.

В своей работе мы опираемся на концепции социальных представлений (С.Московичи, Д.Жодле, Ж.-К. Абрик, В. Вагнер, Г. Дювин, Р. Фарр, , И. Маркова и др.)

С.Московичи говорил, что социальные представления это «набор понятий, убеждений и объяснений, возникающих в повседневной жизни по ходу межличностных коммуникаций» [5]. Он говорил, что психический аппарат человека устроен так, чтобы адекватно отражать окружающий мир, однако в нем бывают свои «ошибки» и «сбои», к которым он относил: поломку психического аппарата или же влияние социальной среды. В своих трудах он охарактеризовал конец XX века – начало XI века эрой социальных представлений, которые своим происхождением были обязаны СМИ, он выделял что они играют

огромную роль в создании мнений их распространений и изменении ценностей и убеждений в обществе [4].

То есть на изменения социальных представлений сказываются три фактора: групповой, когнитивный и культуральный. Исходя из этого многие представления, возникающие в обществе по большей части свое социальные. А зависят они от стереотипов в обществе, образования, политики, информации публикуемой в СМИ.

В концепции Д. Жодле социальные представления является ментальным репрезентантом чего-либо: предмета, человека, события, идеи. В этом смысле оно родственно знаку, символу. Оно представляет собой мысленное воспроизведение чего-то другого, но предполагает также и определенное созидание, долю индивидуальной или коллективной креативности. То есть социальные представления это выработанное и разделяемое другими людьми знание, направленное на освоение окружающей среды, понимания идей и фактов, существующих в мире, способность воздействовать на других.

К социальным представлениям следует подходить как к продукту и процессу переработки психологической и социальной реальности. Д. Жодле дает следующее определение. Социальное представление обозначает специфическую форму знания: знание здравого смысла, содержание которого свидетельствует о действии социально маркированных порождающих и функциональных процессов. В более широком понимании оно обозначает форму социального мышления [2, с.377].

В нашем исследовании мы выявляли и сравнивали содержание социальных представлений о Европе и Европейских ценностях у российских студентов, которые обучаются на различных направленностях.

В нашем пилотном исследовании приняло участие 27 студентов из МГППУ обучающихся по направлению бакалавриата факультета социальной психологии.

В качестве методов мы выбрали качественное исследование; метод – фокус-группа с использованием ассоциативного эксперимента.

В ходе теоретического анализа была выдвинута общая гипотеза исследования: содержание социальных представлений о Европе и Европейских ценностях различается в зависимости от национальной принадлежности и возраста респондентов, а следовательно:

1. содержание социальных представлений о Европе и Европейских ценностях значительно различается у студентов обучающихся на гуманитарных и технических направлениях;

2. установка и качественные характеристики социальных представлений о Европе и Европейских ценностях различаются в зависимости от возрастных особенностей респондентов;

3. структурные элементы социальных представлений о Европе и Европейских ценностях различны у студентов обучающихся на гуманитарных и технических направлениях.

Первым этапом нашей работы было провести пилотное исследование с целью выявить социальные представления у российских студентов о Европе и Европейских ценностях с целью посмотреть существующие представления у данных студентов и их классификации.

На данном этапе нашего исследования мы провели анализ пилотного исследования и выявили несколько групп ценностей и представлений у студентов бакалавров обучающихся на факультете социальной психологии.

Были выявлены классификации Европы по следующим группам:

- *Путешествия
- *Культура\искусство
- *История
- *География
- *Политика

Это были самые распространенные ассоциации, приходящие к студентам об образе Европе. Что касается Европейских ценностей у студентов возникали ассоциации которые позже были выделены в группы: «Права личности», «Демократия», «социально политическая сфера».

У студентов-психологов социальные представления о Европе и Европейских ценностях наполнены противоречивыми смыслами, также в их ассоциации встречаются ассоциации, касающиеся их профиля обучения. Они маркируют свое внимание и выделяют те ассоциации, которые непосредственно связаны с их профессиональной деятельностью, что частично подтверждает нашу гипотезу.

На данный момент исследование не завершено, мы находимся на стадии анализа собранной информации у студентов обучающихся на факультетах социальной коммуникации и добора информации от студентов обучающихся на технических направлениях.

Литература

1. Абульханова К.А. Социальное мышление личности // Современная психология: состояние и перспективы

- исследований. Ч. 3. Социальные представления и мышление личности. М., 2002.
2. Жодле Д. Социальное представление: феномены, концепт и теория // Социальная психология / Под ред. С. Московичи. М.; СПб.: Питер, 2007. С. 372-394.
 3. Московичи С. Век толп. М.: Изд-во «Центр психологии и психотерапии», 1996.
 4. Московичи С. Машина, творящая богов. М.: Изд-во КПС+, 1998.
 5. Московичи С. Общество и теория в социальной психологии // Современная зарубежная социальная психология. М.: Изд-во МГУ, 1984. С. 208-228.
 6. Московичи С. Социальные представления: исторический взгляд // Психологический журнал. 1995. Т. 16, № 1; Т. 16, № 2.
 7. Хухлаев О.Е., Балашова Е.А. Социальные представления об отношении руководства и подчинения: кросс-культурные различия // Социальная психология и общество. 2010. No 1. С. 91–105.

Исследование взаимосвязи ценностно-смысловой сферы личности и её включённости в русскую народную культуру

*Шахбазова Е.Ю., Хухлаева О.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
shahbazovaart@gmail.com, huhlaevaolga@mail.ru*

Анализ исследований ценностей в современной России показывает, что ценностно-смысловая сфера личности остаётся весьма актуальной темой для психологов. Тематика исследований в основном направлена на выявление динамики ценностей с течением времени, на выявление особенностей ценностной сферы у респондентов в образовательной сфере. Несмотря на то, что ценностно-смысловая сфера изучена достаточно глубоко, гораздо реже можно встретить исследования ценностей людей во взрослом возрасте, разных социальных групп. Исследования ценностей в русской народной культуры проведены в основном в образовательной сфере или в религиозном аспекте.

В идеалах и ценностях современного общества присутствуют противоречия. Тотальная информатизация общества дезориентирует человека в мире ценностей, ориентирует его в основном на

прагматические результаты, провоцирует неустойчивость в выборе и принятии общечеловеческих ценностей, духовно-нравственных и эстетических идеалов [1; 2].

Влияние культуры на личность двоякое. С одной стороны, посредством социализации происходит вовлечение личности в существующие в обществе ценности, нормы, знания, а, с другой, – через индивидуализацию человека, путем выборочного усвоения всех накопленных обществом ценностей, ограничивается направленностью личности, системой тех ценностей, которые направляют человека.

Ценностно-смысловая сфера русской народной культуры тесно связана с бытом и, таким образом, отражает гармоничное сочетание прагматичности и духовных ориентиров [4, с.19].

В связи с этим, нашим интересом является вопрос об изучении взаимосвязи включённости в русскую народную культуру и её ценностно-смысловой сферы как возможного источника для восстановления целостного восприятия мира.

Понятие «включённости» рассматривается как часть понятия «культурная идентичность» и подразумевает операционально-предметный компонент, имеющий отношение к тому, посредством чего происходит идентификация (через какую предметную деятельность) [3, с.12].

В исследовании сравнивались ценности двух выборок – включённых в русскую народную культуру (участники различных центров по развитию народных традиций) и людей не включённых в народные традиции.

В исследовании использовались ценностный опросник Ш. Шварца и методика смысложизненных ориентаций Д.А. Леонтьева, а так же разработанная анкета выявления включённости в народную культуру, благодаря которой были выделены две выборки.

Так, например, на уровне нормативных идеалов и для включённых в русскую народную культуру, и для не включённых высокую значимость играют такие ценности как универсализм, самостоятельность, доброта и безопасность. Однако в двух выборках отличается уровень важности. Включённые в русскую народную культуру демонстрируют более высокие показатели по этим параметрам. Кроме того, у включённых более высокий параметр характерен у таких ценностей, как конформность и традиции. Наиболее низкая значимость у ценности стимуляции.

У не включённых в русскую народную культуру более высокие показатели по таким ценностям, как гедонизм, достижение и власть.

Учитывая, что достоверных отличий на уровне индивидуальных ценностей не выявлено, это может отражать ценностное давление, которое осуществляется, с одной стороны, через социализацию и, с другой стороны, посредством референтной группы и традиций.

По результатам второй методики общий показатель выше у выборки включённых в русскую народную культуру. Это может говорить о том, что у включённых в русскую народную культуру больше проявлены качества осмысленности жизни. Так же по остальным показателям у этой выборки уровень значимости выше. Наиболее низкий показатель по сравнению с остальными и у первой и у второй выборки у параметра locus «контроль – Я», который характеризуется как самостоятельное управление своей жизнью. Однако больший уровень значимости всё же выявлен у выборки включённых в русскую народную культуру.

Итак, для включённых в русскую народную культуру имеют большую значимость ценностно-смысловые ориентации, им были присвоены более высокие баллы по сравнению с выборкой не включённых. Однако существуют разногласия между нормативными идеалами, которые влияют на всю личность в целом и индивидуальными приоритетами, проявляющимися в поведении. Можно предположить, что имея определённые убеждения, личность, включённая в русскую народную культуру, не всегда проявляет их в социальном поведении. Причиной этому может служить социальное давление или мнение референтной группы.

Таким образом, результаты исследования показывают: наша гипотеза о том, что существует взаимосвязь ценностно-смысловой сферы личности и включённости в русскую народную культуру подтвердилась частично, только на уровне убеждений и нормативных идеалов.

Говоря о значимости данного исследования, важно заметить, что полученные результаты делают более вероятным мнение о том, что навязанные привнесённые современные ценности являются не близкими, вызывающими противоречия у русского этноса в независимости от степени включённости в русскую народную культуру. Это может служить предпосылкой для дальнейших исследований в области изучения и укрепления традиционной этнической ценностно-смысловой сферы.

Литература

1. *Абульханова-Славская К.А.* Развитие личности в процессе жизнедеятельности // Психология формирования и развития личности. М.: Наука, 1981.
2. *Александрова Е.А.* Культурология. История идей и их воплощение. М., 2014.
3. *Гладилина И.П., Королёва Г.М.* «Роль традиционной народной культуры в консолидации современного общества» // Армия и общество // Научно-информационный журнал, 2012, № 4(32).
4. *Тюрменко И.И., Горбула А.Д.* Культурология: теория и история культуры / Учебное пособие / Киев: Центр учебной литературы, 2004 .

Теоретические подходы к исследованию понятия «идентичность»

*Шорохова В.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
shorokhovava@gmail.com*

Понятие идентичности является одним из ключевых компонентов в структуре социально-психологического знания. Исследованию данного феномена, его структуры, отдельных его компонентов и развитию посвящено огромное количество как теоретических, так и эмпирических научных разработок.

Одна из наиболее широких трактовок термина идентичность принадлежит Л.Б. Шнейдер, которая рассматривает его как сложное многосоставное понятие, «многослойную психическую реальность», включающую в себя «различные уровни сознания, а так же индивидуальные, коллективные, онтогенетические и социогенетические основания».

Таким образом, термин идентичности может быть интерпретирован на трех уровнях:

- рационалистическом (как целостность, интегральное свойство личности);
- понятийном (как научное понятие, обладающее конкретным содержанием и отражающим степень соотнесенности человека с группой);
- глубинном, иррациональном (глубокое, интегральное значение понятия как такового, отражающее как внешние его аспекты, так и внутренние) [3, с.38; 6, с.13].

С. Страйкер и П. Берк выделяют три способа использования термина идентичность:

– осведомленность личности (включая знания о своей и чужой группах, самоназвание группы).

– идентичность как идентификация с конкретной социальной группой.

представление человека о себе, своем социальном статусе, национальной принадлежности, вероисповедании, и определенном наборе социальных ролей [8].

По словам М.В. Шакуровой, теоретическое исследование идентичности проходило, как правило, в двух направлениях: интерсубъективном (или социологическом) и интрасубъективном (или психоаналитическом) [5].

В рамках интерсубъективного подхода идентичность определяется «местом, которое человек занимает в символической организации сообщества и его отношением к другим людям, сознание (самосознание) рассматривается как следствие (результат) интериоризации и осмысления данных влияний». Среди представителей данного подхода М.В. Шакурова называет Ж. Пиаже (когнитивное направление), Ч. Кули (социокультурное направление), Г. Тэджфела (теория социальной идентичности), С. Московичи (теория социальных представлений), Э. Эриксона (эпигенетическая концепция), Дж. Тернера (теория самокатегоризации), В.А. Ядова (концепция социальной идентичности).

К интерсубъективному подходу также можно отнести теорию символического интеракционизма Дж. Мида. В данном направлении поведение человека понимается как результат процесса социального взаимодействия, выстраиваемое в соответствии с интерпретацией поведения окружающих. А набор идентичностей играет роль символического конструкта, на базе которого происходит сам процесс формирования поведения [1].

С позиции интрасубъективного подхода, определяющим фактором идентичности являются процессы самосознания, при этом процессы, связанные с обществом и его влиянием обладают гораздо меньшим значением и рассматриваются скорее как существующая данность. В русле психоаналитического подхода работали З. Фрейд (психоаналитическая концепция), М. Босс, К. Ясперс и др. (экзистенциальная психология), а так же различные исследователи, работавшие в рамках гуманистической направленности.

Другой вариант классификации предлагает Л.Г. Интымакова, выделяя психоаналитический, интеракционистский, когнитивный, нарративный, транс-персональный и интегративный подходы к

исследованию идентичности. Таким образом, в рамках каждого их данных подходов идентичность рассматривается с точки зрения соответствующего направления исследования и работы [3].

Говоря о подходах изучения идентичности, нельзя не упомянуть отдельно эпигенетическую концепцию идентичностей Э. Эриксона [7]. Как теоретическое направление, концепцию Э. Эриксона можно отнести к психоаналитическому подходу, предполагающему, что личность в процессе своего развития проходит несколько последовательных этапов. На каждом из этапов задачей человека является преодоление определенного личного кризиса и формирование соответствующего данному кризису и возрасту новообразования. Выбор между идентичностью и диффузной идентичностью и формирование значимого новообразования «Верности» соответствует стадии подросткового возраста. Согласно К. Ясперсу, сформировавшаяся идентичность так же характеризуется устойчивостью во времени: понимание и принятие человеком того факта, что все события происходящие в его жизни происходят именно с ним, а он сам при этом остается тем же самым человеком [4].

Итак, в целом, можно отметить, что в рамках психологии существует множество работ, посвященных изучению понятия идентичности. Идентичность может рассматриваться в русле различных подходов, наиболее широкими из которых являются интерсубъективный (в рамках которого идентичность определяется «местом, которое человек занимает в символической организации сообщества и его отношением к другим людям, сознание (самосознание) рассматривается как следствие (результат) интериоризации и осмысления данных влияний») и интрасубъективный, с точки зрения которого определяющим фактором идентичности являются процессы самосознания. Кроме того, одной из наиболее известных и разработанных теорий, рассматривающих понятие идентичности, является эпигенетическая концепция идентичности Э.Эриксона.

Литература

1. *Белик А.А.* Теория «Я» Дж. Г. Мида и психологическая антропология // Социальная психология и общество. 2011. №1.
2. Идентичность: социально-психологические и социально-философские аспекты: коллективная монография / ред. *К.В. Патырбаева*. Пермь, 2012.

3. *Интымакова Л.Г.* Психологические аспекты исследования феномена идентичности личности // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2011. №2.
4. *Харламенкова Н.Е.* Психология личности. Электронный учебник. М., 2004.
5. *Шакурова М.В.* Социально-педагогическая обусловленность становления идентичности личности: к постановке проблемы // Письма в эмиграция. Оффлайн: электронный научный журнал. 2007. №3.
6. *Шнейдер Л.Б.* Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики. М., 2007.
7. *Erikson E.H.* Identity: Youth and crisis. 1968. New York: Norton.
8. *Stryker S., Burke P. J.* The past, present, and future of an identity theory // Social Psychology Quarterly. 2000. V.63.

VI. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ДОРОЖНОГО ТРАФИКА

Роль психологии дорожного движения в профилактике дорожно-транспортных происшествий

*Болотова Д.А., Голуенко Е.Б.,
Кондратьев Ю.М., Мальцев В.В.,
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
boldari@yandex.ru, k70@bk.ru,
ukondratiev@yandex.ru, kofe-ton@mail.ru*

Сегодня особую актуальность для нашей страны приобретают идеи профилактики дорожно-транспортных происшествий. Это не удивительно: в принятой в январе 2018 года «Стратегии безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018-2024 г.г.» подчеркивается, что «дорожно-транспортные происшествия наносят экономике России и обществу в целом колоссальный социальный, материальный и демографический ущерб. В Российской Федерации с 2007 по 2016 год в дорожно-транспортных происшествиях погибло 271 тыс. человек, 2,5 млн. человек были ранены, пострадали 227 тыс. детей в возрасте до 16 лет, из них 9 тыс. получили травмы, несовместимые с жизнью. Треть погибших в авариях на автомобильных дорогах составляют люди наиболее активного трудоспособного возраста (26 - 40 лет)» [4].

В этой связи вопрос о роли, целях и задачах психологии дорожного движения в психологической профилактике ДТП приобретает особую значимость и требует тщательной проработки. Вполне логичным представляется обращение к международному опыту построения системы профилактических и превентивных мероприятий, направленных на минимизацию рисков дорожно-транспортной среды, а также разработка модели, которая могла бы служить основанием для такой профилактической работы [3].

Так, одной из наиболее распространенных в странах ЕС модели профилактики является сегодня междисциплинарная модель PASS (Psychological and Medical Assistance for Safe Mobility) [2].

Согласно данной модели, можно выделить три основные плоскости профилактики и предупреждения рисков дорожно-транспортной среды:

- первичная,

- вторичная,
- третичная.

На первичной плоскости профилактики находятся все участники дорожного движения, которые в нем участвуют без явных отклонений в поведении. Они представляют собой так называемое «ядро дорожного сообщества». Основные профилактические мероприятия в этой плоскости: массовые просветительские и пропагандистские, социальная реклама и др.

На вторичной плоскости находятся такие участники дорожного движения, которые имеют ограничения из-за физических нарушений, либо «временно выпавшие» из процесса дорожного движения (например, лица, перенесшие серьезные заболевания, лица с приобретенной инвалидностью, ОВЗ, с особым типом нарушения психического развития – например, аутизм). Основные мероприятия в данной плоскости должны быть узкоспециализированы и направлены на лиц «группы риска», находящихся на этой плоскости профилактики дорожно-транспортных происшествий.

На третичной плоскости находятся участники дорожного движения с серьезными отклонениями в поведении, которые обусловлены индивидуально-психологическими, личностными особенностями. Такие участники дорожного движения могут иметь серьезные правонарушения не только Правил дорожного движения, но и различных социальных норм и правил поведения в целом (например, вождение в нетрезвом виде) [1]. Мероприятия в данной плоскости профилактики должны носить не массовый, а узконаправленный превентивный, коррекционный, а иногда даже реабилитационный характер. Основной целью таких мероприятий является изменение поведения участников дорожного движения, формирование у них установки в пользу безопасности.

Ориентируясь на данную модель и системы профилактической и превентивной работы с участниками дорожного движения, можно заметить, что роль психологии дорожного движения трудно переоценить.

Действительно, без деятельности психолога выстроить программу превентивных курсов для лиц, испытывающих трудности с передвижением, а также для нарушителей Правил дорожного движения (вторичная и третичная плоскости) с целью коррекции поведения и минимизации дорожных рисков не представляется возможным.

Литература

1. *Бурцев А.А., Фадеева Е.В., Баканов К.С.* Модель профилактики управления транспортным средством в состоянии опьянения // Вопросы наркологии. 2017. № 1. С. 95-104.
2. *Макеева С.А., Кочетова Т.В.* Междисциплинарная модель поддержки и содействия развития «компетенции мобильности» в Европе [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2017. Том 6. № 1. С. 38–43.
3. *Кочетова Т.В.* Международная научно-практическая конференция «Психология дорожного движения: вопросы теории и практики» // Социальная психология и общество. 2017. Том 8. № 2. С. 160–163.
4. Стратегия безопасности дорожного движения в Российской Федерации в 2018-2024 г.г. URL: <http://static.government.ru/media/files/g6BXGgDI4fCEiD4xDdJUwIxdPATBC12.pdf> (дата обращения: 08.04.2018)

Изучение специфики фрустрационных реакций водителей в ситуациях дорожного движения

*Великанов Л.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
muct@yandex.ru, nnvt@list.ru*

Среда жизнедеятельности является фактором, влияющим на психолого-социальное развитие человека, устанавливает нормы поведения, процессы личностного и профессионального развития. Развитие технологий привело к мощному ускорению темпа жизни населения всех экономически развитых стран, что способствовало развитию транспорта: автомобильного, воздушного, железнодорожного и водного.

Почти каждый человек ежедневно сталкивается с самым распространенным видом транспорта – автомобильным. Выходя на улицу, человек становится участником специфической дорожно-транспортной среды, изучением которой начали интересоваться достаточно недавно.

«Психология дорожного движения» определяется как изучение поведения участников дорожного движения и психологических процессов, которые лежат в основе поведения. Именно то, что на первый план выходит изучение психологических и социально-психологических аспектов поведения и самочувствия участников как

залог безопасности дорожного движения, отличает «новое» направление от предыдущих исследований в области дорожного движения.

Особое внимание необходимо уделить тому, что дорожно-транспортная среда – особая, социальная среда, а «психология дорожного движения» находится на стыке социальной и инженерной психологии. В связи с этим в нашем исследовании была выдвинута гипотеза, что один и тот же человек будет по-разному реагировать на разного рода сложные ситуации в обычной, повседневной жизни и в ситуациях, связанных с дорожно-транспортной средой.

Понимание характера реакций водителей на фрустрирующие ситуации является актуальной темой в связи с тем, что сейчас большое значение при дается разработке и внедрению дополнительных мер для обеспечения безопасности дорожного движения; разрабатывается и совершенствуется комплекс предупредительных мер по снижению числа дорожно-транспортных происшествий, причинами которых могут быть выбор неправильного скоростного режима, неправильной дистанции во время движения, использование транспортного средства в состоянии утомления, болезни или алкогольного опьянения. Именно учет психологических особенностей индивидов позволяет разрабатывать наиболее эффективные инструменты.

В качестве объекта исследования была взята реакция фрустрации С. Розенцвейга, а в качестве методики была использована авторская модификация рисуночного тест фрустрационных реакций С. Розенцвейга.

Как известно, в оригинальном тесте уже присутствуют задания с ситуациями дорожного движения. На каждую ситуацию из «повседневной» жизни была создана новая аналогичная ситуация, но из области дорожного движения. Были также изменены сами рисунки с тем, чтобы изображенные на них персонажи были одеты в современную одежду, пользовались современными моделями автомобилей и т.п. В результате было получено 42 рисунка-ситуации ситуации.

В пилотном исследовании тест был предложен 8 водителям (4 мужчинам и 4 женщины), после чего все ответы были проанализированы по типу и направлению реакции. По полученным результатам у всех испытуемых присутствовало перераспределение типов и направлений реакции в зависимости от «повседневной ситуации» или ситуации из области дорожного движения.

У двоих испытуемых проявляется больше спокойствия, уступчивости и конформизма, нежели агрессии, враждебности и конфликтности.

У шести испытуемых, напротив, наблюдаются более частые проявления агрессивного поведения, зачастую идет обострение конфликта, сарказм, фрустрирующая ситуация подчеркивается, а отрицание значимости события уменьшается.

На основании полученных данных, с учетом личностных психологических особенностей, можно разработать и применить наиболее эффективные инструменты работы с правонарушителями, разрабатывать предупредительные меры транспортных происшествий для каждой их групп, а также разработать эффективные методы реабилитационной работы с посттравматическим синдромом после дорожно-транспортных происшествий.

К вопросу о психологическом и физиологическом состоянии беременной женщины за рулем

*Ериова О.А., Погодина А.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
olga_people@mail.ru, allavan@yandex.ru*

В современном мире вопросы, касающиеся поведения человека за рулем, в трафике, его взаимоотношения с другими участниками дорожного движения становятся все более актуальными.

В научной и популярной литературе уделяется достаточно много внимания особенностям участников дорожно-транспортной среды, но такая категория как «беременные женщины» остается мало освещенной. Хотя данная категория характеризуется, возможно, не меньшей тревожностью, чем «молодой водитель», и не большими физическими возможностями, чем «пенсиянер». Кроме этого, данный тип водителей также может создавать аварийные ситуации из-за снижения концентрации внимания на дороге и изменений в восприятии других участников дорожно-транспортной среды.

В период беременности направленность ощущений, восприятия и внимания женщины в основном ориентировано на внутреннее состояние. Кроме этого, могут наблюдаться такие соматические проявления как: тошнота, головная боль, бессонница, что также оказывает значительное влияние на состояние и поведение женщины. По мнению А.В. Добрякова, физиологическое и психологическое состояния беременной женщины напрямую связаны между собой. Их взаимодействие обусловлено формированием гестационной доминанты в головном мозге, которая в свою очередь оказывает

влияние на поведение женщины, особенно в стрессовых ситуациях, например, дорожно-транспортная среда [2].

Согласно исследованиям канадских ученых, риск попадания в автомобильную аварию во время беременности увеличивается на 42% [3]. Такие симптомы, как усталость, боли в спине, тошнота, рассеянность и бессонница, могут ослабить бдительность и уверенность беременной женщины на дорогах, сделать ее более уязвимой.

Согласно исследованиям, риск попасть в аварию увеличивается именно во втором триместре беременности. Однако ведущий автор исследования, старший научный сотрудник Института клинической оценки наук (Institute for Clinical Evaluative Sciences – ICES) доктор Дональд Редельмейер утверждает, что полученные результаты не говорят о том, что беременным женщинам необходимо перестать водить автомобиль. Для обеспечения собственной безопасности во время движения им достаточно будет внимательнее относиться к своему состоянию и водить более аккуратно [3].

С. Грозова в своей книге «За рулем женщина» акцентирует внимание на том, что состояние женщины и ее способность водить автомобиль зависит от того, первая это беременность или нет. «Женщины, ожидающие первого ребенка, обычно бывают более возбужденными и беспокойными и отличаются меньшей уверенностью. При ожидании второго и последующих детей они уже не такие нервные и чувствительные» [1, с.120].

Еще один немаловажный фактор, по ее мнению, – водила ли женщина до беременности. Автомобилистки с опытом вождения более уверенно ощущают себя на дороге, знают, как и в какое время ездить по определенным маршрутам, в то время как женщины без опыта вождения ощущают излишний страх, опасения и неуверенность, что может сказаться не только на ее состоянии и поведении на дороге, но и на ребенке.

По мнению С. Грозовой, вопрос, водить автомобиль беременной или нет, «каждая женщина должна с полной ответственностью решить сама, посоветовавшись с лечащим врачом, взвесив свои водительские способности и опыт и оценив состояние автомобиля» [1, с.127].

Однако она отмечает, что перед тем как сесть за руль, всегда необходимо как можно более объективно оценить свое состояние, так как любые физические недомогания будут негативно сказываться на сосредоточенности, а значит, и на надежности управления автомобилем [1].

Таким образом, согласно исследованиям, представленным выше, беременность не является противопоказанием к вождению

автомобиля, но, тем не менее, каждой женщине необходимо внимательно оценить свое состояние, прежде чем сесть за руль. Однако для некоторых женщин беременность становится тем периодом в жизни, который может напрямую влиять на психическое и физическое состояние, вследствие чего могут возникать вопросы к способности объективно оценить ситуацию. Поэтому на поздних сроках беременности желательно либо максимально ограничить время вождения, либо найти более удобную и безопасную альтернативу.

Литература

1. *Гросцова С.* За рулем женщина / Пер. с чешского. М.: Транспорт, 1983.
2. *Добряков И.В.* Перинатальная психология. СПб.: Питер, 2010.
3. «Pregnancy and the risk of a traffic crash» Redelmeier DA, May SC, Thiruchelvam D, Barrett JF. CMAJ. 2014; 186(10):742-50. Epub. 2014 May 12.

К вопросу исследования стилистических и стратегических особенностей управления транспортным средством

*Ефремов С.Б., Кочетова Т.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
0971090@gmail.com, kochetovatv@gmail.com*

Исследования стиля управления транспортным средством не являются чем-то новым и уникальным как для зарубежной, так и для отечественной психологии [3].

Действительно, мы можем обнаружить многочисленные и разнообразные работы, в которых стиль управления транспортным средством связывается с индивидуальным стилем деятельности и детерминируется индивидуально-психологическими особенностями личности водителя [3; 4].

Работ, посвященных изучению стратегий управления транспортным средством, существенно меньше, и носят они фрагментарный характер. Возможно, данное обстоятельство обусловлено тем, что само понятие стратегия управления транспортным средством нуждается в разработке и конкретизации, и на сегодняшний день трактуется весьма неоднозначно [1].

В этой связи, представляется логичным рассмотреть стратегические особенности управления транспортным средством,

соотнести их со стилем управления и, тем самым, дополнить и расширить существующие представления о стратегиях поведения водителя, как активного участника дорожного движения.

Предельно обобщая различные представления о стилистических особенностях поведения водителя при управлении транспортным средством, можно говорить, что к ним относятся, прежде всего, скорость передвижения, ускорение и торможение с учетом плотности транспортного потока [1].

Однако не стоит забывать, что с точки зрения деятельностного подхода в психологии, где управление автомобилем определяется как «активное отношение водителя к дорожной обстановке, в котором прослеживается структура деятельности» (4), рассмотрение лишь операциональных свойств водителей нам представляется явно недостаточным.

С учетом того, что дорожное движение – это сложная система взаимоотношений различных участников – субъектов передвижения в условиях дорожно-транспортной среды, на наш взгляд, совершенно логично рассмотреть ряд стратегических особенностей поведения водителя, которые характеризуют в целом общую *направленность его поведения за рулем*.

Таким образом, принципиально важным аспектом исследования стратегий управления транспортным средством становится социально-психологический [2], который определяется неразрывным взаимодействием одного участника транспортного потока с другими.

Подобные исследования открывают массу возможностей для более детального изучения самых различных аспектов поведения водителя, особенностей его взаимодействия, связанных с его передвижением в условиях меняющейся дорожно-транспортной среды – широком диапазоне дорожных ситуаций – и, тем самым, могут способствовать расширению традиционных представлений о социальном поведении человека в целом.

Стоит отдельно подчеркнуть, что изучение взаимосвязей стилистических и стратегических особенностей управления транспортным средством, на наш взгляд, может способствовать также выделению *устойчивых психологических паттернов*, характеризующих «опасное вождение» [5].

Литература

1. *Ефремов С.Б.*, Модель распознавания стилистических особенностей управления транспортным средством и классификация стратегий взаимодействия в условиях

- дорожного трафика // Социальная психология и общество. 2017. Том 8. № 4. С. 123–133.
2. *Кондратьев М.Ю., Кочетова Т.В.*, «Traffic psychology»: от прикладных исследований к методологии комплексного изучения современной дорожно-транспортной среды // Сборник материалов международной научно-практической конференции, 28-30 июня 2012 г. - 2-е изд. испр. и доп. СПб., 2012.
 3. *Лобанова Ю.И.*, Стиль вождения: определяющие факторы, характеристики, направления оптимизации // Российский гуманитарный журнал. - 2015. - №1. - Т.4. С.76-84.
 4. *Петров В.Е.*, Психологический анализ проблемы опасного стиля управления транспортным средством // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 8 [Электронный ресурс]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2016/08/70377> (дата обращения: 09.04.2018)
 5. *Поликарпова М.С.*, Соотношение понятий «агрессивное» и «опасное» вождение в современной отечественной и зарубежной психологии [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2017. Том 6. № 1. С. 44–52.

Автомобильный бренд как элемент социальной идентичности личности

*Ковыльникова Е.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва*

Проблема бренда в целом, а автомобильного в частности, является междисциплинарной, в которой психологическая составляющая представляет собой только одну из сторон. Психология потребления брендовой продукции только в последнее время стала исследоваться психологической наукой.

Обычно, произнося слово бренд, люди имеют в виду известное слово, ассоциирующееся с товаром или услугой. Бренд – это образ товара, его комплексное осознание потребителем, букет восприятий в сознании человека. Иначе говоря, это все те ощущения, которые возникают в вашей душе при упоминании той или иной торговой марки.

Брендинг – один из важнейших аспектов грамотного ведения бизнеса. С помощью него можно поддерживать определенные объемы продаж и реализовывать программу на будущее, закрепляясь в

сознании потребителей как образ товара или товарного семейства. Проще говоря, брендинг – и есть деятельность по созданию бренда.

Автомобильные бренды, такие как Audi, а точнее, их ассоциативность с такими характеристиками, как «престиж» и «высокий статус», помогают потребителю удовлетворять его внутреннее «я»: они служат средствами коммуникации, которые потребитель использует, чтобы рассказать другим и даже себе самому о том, кто он и каким хотел бы стать.

Связь автомобильного бренда с психологией потребителя и его подсознанием оказывает влияние на формирование рекламы подобных товаров. Реклама - одно из наиболее важных направлений в продвижении того или иного бренда.

В России в последнее время с целью продвижения бренда применяются определённые маркетинговые инструменты, которые охватывают такие направления, как товарная политика, позиционирование, ценовая политика, политика продвижения товара и public relations.

Анализ бренда автомобиля Audi на современном отечественном рынке автомобильной продукции показывает, что в нашей стране эта организация стабильно демонстрирует высокие финансовые и производственные показатели. Бренд Audi хорошо известен в наше время во всём мире. А стало быть, покупка такого автомобиля один из способов продемонстрировать свой социальный статус.

Демонстративное потребления люксовых брендов – это способ показать свою принадлежность к определенной группе, способ сохранения в ней членства. Это своеобразный наркотик.

Рядом исследователей было установлено, что покупка брендовых марок автомобилей, подобных Audi обусловлена несколькими факторами, такими как:

- среда, в которой находится человек;
- субъективный выбор, связанный с потребительским опытом и поведенческими комплексами;
- социально-психологический статус.

Автомобильный бренд, например такой, как Audi выступает в качестве составной части образа человека, обеспечивая личностный и социальный комфорт, а в определенной степени, становится и смыслом жизни, который, по сути, покупается, что в дальнейшем, в свою очередь, приводит к увеличению психологической ценности бренда.

Литература

11. *Маринова Т.Ю.* О восприятии телевизионной рекламы детьми и их родителями // Социальная психология и общество. 2013. Т. 4. №1. С. 155-161
12. *Феоктистова С.В., Маринова Т.Ю., Васильева Н.Н.* Психология. М.: Академия, 2009
13. *Харченко М.А.* Теория статистического вывода. Воронеж, 2008.
14. *Харченко М.А.* Статистические таблицы. Воронеж, 2008.
15. *Феоктистова С.В., Рожкова Г.И., Маринова Т.Ю.* Диагностика функционального развития. Программа спецкурса. М., 1999.

Сравнительный анализ социальных представлений водителей об агрессивном и неагрессивном вождении

*Кочетова Т.В., Поликарпова М.С.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
dimirc2013@yandex.ru*

Агрессивное вождение является проблемой во многих странах мира [1]. Относительно недавно в России был принят закон об «опасном вождении». Но термин оказался сложным для понимания водителей и вызвал вопросы, что именно считается «опасным» вождением и как осуществить его фиксацию.

Понятия «агрессивное» и «опасное» вождение близки, однако различия в их понимании зависят от традиции, которая принята в каждой стране – европейской или традиции, принятой в США [3]. Для России характерно представление, согласно которому понятие «агрессивное вождение» несколько шире, чем «опасное».

Было проведено исследование социальных представлений водителей об агрессивном (опасном) и неагрессивном (неопасном) вождении. В нем участвовали 45 водителей: 22 мужчины, 23 женщины, в возрасте от 20 до 62 лет, со стажем вождения от полугода до 31 года, 12 профессиональных и 33 непрофессиональных. Использовались метод Eye-Tracking, опросник Басса-Дарки, а также семантический дифференциал.

Результаты показали, что в группах профессиональных и непрофессиональных водителей при просмотре видеороликов с агрессивным (опасным) вождением продолжительность фиксаций значительно больше, чем при просмотре видеороликов с неагрессивным (неопасным) вождением.

Такой результат можно объяснить тем, что, согласно исследованиям о взаимосвязи визуальной системы с сознанием человека, когда он смотрит на объект, то думает о нем, и продолжительность фиксаций соответствует длительности когнитивного процесса [2]. Следовательно, это может объяснять тот факт, что, когда водитель наблюдает опасное вождение, оно может являться для него нестандартной, неординарной ситуацией, поэтому мозгу требуется больше времени для принятия решения, как реагировать. В ситуации же неопасного вождения не существует затруднений или угрозы для водителя, поэтому взор меньше задерживается на объектах дорожно-транспортной среды.

Также было выявлено, что при просмотре видеороликов с агрессивным (опасным) вождением у женщин продолжительность фиксаций значимо больше, чем у мужчин, следовательно, женщины внимательнее рассматривают объекты в ситуации агрессивного (опасного) вождения. Амплитуда саккад значимо больше у мужчин, чем, следовательно, мужчины быстрее просматривают сложившуюся картину. При просмотре видеороликов с неагрессивным (неопасным) вождением различий выявлено не было.

При сравнении результатов профессиональных и непрофессиональных водителей было найдено, что при просмотре видеороликов как с агрессивным (опасным), так и с неагрессивным (неопасным) вождением продолжительность фиксаций у профессиональных водителей значимо больше, следовательно, профессиональные водители более внимательны как в ситуации агрессивного (опасного), так и в ситуации неагрессивного (неопасного) вождения.

Результаты корреляционного анализа показали, что:

1) чем больше стаж вождения, тем меньше количество фиксаций при просмотре видеороликов с неагрессивным (неопасным) вождением, из чего может следовать, что более опытные водители просматривают ситуацию на дороге быстрее;

2) также, чем лучше водитель различает понятия агрессивного (опасного) и неагрессивного (неопасного) вождения, тем меньше у него фиксаций при просмотре видеороликов с неагрессивным (неопасным) вождением; следовательно, чем лучше водитель различает данные понятия, тем быстрее он просматривает сложившуюся на дороге картину;

3) чем больше индекс агрессивности у водителей, тем больше амплитуда саккад при просмотре видеороликов с неагрессивным (неопасным) вождением, следовательно, более агрессивные водители быстрее просматривают дорожную ситуацию;

4) чем старше водители, тем меньше количество эксплицитных фиксаций при восприятии видеороликов с агрессивным (опасным) вождением, следовательно, тем менее они внимательны при восприятии видеороликов с агрессивным (опасным) вождением.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что существуют различия в параметрах Eye-Tracking при восприятии видеороликов с агрессивным (опасным) и неагрессивным (неопасным) вождением между разными группами водителей (профессионалами и непрофессионалами, мужчинами и женщинами); а также взаимосвязи биологических параметров со стажем вождения, с возрастом водителя, с его индексом агрессивности и с социальными представлениями о понятиях «агрессивное (опасное) вождение» и «неагрессивное (неопасное) вождение».

Литература

1. *Бриль М.С.* Социальные представления об агрессии в поликультурной среде: Дисс. ..канд. психол. наук. Санкт-Петербург, 2013.
2. *Мур И. Ю.* Психолингвистические аспекты восприятия письменной речи: начальные стадии восприятия языка при чтении // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». 2007. № 2.
3. *Blanchard E.B., Barton K.A., Malta L.* Psychometric properties of a measure of aggressive driving: the Larson driver's // Psychological Reports. 2000. Vol. 87. №3.

О работе над моделью стиля вождения

*Лобанова Ю.И.
Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет
gretta25@list.ru*

В дорожном движении (ДД) участвует в том или ином качестве почти вся человеческая популяция, что говорит о качественном своеобразии и многообразии социальных групп, включенных в ДД. Подгруппа водителей также дифференцирована по многим характеристикам, в том числе по профессионально-важным качествам и личностным особенностям. Логично предположить, что профессиональная картина мира (ПКМ) у представителей разных групп участников дорожного движения имеет свои особенности,

которые могут отражаться (в том числе) на принятии решений водителями, на надежности водительской деятельности и безопасности ДД в целом. Особый интерес в изучении ПКМ могут представлять социальные стереотипы разных групп участников ДД, возникающие в отношении других групп и мера их совпадения/несовпадения с реальным поведением типичных представителей этих групп. Поэтому важно иметь научную картину типичных особенностей (стилей) дорожного поведения (ДП) участников ДД, в особенности водителей (в силу того, что именно они участвуют в дорожном движении, управляя автомобилем как средством повышенной опасности).

Традиционная методология изучения стилей в России долгое время основывалась [5; 6; 7] на представлениях об изотропности среды, константности деятельности и стиля соответственно, отсутствия связей между стилями в разных видах деятельности и стилями разных уровней (жизни, поведения, деятельности, когнитивных и т.д.).

В 2013-2014 году Ю.И. Лобановой была разработана модель стиля вождения, несколько нарушавшая привычные представления о стилях: стиль представлялся как структура, включающая в себя как собственно характеристики поведения, так и способы, и средства деятельности. При этом был обозначен ряд устойчивых и неустойчивых факторов, предопределяющих формирование стиля, в связи с чем (косвенно) предполагалась определенная изменчивость, динамика стилевых характеристик [2; 4].

Устоявшиеся (привычно своеобразные) особенности дорожного поведения водителя, в которых «проявляются отношение водителя к другим участникам дорожного движения в частности и уровень транспортной культуры в целом, включающие в себя систему способов и средств осуществления водительской деятельности, развертывающиеся на определенном эмоциональном фоне, предопределяющие уровень безопасности (аварийности) водителя (с одной стороны) и сами определяемые рядом устойчивых и переменных факторов (с другой) [2], были определены как стиль вождения (СВ)».

Проведение ряда эмпирических исследований стиля вождения представителей групп с различными социально-психологическими и социо-профессиональными характеристиками [1; 3] позволило дополнить модель стиля вождения.

Основные результаты исследований:

1. Были подтверждены в первом приближении допущения относительно динамики стиля, связанной с опытом вождения.

2. Было установлено, что мужчины и женщины отличаются по стилю вождения.

3. Были зафиксированы особенности динамики, свойственные стилю вождения в зависимости социо-профессиональных характеристики группы, к которой принадлежит водитель.

4. Было обнаружено, что динамика стилевых характеристик (в зависимости от стажа) имеет свои особенности в мужской и женской группах (опосредована гендерным фактором). В женской группе стилевые характеристики изначально носят более благоприятный характер, способствующий обеспечению безопасности деятельности, вероятно не имеют отрицательного подкрепления в условиях деятельности, поэтому имеют более устойчивый характер. Изменению подвержена только уверенность при парковке, которая со временем становится ближе к среднему значению в мужской группе. В мужской же группе изменения касаются практически всех характеристик (за исключением уверенности при парковке), причем носят благоприятный характер, способствующий повышению надежности деятельности.

5. В модель стиля вождения на основе результатов исследования были включены такие параметры как:

- пол (гендер);
- возраст (опасный – небезопасный);
- стаж вождения;
- отнесенность к группе с определенными социо-профессиональными характеристиками.

Ведется работа по исследованию динамики СВ, по изучению соотношения стиля вождения с другими стилями (выделяемыми по виду деятельности и по уровню) и по влиянию других людей на формирование стиля у конкретного человека (водителя).

Литература

1. Лобанова Ю.И. Гендер как фактор формирования стиля вождения / Ю.И. Лобанова, И.В. Боровская. – Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2018. Т.3. № 1.
2. Лобанова Ю.И. Опросник «Стиль вождения» // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2016. № 4-1. С. 26-41.
3. Лобанова Ю.И. Психология безопасного автовождения СПбГАСУ, 2016. 326 с.

4. *Толочек В.А.* Проблема стилей в психологии: историко-теоретический анализ. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. – 320 с. (Методология, теория и история психологии)
5. *Толочек В.А.* Стили деятельности: ресурсный подход. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.

О социально-психологических проблемах при подготовке начинающих водителей

*Мальцев В.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
kofe-ton@mail.ru*

В России в последние годы нарастающими темпами увеличивается количество молодых людей, учащихся в автошколах и получающих водительское удостоверение. Большинство из них обзаводятся собственным автотранспортом и начинают управлять автомобилями. Это неразрывно связано с ростом количества автомобилей на дорогах, в большей степени легковых [1].

Автомобиль неотъемлемо вошёл в нашу повседневную жизнь и однозначно уже является средством передвижения, а не роскошью. Способы и цели использования автомобиля у каждого разные, не одинаковое отношение и к дорожному движению, и к сопутствующим ему рискам. Во времена появления автомобиля за руль садились только избранные, технически грамотные представители общества. Сегодня же это стало доступно практически каждому [2].

Увеличение численности автомобилей и их скоростных возможностей неизбежно сопровождается повышением интенсивности движения и, как следствие, увеличением числа дорожно-транспортных происшествий, которые имеют много общего, но каждое из них индивидуально по своему характеру, причинам и тяжести последствий.

Еще в 1949 г. Смид впервые показал плотную связь между ростом количества смертельных травм и ростом количества автомобилей, что было подтверждено другими исследованиями. Автомобиль стал социальным благом, за которое пришлось заплатить очень высокую цену в виде многих травм и смертей [5].

В отличие от зарубежных психологических исследований, в рамках транспортной психологии, в России, для повышения безопасности дорожного движения при подготовке начинающих водителей пока

ещё недостаточно внимания уделяется психологии отношений участников дорожного движения, отношению к рискам дорожно-транспортной среды с точки зрения психологии, что делает актуальным исследование в области особенностей эмоционального состояния водителей, восприятия дорожно-транспортной среды и отношения к рискам. Учитывая разносторонний характер проблемы и психологических вопросов, необходимо рассматривать не только психофизиологические характеристики водителя, но и социально-психологические факторы взаимоотношений всех участников дорожного движения [4].

Таким образом, актуально встаёт вопрос не только о роли практического обучения управлению автомобилем, но и о психологической составляющей безопасности дорожного движения и при подготовке начинающих водителей, и при проведении профилактических мероприятий, ориентированных на опытных водителей.

Учитывая, что в России в вопросах безопасности дорожного движения уделяется недостаточно внимания психологической подготовке и сопровождению водителей, развивающееся направление психологии дорожного движения является приоритетным при подготовке специалистов по работе с начинающими водителями и водителями, имеющими определённый опыт.

Действительно, по результатам исследований многих авторов, такие психологические качества, как темперамент и внимание, могут предопределять различную защищённость людей от профессиональных опасностей [3]. Но не менее важны исследования социально-психологических характеристик всех участников дорожного движения, приобретаемых в процессе формирования восприятия и отношения к различным факторам дорожно-транспортной среды.

Ориентируясь на существующие проблемы подготовки и проведения мероприятий по профилактике дорожно-транспортного травматизма, можно сделать вывод о необходимости активного проведения психологических исследований, результаты которых позволят лучше понять восприятие и отношения водителей к рискам дорожно-транспортной среды и разработать рекомендации для более качественной подготовки водителей в области психологии.

Литература

1. Официальный сайт ГИБДД. Электронный ресурс. URL: <http://www.gibdd.ru/news/federal/70911> (дата обращения 10.04.2018).
2. *Валиев В.Х., Блаженкова Н.М.* Стратегический взгляд на развитие придорожного сервиса в регионах России // Современные проблемы науки и образования. Электронный ресурс. URL: <https://science-education.ru/en/article/view?id=19684> (дата обращения 20.05.2017).
3. *Котик М.А.* Беседы психолога о безопасности дорожного движения. М.: «Транспорт», 1987.
4. *Кочетова Т.В.* Введение // Современная зарубежная психология. 2017. Том 6. № 1. С. 5. Электронный ресурс. URL: <http://psyjournals.ru/jmfp/2017/n1/85781.shtml> (дата обращения: 01.06.2017).
5. *Педен М., Скарфилд Р., Слит Д., Мохан Д., Хайдер Э.А., Джараван Э., Мазерс К.* Всемирный доклад о предупреждении дорожно-транспортного травматизма 2004г. / Ред. Кирсанова Т.В., Петренко А.И. М.: «Весь Мир», 2004.

К вопросу об особенностях восприятия дорожно-транспортной среды подростками с разной степенью склонности к риску

*Николаева О.В., Погодина А.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
nikoloksa@mail.ru; allavan@yandex.ru*

Высокий уровень дорожного травматизма подростков в XXI веке остается острой проблемой всего мирового сообщества. По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), дорожные происшествия являются самой распространенной причиной смерти у подростков (15-19 лет) и второй по распространенности – у школьников (10-14 лет) [5].

В настоящее время реализуется Федеральная и Региональная целевая программа «Повышение безопасности дорожного движения в 2013–2020 гг.» [2]. В свою очередь, вопросы обучения навыкам безопасного поведения детей в условиях дорожно-транспортной среды нашли свое отражение в итоговой резолюции VI Международного Конгресса «Безопасность на дорогах ради безопасности жизни» (Санкт-Петербург, 2016) [1]. Очевидно, что в решении проблемы безопасного поведения подростков в дорожно-транспортной среде

заинтересованы многие структуры и субъекты: семья, образовательные организации, ГИБДД, организации здравоохранения, отделы полиции.

В связи с последними общественными преобразованиями, возрастает научный интерес к проблеме взаимодействия подростков в социальной и «искусственно созданной» среде, такой как дорожно-транспортная среда мегаполиса.

Дорожно-транспортная среда в условиях современного мегаполиса является динамичной и достаточно сложной системой. В крупных городах с высокой плотностью населения, сложной и разветвленной транспортной системой сообщения очень остро стоит проблема безопасности дорожного движения. Нынешнее подрастающее поколение увлекается городским экстримом, который связан с опасностью для жизни. У некоторых подростков есть необходимость в получении предельно острых ощущений, балансировании на грани жизни и смерти, которое приносит ни с чем несравнимое удовольствие. Но занятие экстримом у некоторой части подростков также является проявлением аутоагрессии (активного желания причинить себе вред).

Изучение психологических особенностей подростков и ситуаций, при которых высока вероятность наступления дорожно-транспортных происшествий, имеет отражение в научных работах отечественных и зарубежных психологов. Решение этой проблемы требует дополнительных исследований с учетом понимания, что современный подросток очень отличается от своих родителей, он более агрессивен и в то же время сильно подвержен влиянию извне.

Научный подход к подросткам как специфической группе общества предполагает учет целого комплекса обстоятельств и особенностей образа их жизни, в первую очередь, склонности подростков к риску.

В психологии рассматривается склонность к риску и вера в собственную неуязвимость как неотъемлемая характеристика развития в подростковом возрасте, это и «доминанта романтики» (Л.С. Выготский), и «личный миф» (Д. Элькинд).

Ряд исследований показывает, что подростки оценивают риски вполне адекватно, а вероятность некоторых пугающих событий (например, заражения ВИЧ) даже переоценивают. Подростки иногда демонстрируют *optimistic bias* – ощущение, что они рискуют меньше, чем другие люди в аналогичной ситуации – но это и другие искажения в оценке рисков распространены и среди взрослых людей.

В такой ситуации подросток думает, что рискует меньше, чем его сверстники. При этом они могут практиковать рискованное поведение

в одной из сфер жизни, что приводит к вероятности риска и в других контекстах, например, в условиях дорожно-транспортной среды мегаполиса.

Рискованное поведение подростков в дорожно-транспортной среде обусловлено совокупностью причин: личностными факторами, такими как импульсивность или агрессия; давлением со стороны сверстников; оценкой выгоды от рискованного поведения, которая перевешивает риски. Исследования рискованного поведения подростков выявляют и физиологические причины этого поведения: незрелость префронтальной коры и, реже, влияние гормонального статуса на эмоции и поведение [4].

Особую роль в методологии построения профилактической и превентивной работы с подростками играет формирование представлений о рисках дорожно-транспортной среды [3]. Необходимо создавать у подростков верное восприятие дорожно-транспортной среды и, тем самым, укреплять культуру безопасности дорожного движения.

Исследования в данной области для России необходимы с позиции психологии дорожного движения, так как проводимая работа по пропаганде безопасности дорожного движения на государственном и общественном уровне оказывается недостаточной: количество жертв ДТП среди подростков не сокращается.

Литература

1. Официальный сайт Международного Конгресса «Безопасность на дорогах ради безопасности жизни» [Электронный ресурс]//URL: <http://www.road-safety.ru/sixth/final/>
2. Федеральная целевая программа «Повышение безопасности дорожного движения в 2013-2020 годах» [Электронный ресурс]//URL: <http://www.fcp-pbdd.ru/>
3. *Hoffrage U., Weber A., Hertwig R., & Chase V. M. (2003). How to keep children safe in traffic: Find the daredevils early. Journal of Experimental Psychology: Applied, 9, 249-260.*
4. *Starkey N.J., Isler R.B. The role of executive function, personality and attitudes to risks in explaining self-reported driving behaviour in adolescent and adult male drivers // Transportation Research Part F: Traffic Psychology and Behaviour. 2016. № 38. P. 127–136.*

5. Youths and Road Safety [Электронный ресурс] // Geneva: WorldHealthOrganization,2007.URL:<http://www.who.int/manage ment/programme/ncd/Youth%20and%20Road%20Safety.pdf>.

Психологическая готовность к вождению автомобиля у кандидатов в водители

*Чуланова А.М., Литвинова Е.Ю.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва*

Психологическая готовность – тема достаточно хорошо изученная. Ее рассматривают в своих работах Д.Н. Узнадзе, Б.Г. Ананьев, В.А. Крутецкий, М.И. Дьяченко, Л.А. Кандыбович, Л.С. Выготский и другие. Анализ литературы показал, что существуют различные определения данного феномена, зависящие от специфики той или иной области, через призму которых оно дается. Но в целом можно выделить общую тенденцию рассмотрения психологической готовности как одного из важнейших условий результативного выполнения деятельности.

Анализ литературы помог выделить структуру феномена психологической готовности. Различные авторы сходятся во мнении, что психологическая готовность обладает пятью взаимосвязанными между собой компонентами. Таковыми являются: операциональный, мотивационный, волевой, ориентационный и оценочный [3].

Операциональный компонент подразумевает определенный уровень усвоения требуемых умений, навыков, приемов и способов деятельности. Мотивационный выражается в наличии у субъекта интереса к деятельности, которую он осуществляет, и потребности успешно выполнять поставленные перед ним задачи. Волевой компонент выражает степень внутренней потребности индивида к управлению своими действиями. Ориентационный показывает, в какой мере субъект обладает знаниями и представлениями о специфике деятельности и условиях ее осуществления. Оценочный включает как самооценку своей подготовленности, так и оценку соответствия своих действий и цели, стоящей перед ним [3].

Затрагивая вопрос обучения вождению, стоит отметить всевозрастающую популярность этого направления: наблюдается тенденция увеличения количества людей, получающих водительские права [2; 4]. Соответственно все актуальнее становится вопрос о том, как правильно обучать вождению людей в автошколах.

Обучаться вождению приходят люди с разными «стартовыми» данными: у кого-то может иметься косвенный опыт вождения, а у кого-то нет. Например: два человека начинают обучение в автошколе. Один целенаправленно шел к этому событию и еще до начала обучения изучал все связанное с вождением. Изучив компоненты психологической готовности, проявляющиеся у этого человека, можно увидеть мотивационный компонент (человек стремится к достижению определенных результатов), ориентационный (обладает знаниями и представлениями о специфике деятельности) и волевой компонент. Второй же был вынужден начать обучение в автошколе под давлением внешних обстоятельств и не будет обладать перечисленными компонентами. Таким образом, исходя из этого примера, становится понятно, что уровень психологической готовности к вождению автомобиля у этих категорий людей будет различным.

Создатель теории социального научения А. Бандура заметил, что для научения человеку не всегда необходим свой личный опыт. Процесс научения может проходить и путем наблюдения человеком за поведением другого человека, то есть научение происходит на основе чужого опыта [1]. Таким образом, тот человек, который еще до начала обучения в автошколе изучал соответствующий материал, скорее всего будет больше психологически готов к вождению автомобиля, чем тот, кто начал обучение в автошколе под давлением внешних обстоятельств.

Анализ литературы дает нам возможность предположить наличие качественного различия между людьми, имевшими и не имевшими косвенный опыт научения. Есть разные пути получения такого опыта: частые поездки на переднем пассажирском сидении в автомобиле, участие в ремонте и техническом обслуживании, просмотр тематических видео и прочее.

Таким образом, можно предположить, что и подход к обучению людей с разным уровнем психологической готовности должен быть различным.

Целью комплексного обучения в автошколе является усвоение необходимых знаний, умений и навыков, а также способность ученика применять их в процессе вождения, при этом адаптируя под различные возникающие на дороге ситуации.

Учет наличия у кандидата в водители косвенного опыта, на наш взгляд, позволил бы оптимизировать процесс обучения различных групп, проходящих обучение в автошколах. Планируемое эмпирическое исследование, таким образом, должно показать, насколько важно учитывать уровень психологической готовности при обучении вождению. А именно насколько значимым является факт

планирования и проведения обучения в автошколе, которое будет учитывать индивидуальный уровень психологической готовности к вождению у учащихся.

Грамотно составленная программа обучения в автошколе, учитывающая индивидуальные особенности учеников, их психологическую готовность, поможет вывести обучение на еще более качественный уровень, повысив скорость и степень формирования нужных для водителя компетенций. Также такое обучение может помочь снизить число людей, которые, закончив автошколу, так и не применяют полученные ими знания в жизни, оставаясь водителями лишь на бумаге.

Литература

1. *Бандура А.* Теория социального научения. СПб.: Евразия, 2000.
2. *Кочетова Т.В.* Новое направление в психологии «Traffic Psychology»: зарубежный опыт, проблемы и перспективы развития [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2012. Т. 1. № 2. С. 39–48. URL: <http://psyjournals.ru/jmfp/2012/n2/52264.shtml> (дата обращения: 22.11.2017)
3. *Лунегова Е.К.* Проблемы формирования у будущих специалистов социальной сферы психологической готовности к работе с детьми-инвалидами // Вестник Казанского технологического ун-та. 2006. № 4. С. 304–309.
4. <https://www.autostat.ru/news/21328/>

Сведения об авторах¹

Азарёнок Наталья Валерьевна, кандидат психологических наук, доцент. Институт психологии Белорусского государственного педагогического университета имени М. Танка. Минск, Республика Беларусь.

Акимочкин Алексей Владимирович, студент факультета социальной психологии. Магистерская программа «Социальная психология образования». Московский государственный психолого-педагогический университет. ГБПОУ Колледж Архитектуры, Дизайна и Реинжиниринга №26.

Александрова Елена Андреевна, кандидат культурологии, доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования. Факультет социальной психологии. Московский государственный психолого-педагогический университет.

Арбузова Наталья Сергеевна, студент факультета социальной психологии. Магистерская программа «Социальная психология». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Артамонов Роман Юрьевич, студент факультета социальной психологии. Магистерская программа «Социальная психология». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Бабанин Пётр Алексеевич, кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры социальной психологии развития. Факультет социальной психологии. Московский государственный психолого-педагогический университет.

Баринова Оксана Владимировна, кандидат психологических наук, профессор кафедры психологии и педагогики дистанционного обучения факультета дистанционного обучения. Московский государственный психолого-педагогический университет.

Батищев Александр Сергеевич, студент факультета социальной психологии. Магистерская программа «Практическая этнопсихология». Московский государственный психолого-педагогический университет.

¹ Сведения составлены на основании заявок, поданных на конференцию, и не являются исчерпывающими.

Бахарев Артур Владимирович, студент факультета социальной психологии. Магистерская программа «Социальная психология». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Болотова Дария Александровна, студент факультета социальной психологии. Магистерская программа «Психология дорожного движения». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Болтова Анна Юрьевна, студент факультета социальной психологии. Программа бакалавриата «Современная социальная психология». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Ботова Светлана Анатольевна, студент факультета социальной коммуникации. Магистерская программа «Психология и педагогика дополнительного образования». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Браславский Алексей Дмитриевич, студент факультета социальной психологии. Программа бакалавриата «Современная социальная психология». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Бровман Григорий Владимирович, 16-ЮП -П(м/о) ТРДП магистратура 2 курс

Быстров Андрей Дмитриевич, студент факультета социальной психологии. Программа бакалавриата «Современная социальная психология». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Варенова Оксана Александровна, студент факультета социальной психологии. Магистерская программа «Социальная психология образования». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Великанов Леонид Владимирович, студент факультета социальной психологии. Магистерская программа «Психология дорожного движения». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Вертоградская Татьяна Ивановна, студент факультета социальной психологии. Магистерская программа «Практическая этнопсихология». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Волкова Дарья Андреевна, студент факультета социальной психологии. Магистерская программа «Практическая этнопсихология». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Гадилия Алла Михайловна, кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии. Белорусский Государственный Экономический Университет. Минск, Республика Беларусь.

Головина Татьяна Сергеевна, студент факультета социальной психологии. Магистерская программа «Социальная психология образования». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Голуенко Екатерина Борисовна, студент факультета социальной психологии. Магистерская программа «Психология дорожного движения». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Горячева Наталья Валерьевна, педагог-психолог. ГБОУ Школа № 1602 (г. Москва), Московский государственный областной университет.

Даниленко Ольга Васильевна, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии. Факультет социальной психологии. Московский государственный психолого-педагогический университет.

Дементьева Евгения Витальевна, студент факультета социальной психологии. Магистерская программа «Психологический тренинг и консультирование в социальной сфере». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Дмитриева Ирина Валериевна, студент факультета социальной психологии. Магистерская программа «Психологический тренинг и консультирование в социальной сфере». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Допишинская Анна Александровна, психолог, ООО «Новая Структура». Москва.

Дорофеева Нина Владимировна, студент факультета социальной психологии. Магистерская программа «Социальная психология». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Дружкина Ольга Дмитриевна, студент факультета социальной психологии. Магистерская программа «Социальная психология». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Ершова Ольга Александровна, студент факультета социальной психологии. Магистерская программа «Психология дорожного движения». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Ефремов Сергей Борисович, аспирант кафедры психологии управления факультета социальной психологии. Московский государственный психолого-педагогический университет.

Желябина Мария Валерьевна, студент факультета социальной психологии. Магистерская программа «Социальная психология образования». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Жоржوليани Евгения Владимировна, студент факультета социальной психологии. Магистерская программа «Социальная психология». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Забегина Ксения Валерьевна, студент факультета социальной психологии. Магистерская программа «Социальная психология». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Забелин Сергей Владимирович, студент факультета социальной психологии. Магистерская программа «Практическая этнопсихология». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Забелина Екатерина Николаевна, студент факультета социальной психологии. Магистерская программа «Практическая этнопсихология». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Зангиева Татьяна Юрьевна, студент факультета социальной психологии. Магистерская программа «Социальная психология образования». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Зоткина Ольга Леонидовна, студент факультета социальной психологии. Магистерская программа «Практическая этнопсихология». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Иванова Юлия Эдуардовна, студент факультета социальной психологии. Программа бакалавриата «Современная социальная

психология». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Ивановская Эльвира Геннадьевна, студент факультета социальной психологии. Магистерская программа «Социальная психология образования». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Инна Борисовна Бовина, доктор психологических наук, профессор факультета Юридической психологии МГППУ

Кадушкина Екатерина Михайловна, студент факультета социальной психологии. Магистерская программа «Социальная психология образования». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Калякина Дина Шакаримовна, студент факультета социальной психологии. Магистерская программа «Психологический тренинг и консультирование в социальной сфере». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Карасёва Анна Константиновна, студент факультета психологии образования. Магистерская программа «Психологическое благополучие в детско-юношеском возрасте». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Клочкова Светлана Валерьевна, студент факультета социальной психологии. Магистерская программа «Практическая этнопсихология». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Ковыльникова Екатерина Александровна, студент факультета социальной психологии. Магистерская программа «Психология дорожного движения». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Кожухарь Галина Сократовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии. Факультет социальной психологии. Московский государственный психолого-педагогический университет.

Козлинская Марина Владимировна, студент факультета социальной психологии. Магистерская программа «Психологический тренинг и консультирование в социальной сфере». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Колесник Мария Анатольевна, студент факультета социальной психологии. Магистерская программа «Практическая этнопсихология». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Колядко Марина Михайловна, студент факультета социальной психологии. Магистерская программа «Психологический тренинг и консультирование в социальной сфере». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Кондратьев Юрий Михайлович, студент факультета социальной психологии. Магистерская программа «Психология дорожного движения». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Коробейникова Елена Владимировна, кандидат психологических наук, старший преподаватель ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Нижний Новгород.

Косинец Мария Алексеевна, студент факультета социальной психологии. Магистерская программа «Социальная психология образования». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Кочетков Н.В. кандидат психологических наук, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии. Факультет социальной психологии. Московский государственный психолого-педагогический университет.

Кочетова Татьяна Викторовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии управления. Факультет социальной психологии. Московский государственный психолого-педагогический университет.

Красило Татьяна Александровна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии развития. Факультет социальной психологии. Московский государственный психолого-педагогический университет.

Крушельницкая Ольга Борисовна, кандидат психологических наук, заведующая кафедрой теоретических основ социальной психологии. Факультет социальной психологии. Московский государственный психолого-педагогический университет.

Кузнецов Игорь Михайлович, кандидат психологических наук, доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного

образования. Факультет социальной психологии. Московский государственный психолого-педагогический университет.

Кутыга Светлана Михайловна, студент факультета социальной психологии. Магистерская программа «Социальная психология образования». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Левин Владимир Игоревич, студент Академии психологии и педагогики. ФГБОУ ВО «Южный федеральный университет». Ростов-на-Дону.

Леганькова Ольга Викторовна, заведующая кафедрой общей и детской психологии, кандидат психологических наук, доцент. УО «Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка». Минск, Республика Беларусь.

Лейбман Ирина Яковлевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования. Московский государственный психолого-педагогический университет.

Липеева Вера Юрьевна, студент факультета социальной психологии. Магистерская программа «Социальная психология». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Литвинова Елена Юрьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии управления. Московский государственный психолого-педагогический университет.

Лобанова Юлия Игоревна, кандидат психологических наук, доцент кафедры управления организацией. Факультет экономики и управления. Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет. Санкт-Петербург.

Лысов Михаил Игоревич, студент факультета социальной психологии. Магистерская программа «Психологический тренинг и консультирование в социальной сфере». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Лычкова Оксана Вячеславовна, студент факультета социальной психологии. Магистерская программа «Психологический тренинг и консультирование в социальной сфере». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Маковская Анна Владимировна, студент магистратуры факультета дистанционного обучения. Московский государственный психолого-педагогический университет.

Малинов Виталий Вадимович, студент факультета социальной психологии. Магистерская программа «Социальная психология». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Мальцев Виктор Викторович, студент факультета социальной психологии. Магистерская программа «Психология дорожного движения». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Маринова Татьяна Юрьевна, декан факультета социальной психологии, кандидат биологических наук, профессор кафедры теоретических основ социальной психологии. Московский государственный психолого-педагогический университет.

Марченко Екатерина Сергеевна, студент факультета социальной психологии. Магистерская программа «Социальная психология образования». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Мелёхин Алексей Игоревич, врач-психиатр, клинический психолог высшей категории, аспирант РНИМУ им. Пирогова. Российский геронтологический научно-клинический центр. Москва.

Мешкова Наталья Владимировна, кандидат психологических наук, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии. Факультет социальной психологии. Московский государственный психолого-педагогический университет.

Моисеев Р.Л., студент факультета консультативной и клинической психологии. Магистерская программа «Детская и семейная психотерапия». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Моргунова Лариса Николаевна, студент факультета социальной психологии. Магистерская программа «Социальная психология образования». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Мосолова Виктория Юрьевна, студент факультета социальной психологии. Магистерская программа «Социальная психология». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Муллахметов Андрей Владимирович, студент факультета социальной психологии. Программа бакалавриата «Современная социальная психология». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Муравьева Мария Петровна, студент факультета социальной психологии. Магистерская программа «Психологический тренинг и консультирование в социальной сфере». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Никитин П.С., студент факультета психологии. Магистерская программа «Социальная психология». ГОУ ВО МО Московский государственный областной университет.

Никифорова Елена Феликсовна, студент факультета социальной психологии. Магистерская программа «Практическая этнопсихология». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Николаева Оксана Викторовна, студент факультета социальной психологии. Магистерская программа «Психология дорожного движения». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Носков Алексей Юрьевич, студент факультета социальной психологии. Программа бакалавриата «Современная социальная психология». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Обухов Алексей Сергеевич, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник. Институт образования НИУ ВШЭ. Москва.

Орлов Владимир Алексеевич, кандидат психологических наук, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии. Факультет социальной психологии. Московский государственный психолого-педагогический университет.

Павлов Эдуард Евгеньевич, студент факультета социальной психологии. Магистерская программа «Социальная психология образования». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Павлова Ольга Сергеевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования. Московский государственный психолого-педагогический университет.

Палагина Анна Александровна, выпускник факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, специалист по связям с общественностью ООО ФСК «Лидер». Москва.

Папахчян Каринэ Арамовна, педагог-психолог МБОУ «Гимназия им. И.С. Никитина» (г. Воронеж). Студент факультета философии и психологии. Магистерская программа «Социальная психология». ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет». Воронеж.

Патракеева Оксана Викторовна, студент факультета социальной психологии. Магистерская программа «Социальная психология». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Пащенко Александр Константинович, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии развития. Факультет социальной психологии. Московский государственный психолого-педагогический университет.

Пенькова В.Н. кандидат психологических наук, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии. Факультет социальной психологии. Московский государственный психолого-педагогический университет.

Погодина А.В., кандидат психологических наук, заведующая кафедрой психологии управления. Факультет социальной психологии. Московский государственный психолого-педагогический университет.

Поликарпова Мария Сергеевна, студент факультета социальной психологии. Магистерская программа «Психология дорожного движения». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Попова Лариса Владимировна, преподаватель кафедры социальной психологии Академии психологии и педагогики. ФГБОУ ВО «Южный федеральный университет». Ростов-на-Дону.

Попович Юлия Алексеевна, студент факультета социальной психологии. Программа бакалавриата «Современная социальная психология». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Расходчикова Марина Николаевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии. Факультет социальной психологии. Московский государственный психолого-педагогический университет.

Реутова Анастасия Сергеевна, студент. Специалитет «Клиническая психология». Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Новосибирский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации. Новосибирск.

Рунов Иван Александрович, студент факультета социальной психологии. Магистерская программа «Социальная психология образования». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Сафонова Светлана Александровна, студент факультета социальной психологии. Магистерская программа «Социальная психология». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Саченко Людмила Александровна, магистр психологических наук, аспирант НМУ «Национальный институт образования» Министерства образования Республики Беларусь. Преподаватель, Государственное учреждение образования «Минский городской педагогический колледж». Минск, Республика Беларусь.

Сачкова Марианна Евгеньевна, доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии ФГБОУ ВО РАНХиГС. Москва.

Свирепова Дарья Фёдоровна, студент факультета социальной психологии. Программа бакалавриата «Современная социальная психология». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Сергеева Евгения Андреевна, студент факультета социальных наук. Магистерская программа «Управление персоналом». ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Нижний Новгород.

Сергеева Мария Михайловна, студент факультета социальной психологии. Магистерская программа «Социальная психология». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Серокурова Светлана Валерьевна, аспирант кафедры теоретических основ социальной психологии факультета социальной психологии. Московский государственный психолого-педагогический университет.

Сидоренко О.А. кандидат медицинских наук, доцент. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Новосибирский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации. Новосибирск.

Силаева Ксения Александровна, студент факультета социальной психологии. Магистерская программа «Психологический тренинг и консультирование в социальной сфере». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Сковородникова Алена Юрьевна, студент факультета социальной психологии. Программа бакалавриата «Современная социальная психология». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Соколовская Наталья Евгеньевна, студент факультета социальной психологии. Магистерская программа «Психологический тренинг и консультирование в социальной сфере». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Стриго Алла Андреевна, студент факультета социальной психологии. Магистерская программа «Социальная психология образования». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Сундуков Захар Викторович, студент факультета социальной психологии. Магистерская программа «Практическая этнопсихология». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Сухоручкина Анастасия Владимировна, студент факультета социальной психологии. Магистерская программа «Психологический тренинг и консультирование в социальной сфере». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Танакова Оксана Олеговна, студент факультета социальной психологии. Магистерская программа «Психологический тренинг и консультирование в социальной сфере». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Ташаева Бэла Саламбековна, студент факультета психологии образования. Магистерская программа «Психологическое благополучие в детско-юношеском возрасте». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Тимофеева Ольга Валерьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии ФГБОУ ВО Воронежский государственный университет. Воронеж.

Ткаченко Наталья Владимировна, кандидат психологических наук, доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем

поликультурного образования. Факультет социальной психологии. Московский государственный психолого-педагогический университет.

Усубян Шушаник Араевна, студент факультета социальной психологии. Магистерская программа «Практическая этнопсихология». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Федорова Елена Прокопьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной коммуникации и организации работы с молодежью. Факультет социальной коммуникации. Московский государственный психолого-педагогический университет.

Федорова Маргарита Дмитриевна, студент факультета социальной психологии. Программа бакалавриата «Современная социальная психология». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Федяева Анастасия Юрьевна, студент факультета социальной психологии. Программа бакалавриата «Современная социальная психология». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Хаймовская Н.А, кандидат психологических наук. Доцент кафедры теоретических основ социальной психологии. Факультет социальной психологии. Московский государственный психолого-педагогический университет.

Харитонов Александр Борисович, студент факультета социальной психологии. Магистерская программа «Социальная психология». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Харченко Максим Андреевич, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры психологии управления. Факультет социальной психологии. Московский государственный психолого-педагогический университет.

Хливненко Вероника Викторовна, студентка Института социально-гуманитарного образования. Специалитет «Психология предпринимательской деятельности». Белорусский Государственный Экономический Университет. Минск, Республика Беларусь.

Хухлаев Олег Евгеньевич, кандидат психологических наук, заведующий кафедрой этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования. Факультет социальной психологии. Московский государственный психолого-педагогический университет.

Хухлаева Ольга Владимировна, доктор педагогических наук, кандидат психологических наук, профессор кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования. Факультет социальной психологии. Московский государственный психолого-педагогический университет.

Цапина С.Ю., старший преподаватель факультета консультативной и клинической психологии. Московский государственный психолого-педагогический университет.

Чуланова Анна Михайловна, студент факультета социальной психологии. Магистерская программа «Психология дорожного движения». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Шапоренко Оксана Николаевна, студент факультета социальной психологии. Магистерская программа «Социальная психология». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Шарабарин Денис Владимирович, аспирант кафедры теоретических основ социальной психологии факультета социальной психологии. Московский государственный психолого-педагогический университет.

Шахбазова Екатерина Юрьевна, студент факультета социальной психологии. Магистерская программа «Практическая этнопсихология». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Шевчук Софья Алексеевна, студент факультета социальной психологии. Магистерская программа «Психологический тренинг и консультирование в социальной сфере». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Шорохова Валерия Альбертовна, преподаватель кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования. Факультет социальной психологии. Московский государственный психолого-педагогический университет.

Шульга Т.И., доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии. Факультет психологии. ГОУ ВО МО Московский государственный областной университет.

Щадина Анна Николаевна, студент факультета социальной психологии. Магистерская программа «Социальная психология». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Щедрова Ирина Александровна, студент факультета социальной психологии. Магистерская программа «Психологический тренинг и консультирование в социальной сфере». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Юнаева Глория Маратовна, студент факультета социальной психологии. Магистерская программа «Социальная психология образования». Московский государственный психолого-педагогический университет.

Ян Ибо, аспирант УО «Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка». Минск, Республика Беларусь.

**Социальная психология: вопросы теории
и практики**

**Материалы III Ежегодной научно-
практической конференции памяти
М.Ю. Кондратьева**

(10–11 мая 2018 г.)

**Москва, ФГБОУ ВО МГППУ
Факультет социальной психологии**

Общая редакция О.Б. Крушельницкой